

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
ССР

НАУЧНО-
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

БАКУ—1970

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ—1970

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
М. А. ДАДАШЗАДЕ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Н. И. КОНРАД,
Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОРТЯН, И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора),
Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор),
Б. М. ЮНУСАЛИЕВ, ЯШЕН КАМИЛЬ**

Ответственный секретарь Э. Х. ИБРАГИМОВ

Адрес редакции: Баку-73, просп. Нариманова, 31.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Э. В. СЕВОРТЯН

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ТЮРКОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ПО ГРАММАТИКЕ

Тюркологическая литература, выходящая у нас в стране, становится или уже стала труднообозримой. Поток научной продукции, особенно кандидатских и докторских диссертаций в области тюркского языкознания, нарастает такими темпами, что специалист-тюрколог подчас не успевает ознакомиться даже с их авторефератами.

Следует, однако, заметить, что рост объема научной информации в различных областях тюркского языкознания неравномерен. Так, объем научной литературы по вопросам грамматики равен объему литературы по всем остальным языковедным дисциплинам и разделам, или даже превосходит его.

Но и в неграмматической части тюркологической литературы существуют свои диспропорции. Если диалектографическая и частично диалектологическая работы приобрели достаточно широкий размах, то исторические, в особенности сравнительно-исторические, исследования еще не получили должного развития. Несколько лучше обстоит дело с лексикологией, но и она развивается слабо, особенно в сравнении, например, с лексикографией, которая вместе с грамматикой и диалектологией представляет собой наиболее развитую область тюркского языкознания. Самым узким местом отечественной тюркологии по-прежнему остается теоретическая фонетика, хотя у нас и появились отдельные работы, отличающиеся высокими научными достоинствами.

Особого внимания заслуживает теоретическая сфера тюркологической работы, где наиболее актуальной и первоочередной по своему значению представляется теоретическая ситуация в грамматике, что заметно сказывается и на других сферах тюркского языкознания.

С первых шагов организации на местах научной работы по конкретным тюркским языкам национально-культурное строительство надолго определило ее задачи: создание научных основ для преподавания родного языка в школе и для подготовки преподавательских кадров по родному языку в нарождавшейся высшей национальной школе. Так началась на местах продолжающаяся и поныне работа по изучению и описанию грамматического строя конкретных тюркских языков.

На долгие годы основное внимание национальных лингвистических кадров сосредоточилось на морфологии тюркских языков, а затем и на синтаксисе, для описания которых был принят принцип рассмотрения всей морфологии по частям речи, а синтаксиса по членам предложения (простого и сложного) и формам синтаксической связи; позднее объектом исследования стало и словосочетание.

Выбор частей речи как главного предмета морфологических исследований отчасти был определен опытом и традициями русской дореволюционной тюркологии и русского языкознания, плодотворная роль которого в истории дооктябрьской и послеоктябрьской тюркологии у нас в стране, в частности в разработке грамматических проблем, хорошо известна.

Установка на развитие учения о частях речи позволила распределить по частям речи производные и непроизводные лексические основы в тюркских языках, выработать для этого соответствующие критерии и в итоге перебросить мост между грамматикой и лексикой.

Ориентация на грамматическую категорию части речи в тюркской морфологии оказалась кратчайшим путем к созданию грамматических руководств и пособий для средней и высшей школы и полностью оправдалась практикой национально-культурного строительства в последующие годы.

Избранное направление грамматических разработок определило, естественно, и их характер. С самого же начала исследований в области грамматики и прежде всего морфологии на передний план выдвинулись преимущественно задачи классификационные, которые надолго — вплоть до наших дней — определили характер тюркологических разысканий в области грамматики тюркских языков.

У тюркологов как бы выработалось «классификационное направление» самого мышления при изучении лингвистических вопросов. В классификационном же плане началась и все еще продолжается разработка учения о частях речи и предложении.

Для начальных периодов развития исследовательской работы на местах плодотворность такого подхода к изучению грамматических явлений тюркских языков — несомненна.

Начатое в 30-х годах или несколько ранее описание частей речи и членов предложения в конкретных тюркских языках с уделением преимущественного внимания классификационным задачам позволило к концу 40-х — середине 50-х годов дать *in extenso* общую картину взаиморасположения частей речи в морфологии и структурных частей предложения в синтаксисе вместе с некоторыми их грамматическими и лексико-семантическими характеристиками. Итогом этой работы является большой фактический материал, накопленный советскими тюркологами по морфологии и синтаксису тюркских языков.

Следует, однако, подчеркнуть, что часть этого материала, весьма заметная, представляет собой повторение уже достигнутого советской тюркологией. В то же время многие коренные и сложные вопросы, волновавшие грамматистов-тюркологов старшего поколения еще в начальный период тюркологической работы, остаются нерешенными или слабо разработанными по сей день. К их числу, быть может в первую очередь, относится вопрос о единицах морфологии и единицах синтаксиса.

Основания, по которым производилась и еще производится классификация частей речи — этих основных структурных единиц морфологии, как это принято считать в тюркологии, — не могут дать в руки исследователя что-либо новое для углубления исследований в области грамматики, так как эти основания сложились на этапе первоначальных наблюдений, на базе того, что лежало на поверхности явлений, относящихся к грамматике, и определялись приближенно, а не в итоге специальных исследований свойств, связей и отношений частей речи к другим сферам языка. Именно отсутствием достаточного числа подобных исследований в большей степени можно объяснить тот факт, что мы еще не располагаем теорией частей речи в тюркских языках, хотя преимущественно ими за-

нимались эти годы в своих грамматических исследованиях. В связи с этой темой высказывалось немало соображений, мнений, гипотез. Но гипотезы оставались гипотезами, а теоретическая база и, следовательно, теоретический уровень изысканий в области частей речи существенно не изменились, как не изменилось главное направление этих изысканий — классификационное.

Задача дальнейшего развития научно-исследовательской работы по тюркским языкам, ее существенного углубления требует изменения направления этих изысканий, характера научных разработок в области грамматики. Речь идет о перемещении центра тяжести исследований с классификационных поисков и описаний в область изучения и описания свойств, связей и отношений грамматических единиц (частей речи, предложения, словосочетания и т. д.) с другими единицами, частями или сферами языка, т. е., короче, о том, чтобы перейти от составления классификационных схем к изучению научных проблем грамматики тюркских языков.

* * *

Все растущую потребность в углубленной теоретической работе в тюркологии вряд ли можно подвергнуть сомнению. Трудности, встречающиеся в разработке вопросов морфологии и синтаксиса, — это прежде всего трудности теоретического порядка.

Обостренное внимание к классификационным вопросам, стремление создать свою классификационную схему или улучшить старую в ряде случаев объясняется незрелостью теоретического мышления, при которой классификационные вопросы оказываются более доступными, чем другие аспекты теоретической работы. Однако в целом обращение к классификационным поискам в конечном счете имеет своим источником все ту же потребность в теоретической работе, которую послеоктябрьская тюркология стала ощущать, можно сказать, с первых шагов научно-исследовательской работы в нарождавшихся национальных тюркологических центрах.

Недостаточностью теоретической работы в тюркологии следовало бы объяснить также бесплодное теоретизирование, которое в последние годы иногда наблюдается в особенно популярных темах — о сложном или придаточном предложении, словосочетании или в темах из области частей речи.

Положению дел в теоретической работе не могло, естественно, помочь и то обстоятельство, что некоторые тюркологи, можно сказать, специализировались на составлении классификаций, время от времени подновляя свои прежние схемы или разрабатывая новые, непродуманно расходуя силы в погоне за априорными определениями для грамматических категорий («что такое подлежащее?», «что такое определитель?» и т. д.).

Рабочие схемы для грамматических классификаций в представлении многих тюркологов стали теоретическими разработками грамматических тем, и под теорией среди тюркологов нередко стали подразумевать классификацию, а для известной части специалистов термины «теория» и «классификация» стали почти синонимами.

Такое представление о теории, естественно, упрощало задачу подготовки кандидатских, а в ряде случаев и докторских диссертаций.

В последние годы появилось огромное число диссертаций по грамматике тюркских языков нередко со своей собственной классификацией, призванной, по мнению авторов, обеспечить высокий теоретический уровень исследований, раскрыть оригинальную в их представлении концеп-

цию или по меньшей мере представить на должном уровне теоретическую часть диссертации.

Однако при ближайшем сравнении теоретических схем в однородных или близких по теме работах выясняется, что существенных различий между ними нет, а схемы отличаются лишь частностями, в чем нетрудно убедиться на примере многочисленных диссертаций или монографий, посвященных сложному предложению.

Отличия между многими из них нередко сводятся к разному классификационному распределению одних и тех же синтаксических фактов.

«Что куда поместить» — подчас составляет чуть ли не главную заботу некоторых авторов синтаксических или морфологических исследований.

Между тем, к сожалению, классификаторские рекомендации оказались не в состоянии углубить или дополнить имеющиеся в науке сведения о тюркских языках, пролить новый свет на сложные вопросы морфологии и синтаксиса тюркских языков.

В связи со сказанным выше уместно остановиться еще на одном моменте. Мы имеем в виду не столь уж редкую особенность наших тюркологических исследований, когда между вводной теоретической частью работы и остальной, описательной, отсутствует должная внутренне необходимая, органическая связь, и поэтому они существуют как бы самостоятельно, независимо друг от друга.

Общая причина, приводящая грамматические работы к подобной структуре, заключается в том, что автором исследования произвольно выбираются такие положения нашего языкознания, которые, по его мнению, лучше других «подходят» к избранной им теме.

Что же предлагает автор настоящей статьи: отказаться от разработки вопросов классификации в исследованиях по грамматике?

Нет, конечно. Классификация всегда останется одной из забот тюрколога-исследователя, всегда будет одной из задач исследования, одним из результатов, органически вытекающим из свойств и особенностей изучаемого языкового явления.

Но изучение грамматических явлений с преимущественным упором на классификационные задачи становится все более бесплодным, а в теоретическом плане оборачивается топтанием на месте. Оно становится и затруднительным, так как грамматических тем для разработки их в господствующем направлении, попросту говоря, давно не хватает, темы сплошь и рядом начинают повторяться, и новые авторы иногда мучительно ищут обоснования правомерности существования подобных тем или даже их разделов.

Из сказанного, конечно, не следует делать вывода, что ту или иную тему можно исследовать только один раз. Языковедческая мысль время от времени вновь возвращается к уже изученным вопросам, но рассматривает их уже под новым углом зрения, в связи с новыми наблюдениями и фактами. Здесь, как и повсюду в мире, познание, развитие научной мысли движется по восходящей спирали, которая каждый раз включает в свои границы все наиболее существенное из того, что было добыто при предшествующем опыте (познании). Поэтому повторение исследований по старым языковедческим, в том числе тюркологическим, темам и проблемам не только гносеологически закономерно, но и просто необходимо в интересах дальнейшего развития научных исследований в данной области.

Все дело, однако, в том, как выполняется повторная разработка темы или проблемы, делает ли она шаг вперед на пути к более углубленной теоретической разработке с привлечением новых наблюдений и фак-

тических данных, или разработка остается на прежнем, уже достигнутом наукой уровне.

Казалось бы, сейчас, когда тюркологические центры уже располагают достаточно подготовленными и опытными кадрами тюркологов, мы вправе ждать новых, свежих наблюдений в области грамматики — наблюдений, углубляющих имеющиеся сегодня в науке сведения о тюркских языках, однако в действительности все обстоит несколько иначе.

Дело в том, что исходным источником целого ряда грамматических построений, грамматических описательных схем часто являются грамматики индоевропейских языков (например, русского), в результате чего даже опытный и достаточно подготовленный тюрколог, для которого тот или иной из тюркских языков является родным, смотрит на последний сквозь призму грамматики индоевропейских языков.

При описываемом положении невозможно ожидать разнообразия в теоретическом подходе к изучаемым явлениям и принципиальных различий в самих классификациях, которые применяют тюркологи-исследователи, работающие над сходными темами.

Грамматические описания и учебники грамматики будут составлять и впредь. Отказываться от них и от содержащихся в них классификаций невозможно и не следует. Но можно и нужно отказываться от априорных установок, которые лежат в основе таких классификаций.

Всякая классификация строится на определенной основе.

Не составляют исключения в этом отношении морфологические и синтаксические классификации, применяемые в тюркском языкознании.

Каковы же эти основания? Ввиду ограниченности места, остановимся только на основах морфологической классификации, т. е. на классификации частей речи, поскольку именно они занимали и продолжают занимать внимание наших тюркологов.

Советская тюркология не получила в наследие от дореволюционной рекомендаций относительно оснований для классификации частей речи, особенно именных.

На первых порах, когда перед молодыми, еще не окрепшими тюркологическими очагами на местах встала трудная задача разобраться в огромном материале родного языка, найти способы организации этого материала для его описания, наши тюркологи стихийно, независимо друг от друга, избрали самый доступный — семасиологический подход к языковому материалу, пытаясь с семантической точки зрения распределить именные и другие части речи в тюркских языках. Вскоре, однако, стали очевидными ограниченные возможности семасиологического подхода при выделении частей речи, и тюркологи обратились к их морфологическому, а в дальнейшем и к синтаксическому рассмотрению. На практике постепенно наметилась тенденция к объединению всех трех подходов — семантического, морфологического и синтаксического — при разграничении частей речи, в первую очередь именных. В 1936 г. А. К. Боровков сформулировал этот комплексный подход, который по настоящее время применяется в работах, относящихся к частям речи*.

В прошедшие годы не было недостатка в различных соображениях по вопросу о классификации частей речи. Одни предлагали сделать особый акцент на морфологических особенностях частей речи, другие — на их лексико-грамматических функциях, третьи — на обобщенных значениях и т. д., но все это на базе комплексного подхода к их описанию. Однако и комплексный подход не привел тюркологов к созданию теории

* О частях речи в тюркских языках. — «Революция и письменность», 1936, № 2.

частей речи, так как его основания (семантика, форма и функция слов как единиц частей речи) специально не исследовались и их выбор как критериев определения частей речи с самого же начала не был свободен от априорности. В широкой же практике исследований, посвященных частям речи, семасиологический подход очень часто сохранял, да и сейчас еще нередко сохраняет в ряде работ свой приоритет перед грамматическим или функциональным планами. Более того, правомерно говорить о фактическом выдвигании на передний план во многих работах, относящихся к грамматике, семантической стороны языкового явления. Его разнообразные проявления дают о себе знать и в морфологии, и в синтаксисе. За завесой семантической стороны изучаемого явления от тюрколога подчас ускользают системные связи этого явления с другими, их парадигматические отношения к явлениям одного порядка.

Семасиологический подход, его всеобщая доступность и легкость (на том уровне, на каком семасиология в тюркологии находится ныне) в свое время содействовали и все еще продолжают способствовать механическому переносу в описание тюркских языков грамматических явлений, присущих, например, индоевропейским языкам.

В качестве примера можно сослаться хотя бы на работы о степенях сравнения. С самого же начала разработки этой проблемы и вплоть до последнего времени (включая и 1969 г.) многие тюркологи исходили из того, что в тюркских языках степени сравнения существуют, и исследователю остается только выяснить, какими формами выражается сравнительная и какими — превосходная степени.

На первый взгляд все как будто действительно так и обстоит. Любое качественное прилагательное в тюркских языках выражает, так сказать, нормальную степень качества, «сравнительная степень» — качество, превышающее норму, «превосходная степень» — качество самой высокой степени. То же самое исследователь-тюрколог находит в степенях сравнения в индоевропейских языках, в частности в русском. Следовательно, рассуждает он, в тюркских языках, как и в индоевропейских, существует система степеней сравнения.

На этой основе построен ряд работ, посвященных степеням сравнения в тюркских языках, в том числе и исследования об отдельных степенях сравнения, например о превосходной степени в одной из самых последних работ.

В действительности дело обстоит несколько иначе:

1. Степени сравнения прилагательных в индоевропейских языках, например в русском, образуют микросистему, состоящую из взаимосвязанных форм, обозначающих *относительный* избыток или *относительное* превосходство в признаке, т. е. как то, так и другое лишь при сравнении предметов или явлений (обычно двух) по общему для них признаку. Вне сравнения степени сравнения существовать не могут.

Тюркские языки такой или сходной микросистемой степеней сравнения не обладают. Они располагают другой микросистемой — совокупностью синтетических, отчасти аналитических форм (синтетические: с аффиксами -са/-за и т. п., -сул и т. п., -suyan, -suyak, -mtak и т. п., -msu и т. д., так называемые интенсивы и целый ряд других форм; аналитические формы с рек'/бек'/бик', сок, kör, zuda и др.), которые выражают меру признака в прилагательном—его ослабленность, усиленность, избыток — не относительно, а абсолютно, вне всякого сравнения. Эти формы не образуют степеней сравнения.

Для передачи сравнения предметов по общему для них признаку в тюркских языках применяется общеизвестное синтаксическое построение с исходным падежом.

2. В индоевропейских языках, например в русском, латинском; немецком и т. д., система степеней сравнения прилагательных принадлежит словоизменению, и потому она универсальна, т. е. охватывает все качественные прилагательные.

В тюркских языках система форм, означающих количество признака в прилагательном, принадлежит словообразованию, и потому во всех своих формах она, как правило, распространяется лишь на ограниченное число или ограниченные разряды качественных прилагательных.

Индоевропейские языки также обладают такой или сходной системой форм, не имеющих, как и в тюркских языках, отношения к степеням сравнения прилагательных. Например, русскими параллелями тюркским формам со значением количества признака в прилагательном являются формы типа *-оватый, пре-* и некоторые другие (беловатый, скучноватый, тепловатый, премилый, черный-пречерный, преспокойный и т. п.). Не меньше, если не больше, аналогичных форм имеется в немецком и других индоевропейских языках.

Сказанное выше всего лишь типичный пример, иллюстрирующий довольно распространенную практику исследовательской работы, когда преимущественный семасиологический подход способствует проникновению в описание тюркских языков несвойственных им грамматических явлений.

Отметим попутно, что системы форм со значением меры признака в прилагательном в тюркских и индоевропейских языках заслуживают сопоставительного изучения.

Было бы нелепо в связи с этим ставить вопрос о том, нужно ли при изучении и описании грамматических явлений учитывать также их семантический аспект. Речь идет не об отказе от изучения семантики грамматического явления, а о другом — об ошибочности распространения семасиологического подхода и семантического критерия на все стороны изучаемого грамматического, да и вообще языкового явления, об ошибочности доминирования семасиологического аспекта при рассмотрении грамматического явления, что имеет место в ряде тюркологических исследований.

Сказанное в еще большей степени относится, если можно так выразиться, к семасиологизму здравого смысла. Мы имеем в виду не столь уже редкое на практике понимание грамматических и семантических (вместе с лексическими) отношений как прямого, непосредственного зеркального отражения отношений, существующих в окружающей действительности, в структуре языка, в частности в отношениях, существующих в грамматике тюркского языка. Именно такой характер нередко принимает семасиологический подход к грамматическому явлению в тюркологических работах.

* * *

Преодоление недочетов, о которых говорилось выше, требует, естественно, повышения теоретического уровня наших исследований.

Казалось бы для этого достаточно повысить научную квалификацию тюркологических кадров. Однако это — лишь один путь. Не менее, если не более важно обращение к новым направлениям или областям в тюркологической работе, к новым темам и методам с выдвиганием на передний план определенных теоретических проблем, разработка которых может создать надежную базу для дальнейшего развертывания исследо-

вательской работы в тюркском языкознании. За истекшие десятилетия советская тюркология обогатилась поистине огромным числом описаний посвященных слово- и формообразованию и словоизменению всех частей речи — описаний, явившихся результатом исследований форм, их значений и функций, относящихся к различным грамматическим разрядам и их отношениям внутри разных частей речи.

Среди них имеются также проблемные работы, затрагивающие существенные вопросы грамматического строя тюркских языков. К сожалению, работ по проблемам грамматики, не говоря уже о прочих разделах лингвистического описания, в тюркологии пока что мало и не они определяют основное направление научных поисков, о которых шла речь выше.

Интересы дальнейшего развития тюркологии, выяснение нерешенных вопросов морфологии и синтаксиса тюркских языков с соответствующим постепенным переключением внимания лингвистов на проблемные темы требуют безотлагательной разработки некоторых крупных теоретических вопросов. Возможности для этого у нас имеются. Компетентных и зрелых специалистов по тюркологии и тюркским языкам сегодня значительно больше и квалификация их выше, чем это было 15—20 лет тому назад. Советским тюркологам сегодня по плечу разработка серьезных теоретических проблем большой актуальности. Одной из первых среди них можно назвать проблему грамматической формы и тесно связанную с ней проблему грамматических категорий.

Форма во многих тюркологических работах в настоящее время понимается довольно расплывчато и неопределенно. Еще более аморфным, чисто семасиологическим, стало понятие грамматической категории в широком смысле этого термина.

Как-то незаметно появилось, а затем довольно прочно утвердилось и получило широкое распространение положение о том, что грамматическая категория (или грамматическое значение) может выражаться синтаксически или лексически с помощью специального аффикса.

Так что же следует называть в таком случае грамматической категорией и грамматической формой, если исходить из этого непонятного и внутренне противоречивого положения, при котором игнорируются основные показатели грамматической категории и грамматической формы: взаимосвязанность, коррелятивность форм, образующих систему (или микросистему), парадигматические отношения между формами?

Говоря о теоретической работе в тюркском языкознании, уместно коснуться также состояния этой проблемы и в зарубежной тюркологии. Советские тюркологи не пренебрегают результатами исследований по тюркским языкам, ведущихся за рубежом. Однако в области теоретических проблем грамматики, являющихся объектом особого внимания советских тюркологов, европейская или американская тюркология после Ж. Дени, К. Грэнбека и К. Броккельмана серьезных исследований не вела, и в основе немногочисленных современных зарубежных монографий по вопросам грамматики лежат те же идеи, которые были высказаны в свое время в *Grammaire de la langue turque* (Paris, 1921) Ж. Дени и дополнены в *Der türkische Sprachbau* (Köbenhavn, 1936) К. Грэнбека, отчасти в *Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratur-Sprachen Mittelasiens* (Leiden, 1954) К. Броккельмана.

Таким образом, в своих дальнейших грамматических разысканиях советские тюркологи, как и ранее, должны опираться прежде всего на результаты собственных исследований по фонетике, грамматике, лексике и семасиологии.

Среди направлений, где поиски тюркологов могут открыть перед ними новые возможности, первым следует назвать взаимоотношение грамматической категории и ее лексического носителя, или более широко — взаимоотношение грамматики и лексики и тесно связанное с этим функционирование грамматической категории.

Давно замечено, что значение или функция грамматической категории в тюркских языках нередко видоизменяется в зависимости от конкретного слова, с которым она сочетается. Утверждения на этот счет можно найти во многих работах, начиная с исследований 40—50-х гг. и кончая самыми последними работами. Выработался даже известный порядок, согласно которому при описании формы приводятся ее значения с соответствующими иллюстрациями. Затем в ряде работ следует стереотипное добавление: «...в зависимости от контекста (некоторые авторы добавляют еще «...и других обстоятельств») описываемая форма может означать то-то и то-то» и далее приводятся иллюстрации. При внимательном чтении, однако, оказывается, что во многих подобных иллюстрациях меняется не значение описываемой формы, а условия ее употребления, лингвистическая ситуация, в которой форма применяется.

В не меньшем, если не в большем, числе случаев мы действительно имеем дело с видоизменением значения грамматической формы под давлением речевой ситуации, под влиянием того слова, которое облеклось в данную форму. Однако до сих пор еще изменение семантики грамматической формы в зависимости от речевой ситуации (высказывания, предшествующего контекста, ожидаемого ответа на высказывание и т. д.) и лексического момента никем не изучалось. Таких работ, т. е. работ о функционировании, скажем, глагольных времен, форм принадлежности и других парадигматических единиц тюркской грамматики, в тюркологии пока не появлялось.

Приведем еще пример из области функционирования. Специалистами азербайджанского языка установлен факт употребления существительных со значением материала/вещества в грамматической позиции прилагательного, когда при его логическом подчеркивании прилагательное снабжается впереди числительным *bir* в усилительной функции, например: *dämir bir garu* «железная (именно железная, а не какая-либо другая) дверь». Аналогичные факты обнаруживаются и в турецком языке, что отмечают некоторые новейшие грамматики.

Из разных тюркских языков, где применяется такой прием логического выделения, известно, что усилительную частицу *bir* при необходимости может принять любое качественное прилагательное. Но возникает вопрос, может ли эту частицу в азербайджанском и турецком языках принять любое существительное со значением материала/вещества, обладают ли такие существительные другими свойствами прилагательных и т. д. — т. е. можно ли признать наличие в некоторых тюркских языках двух *demir/temir* и т. д. — *demir/temir* I «железо» — существительное и *demir/temir* II «железный» — прилагательное, двух *tas/das* — *tas/das* I «камень» — существительное и *tas/das* II «каменный» — прилагательное и т. п., или же мы имеем дело с особым случаем функционирования названных и подобных им слов. Для решения старого вопроса о существовании во всех тюркских языках или в некоторых из них прилагательных данного типа необходимо изучить функционирование всех названий материалов/веществ в разных речевых ситуациях.

Важность подобных фактов для учения об именных частях речи очевидна. Но не менее очевидно, что и априорные соображения по этому

поводу, так же как и попытки решить вопрос в классификационном плане, ничего дать не могут.

С функционированием тесно связано пока еще слабо изученное в тюркологии соотношение языка и речи.

Это соотношение находит свое выражение во всей системе словоизменения, особенно глагольного, и многократно проявляется в синтаксисе. Автору статьи известно пока лишь одно специальное исследование в данной области — докторская диссертация С. У. Усманова о строении слова в узбекском языке. Результаты этого исследования свидетельствуют о том, что в сфере соотношения языка и речи тюркологов ожидают интересные проблемы, новые находки, которые могут расширить наши сведения, например о частях речи, о структурных частях предложения, их связях и отношениях.

* * *

Соображения, высказываемые в данной статье, основываются не только на анализе научно-исследовательской работы по тюркским языкам в области грамматики, но одновременно на реальных тенденциях развития этой работы, в которой наряду с классификационными поисками существовала и существует тенденция к углубленному изучению особенностей, свойств и связей грамматического явления.

Она проявляется в различных сферах или направлениях тюркологической работы. Из ряда относящихся сюда фактов можно назвать словообразование — область, занимающую промежуточное место между грамматикой и лексикой.

Ясно обозначается несколько этапов в разысканиях по словообразованию, в первую очередь, естественно, аффиксальному (синтетическому). На начальном этапе — в 30—40-е годы — исследователи довольствовались преимущественно составлением перечня словообразовательных аффиксов, делением их на именные (субстантивные, адъективные и адвербиальные) и глаголообразующие. Затем к этому прибавилось описание значений некоторых именных аффиксов словообразования (-lyk, -tas и немногих других) с делением их, как и у глаголообразующих аффиксов, на продуктивные и непродуктивные, а производных имен на конкретные и абстрактные. Отметим попутно, что на этой стадии в основном находится пока разработка вопросов словообразования в западноевропейской и американской тюркологии.

Далее специалисты стали обращать внимание на производящие основы, изучение которых с самого начала приобрело грамматическое направление, т. е. имело своей целью выяснение того, от каких, например, именных частей речи образуются производные имена или глаголы при помощи соответствующих именных или глаголообразующих аффиксов.

В последние годы центр внимания исследователей-тюркологов стал перемещаться с внешних, так сказать, вопросов словообразования на вопросы внутреннего строения самой словообразовательной модели, а именно на словообразующие значения аффиксов, на источник непосредственного образования производного слова с помощью словообразовательного аффикса, на семантическое строение производных и некоторые другие вопросы. Выяснилось, что новые слова образуются не от частей речи, а от лексических значений производящих основ, что грамматическая природа производящей основы исторически нейтральна к словообразованию и т. д.

Так, тема аффиксального словообразования, преодолев рамки классификационного подхода, вышла на широкий простор углубленных ис-

следований, подойдя к важной лексико-грамматической проблеме — как образуется производное слово, и из чего складывается его значение.

Изучение данной проблемы, несомненно, может пролить новый свет как на учение о слове, так и на учение о частях речи.

В области словообразования не меньшее значение имеют и другие первоочередные проблемы, в числе которых можно назвать семантическое строение производного слова, разного в зависимости от словообразовательной модели; проблему путей и способов обобщения конкретных значений производных слов; проблему словообразовательной модели и др.

Между тем самые последние работы о словообразовании в тюркских языках показывают, что круг вопросов, занимающих исследователей, не претерпел существенных изменений с 50-х годов, что авторы этих работ еще не подошли даже к понятию словообразовательной модели, понятию системы словообразовательных форм, не пошли дальше того, что уже достигнуто в советской тюркологии. В отдельных же работах замечен даже известный отход от достигнутого уровня в описании аффиксального словообразования. Сказанное касается как синхронных, так и исторических описаний. Кстати говоря, в последних еще не определены специальные вопросы исторического словообразования, и исследователи пока придерживаются круга вопросов, принятых в синхронном описании.

На примере аффиксального словообразования отчетливо видно, как логика научных изысканий подвела исследователей к коренным проблемам синтетического словообразования. Но подобных примеров, увы, значительно меньше, чем тех, которые показывают, что исследователь-тюрколог вращается в замкнутом кругу одних и тех же вопросов. В подтверждение сказанного можно сослаться на состояние исследований о глагольном управлении.

Глагольное управление — одна из довольно распространенных синтаксических тем. Она разрабатывается уже два десятилетия, причем в начале 50-х годов исследования в этой области велись более интенсивно, чем в последние годы. И в данном случае круг вопросов, на которых сосредоточено внимание тюркологов, в основном остался тем же, каким он был в начале 50-х годов. Внимание исследователя по-прежнему занимает главным образом решение классификационных задач. Грамматические отношения, свойственные глагольному управлению, интерпретируются обычно как прямое, зеркальное отражение отношений, существующих в действительности между физически действующим лицом, его действием и предметом, на которое это действие практически направлено. Поэтому для авторов самых последних работ о глагольном управлении различие между теми или иными формами управления сводится к тому, охватывается ли объект (предмет) действием субъекта и с какой полнотой. Степень охвата зависит от значения глагола. Следовательно, задача исследователя сводится к классификации всех глаголов таким образом, чтобы они соответствовали разной степени охвата — вплоть до нулевой.

Так решается вопрос о глагольном управлении в самых последних работах, сходным образом решался он и двадцать лет назад.

Если рассматривать грамматические отношения как прямое отражение отношений в объективной действительности, то приведенную схему глагольного управления с ее классификационной установкой трудно в чем-либо серьезно упрекнуть. Однако в лингвистическом плане мы не найдем в ней ответов на такие существенные вопросы, как управление в процессе функционирования и его связь с конкретной ситуацией, как совмещение переходности и непереходности в одном глаголе, как разли-

чие в управлении одних и тех же глаголов в одном и том же языке (sog(a) — «спрашивать» с вин. и исх., ör- «целовать» с вин. и исх., as- «вешать» с местн. и дат., sölje- «говорить» с вин., исх. падежами и некоторыми послелогами и т. п.) или в разных языках (ata/atqa bin-/min-, at/atnu min- наряду с atqa min- и т. п.), как различие в управлении глаголов с тождественными значениями в тюркских и индоевропейских языках и многое другое. Ведь охват действием предмета у народов индоевропейской языковой группы такой же, как и у тюркских народов, а формы управления при семантически тождественных глаголах в их языках нередко расходятся.

Укажем, наконец, на то, что основные вопросы глагольного управления невозможно решить без рассмотрения именного управления, в котором участвуют те же падежи — вплоть до винительного, притом в именах, не восходящих к тюркским глаголам, — и которое в ряде типичных случаев параллельно глагольному управлению.

Трудно как-либо объяснить то положение, что именное управление все еще ждет своего изучения, но тем не менее это остается фактом.

Мы перечислили лишь часть вопросов об управлении, ждущих своего изучения. Но и из сказанного видно, что семасиологический и классификационный подход сильно сужает горизонты исследователя, заслоняет от него весьма существенные вопросы из области управления, изучение которых может пролить совершенно новый свет на всю проблему управления в тюркских языках. Как видим, привычные для тюрколога строгие рамки одной части речи могут оказаться помехой при исследовании таких тем, как управление.

Обширный круг вопросов заключен в большой и пока лишь частично освещенной области аналитических форм слово- и формообразования в их отношении к тем же категориям в синтетической (аффиксальной) форме.

До сего времени внимание тюркологов привлекала преимущественно лексика аналитического строения. Число работ, посвященных этой теме, весьма значительно. Исследователями поднят и введен в научный обиход большой фактический материал, особенно из области так называемых сложных слов, которые в своем огромном большинстве состоят из фразеологических сочетаний.

Время от времени в работах об аналитическом словообразовании можно встретить эпизодические сопоставления аналитических форм с функционально равными или близкими им аффиксальными формами. Такие сопоставления имеют, как правило, случайный характер. С другой стороны — и это важнее — они строятся так, как строятся часто, например, русско-тюркские или тюркско-русские сопоставительные работы, в которых каждая часть существует сама по себе. А какова грамматическая природа и в чем состоят грамматические свойства изучаемого явления в русском и тюркском языках, где они совпадают, в чем и почему расходятся — все это нередко остается за пределами внимания исследователя. В принципе то же самое отмечается в работах о словообразовании, где встречаются эпизодические сопоставления аналитических форм с синтетическими. К тому же и в работах по аналитическому словообразованию специалисты нередко ищут решения трудных вопросов на путях все тех же классификационных построений.

В самые последние годы наметился определенный перелом в данной области, о чем свидетельствует появление серьезных работ по фразеологии узбекского и азербайджанского языков (докторские диссертации Ш. У. Рахматуллаева и Г. Байрамова).

Вернемся, однако, к грамматическим исследованиям.

Грамматические формы аналитического строения, как и большая область аналитизма в тюркских языках вообще, пока еще не привлекают или недостаточно привлекают внимания наших тюркологов. Нельзя сказать, что в этой области ничего не делается. Напротив, в большинстве грамматик или грамматических исследований при описании частей речи приводятся также аналитические формы. Тюркологи участвовали в специальных совещаниях, посвященных аналитическим конструкциям в разных языках, обсуждали вопросы аналитических форм (на одной из ленинградских встреч тюркологов), выступали со статьями. Однако аналитизм в тюркских языках еще не стал областью специального целенаправленного изучения. Поэтому число относящихся сюда публикаций невелико: единичные монографии (как, например, исследование А. А. Юлдашева) и сравнительно немногочисленные статьи.

Пока остаются открытыми такие кардинальные вопросы, как основные признаки аналитической формы, отграничивающие ее от синтаксического оборота, синтаксической конструкции; как соотношение аналитизма и агглютинации в разных сферах слово- и формообразования; как типологические схождения и расхождения тюркского аналитизма с аналитизмом в конкретных индоевропейских языках и другие проблемы.

Для того чтобы подойти ко всем этим темам, потребуются время, предварительные разработки. Но некоторые вопросы могут быть поставлены уже сегодня, поскольку почва для их разработки в значительной степени подготовлена. В числе таких тем можно назвать, например, место и соотношение аналитических и синтетических форм в системе глагола. Давно ожидают исследования перифрастические формы глагола в юго-западных, среднеазиатских и во многих кыпчакских языках.

Совершенно новой, весьма актуальной и многообещающей областью тюркологических разысканий следует считать ареальные отношения внутри тюркских языков.

Нетрудно представить себе, что могут дать синхроническому и диахроническому изучению тюркских языков разыскания в области огузских, кыпчакских и других ареальных групп тюркских языков. Незавершенность этого направления тюркологической работы ощущается давно. И это весьма серьезно сказывается на исследованиях общетюркологического порядка, независимо от того, касаются ли они вопросов описательной или исторической тюркологии.

Отсутствие ареальных разысканий уже значительное время лимитирует развертывание сравнительно-исторических исследований особенно по младо- и бесписьменным тюркским языкам.

Имея в своем распоряжении обширный и разнообразный материал по ареальным группам, накопленный за прошедшие десятилетия, даже вполне компетентный тюрколог сегодня не может сказать, какими еще фонетическими и грамматическими, а также лексическими показателями отличаются друг от друга юго-западная, северо-западная, северо-восточная и среднеазиатская группы тюркских языков, помимо тех, о которых уже было сказано в объединенной классификации А. Н. Самойловича.

В этой terra incognita исследователя ждет целый ряд кардинальных проблем, решение которых потребует обогащения существующих в тюркологии методов исследования.

Самые последние исследования тюркологов указывают, кажется, на намечающийся сдвиг в ареальных исследованиях (мы имеем в виду монографию Б. Ч. Чарыярова о временах глагола в юго-западных языках и некоторые другие, пока единичные работы). Разумеется, сегодня еще

рано говорить о достоинствах и недостатках этих работ, тем более, что пока не ясно, какие именно вопросы необходимо разрешать в ареальных темах. Надо ли, например, заниматься в этих работах главным образом описанием форм, их значений и употребления в языках, образующих ареальную группу, или же изучение ареальных объединений должно вестись по иному плану с сосредоточением главного внимания на фактах, доказывающих ареальную общность исследуемых языков, позволяющих выявить более тесные связи отдельных языков внутри ареальных групп, определить исторические изменения в ареальных группах и направление таких изменений (т. е. установить происходит ли нарастающее сближение или же, наоборот, расхождение между языками одной ареальной группы или же, наконец, стабилизация исторически сложившихся схождений и расхождений) и т. д.

Можно ограничиться сказанным. Читатель, вероятно, поймет, что автор статьи менее всего задавался целью предложить рекомендательный список тем для исследований, в том числе и диссертационных.

Названные выше проблемы и темы приведены лишь в подтверждение той мысли, что даже в наиболее популярных темах типа синтетического словообразования или управления имеются серьезные нерешенные проблемы, разработка которых может открыть новые горизонты в морфологических или синтаксических разысканиях вообще, если только исследователь сойдет с проторенного пути классификационных поисков, в прежнем виде уже исчерпавших себя.

Затронутые в настоящей статье проблемы, касающиеся сферы грамматики, как и указанные выше узкие места в исследовательской работе по тюркским языкам, в несколько иных формах, несомненно, имеются и в других разделах тюркского языкознания — лексикологии, семасиологии, историко-грамматических описаниях, состоянии научной работы в которых требует, однако, специального рассмотрения.

А. Н. БАСКАКОВ

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ СОЮЗНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Союзная связь в тюркских языках не представляет собой искомого средства синтаксической связи, поэтому сложные предложения с союзами, и в частности сложносочиненные союзные предложения, в турецком языке до сих пор не являлись предметом специального исследования.

В большинстве работ они описывались в процессе выявления синтаксических функций сочинительных союзов и служили иллюстративным материалом при рассмотрении последних¹. Развитие союзной связи в современных тюркских языках, несмотря на обилие в них специальных синтаксических конструкций с неличными формами глагола, нашло отражение в ряде работ по синтаксису сложного предложения². Предпринимались попытки отойти от традиционного морфологического принципа описания сложносочиненных союзных предложений посредством рассмотрения значений сочинительных союзов. Исследование сложносочиненных союзных предложений в современных тюркских языках основывается на изучении структуры сложного предложения и составляющих его частей, а также семантических отношений между ними.

Выявление определенных структурных особенностей сложносочиненных союзных предложений в турецком языке позволяет установить критерии их строгой синтаксической классификации. Как в общем языкознании, так и в тюркологии окончательно не разрешен вопрос о границе сочинения и подчинения в сложном предложении. В турецком языке имеются такие сложные предложения с союзной связью, которые при одном и том же союзе могут быть сочиненными или подчиненными, например: *Siz oturun da bizler gidelim* «Вы садитесь, а мы пойдем» (сочинение); *Kılına bile dokundurmuşğımı şimdiden söyleyeyim de, herkesin haberi olsun* (Т. Н. 187) «Что и волосы его не трону, я сейчас могу сказать, чтобы каждому да было известно» (подчинение). Поэтому различение сложных предложений по сочинительным и подчинительным союзам не всегда представляется возможным. Необходимо искать другие семантические и

¹ *Türk dili grameri, Yazan Jean Deny. Tercüme eden Ali Ulvi Elöve, Istanbul, 1941, стр. 636—657. А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 355—363. Haydar Ediskun Yeni Türk Dilbilgisi. Istanbul, 1963, стр. 297—316. Tahir Nejat Gencan, Dilbilgisi. Istanbul, 1966, стр. 295—317.*

² *К. Сартбаев. Основные вопросы синтаксиса сложного предложения в современном киргизском языке. Докт. дисс. М., 1953; Э. Х. Тагизаде. Сложное предложение в современном азербайджанском литературном языке. Докт. дисс. М., 1966; Г. Г. Саитбатталов. Синтаксис сложного предложения башкирского языка. Баку, 1968.*

формальные признаки сочинения и подчинения. В большинстве случаев сочинительные союзы, выявляющиеся благодаря их способности соединять однородные члены простого предложения, соединяют и части сложносочиненного предложения.

В современном языкознании широко дискутируется вопрос о критериях деления сложного предложения. Принцип сочинения и подчинения предложений, структура которых допускает варьирование порядка их признается не основным и всеобъемлющим³. Выдвигаются принципы структурного деления сложных предложений, такие, как гибкость-негибкость и открытость-закрытость структуры сложного предложения⁴. Критерий гибкости-негибкости, предусматривающий наличие таких сложных частей, неприменим для тюркских языков (в них фиксирован порядок частей сложного предложения). Критерий открытости-закрытости структуры, предусматривающий наличие неопределенного множества структурно однотипных частей в сложном предложении с открытой структурой, хотя и применим для разграничения сложных предложений в турецком языке, однако весьма ограничен тем, что к предложениям с открытой структурой можно отнести только некоторые виды разделительных и соединительных сложносочиненных предложений.

Таким образом, ни указанные критерии структурного деления, ни союзы не создают достаточно твердой основы для классификации сложносочиненных предложений. Наиболее приемлемым остается семантический принцип, позволяющий устанавливать типы сложных предложений не по значению имеющихся в их составе союзов и не по структуре их частей, а по характеру отношений между частями сложного предложения.

Любое сложное предложение представляет собой конструкцию, состоящую минимум из двух простых предложений, имеющих свою собственную структуру и семантику. Рассматривать простое предложение в составе сложносочиненного как какую-то особую синтаксическую конструкцию нет никаких оснований. Не требует доказательств и тот факт, что любая часть или компонент сложносочиненного предложения способны к самостоятельному функционированию как коммуникативные единицы. Однако нельзя рассматривать сложное предложение лишь как сумму простых. В отличие от сложных словосочетаний, которые с некоторыми оговорками возможно представить как сумму простых, сложные предложения и структурно и семантически составляют новое качество. Действительно, сложное предложение по структуре не идентично простому: в нем нет ни свойственных простому предложению членов, ни средств синтаксической связи — примыкания, управления и согласования. Простое предложение монопредикативно, а сложное полипредикативно. В области семантики сложное предложение отличается от простого прежде всего тем, что его семантика как бы двухъярусна: первый ярус составляют семантики частей сложного предложения, а второй, особенно существенный для самого сложного предложения, — составляет семантика отношений между этими частями. Союзная связь, как было отмечено выше, в некоторой мере может быть формальным выразителем этого второго яруса. Можно сказать, что основным мотивом образования сложных предложений является стремление наиболее четко выразить семантическую связь двух или более простых предложений. Поэтому и правомерен семантический подход к анализу и классификации сложных предложений. Выявление семантических отношений заставляет обратить внимание

³ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 708.

⁴ В. А. Белошапкина. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр. 47.

на формальные и семантические особенности простых предложений — частей сложного предложения. Если признать части сложного предложения структурно и семантически идентичными простым предложениям, что подтверждается фактическим материалом, то можно допустить и то, что в составе сложного предложения не возникает адаптации этих частей. Происходит лишь объединение двух или более простых предложений, между которыми существует та или иная степень семантической связи и структуры которых допускают подобное объединение. Особенно наглядно это прослеживается на примере сложносочиненных союзных предложений. Любое из них можно расчленить и представить состоящим из некоторого множества формально самостоятельных предложений, семантически связанных по меньшей мере общностью или противоположностью смысловых планов. Более того, устранение союзов между частями сложносочиненного предложения только ослабляет, но не ликвидирует семантические отношения между ними, что еще раз подтверждает недостаточность классификации сложных предложений по их союзам. Таким образом, речь может идти не о каких-то специфических синтаксических структурах, свойственных исключительно частям сложного предложения, ибо количество таких структур равно количеству типов простого предложения, а о тех лексико-семантических и отчасти структурных свойствах, которые являются общими для частей сложного предложения того или иного семантического типа и позволяют двум или более простым предложениям стать частями одного сложного.

При лексико-семантическом анализе любого сложносочиненного союзного предложения обращает на себя внимание наличие или отсутствие в его частях общих лексических или грамматических элементов. Такие сложносочиненные союзные предложения, в частях которых имеются общие элементы, можно обозначить термином «коррелятные». Сложносочиненные союзные предложения, не содержащие таких элементов, соответственно обозначаются как «некоррелятные».

Коррелятные сложносочиненные союзные предложения по характеру соотносимых в их частях элементов подразделяются на предложения с лексическими и морфологическими коррелятами.

Сложносочиненные союзные предложения с лексическими коррелятами. К лексическим коррелятам в составе частей сложносочиненного союзного предложения можно отнести знаменательные члены, которые либо выражены в одинаковой лексической форме в обеих частях сложного предложения, либо в одной части выражены местоимением, а в другой — именем существительным или иной частью речи, способной субстантивироваться. Такие корреляты, выражающие один и тот же предмет или явление, могут выступать в частях сложного предложения в качестве одинаковых или различных его членов. Например: *Bahar bir hazan gibi girdi ve kimse baharın geldigini anlıyamadı* (Т. Н. 47) «Весна наступила как осень, и никто не смог понять, что пришла весна».

К лексическому корреляту может быть приравнен член сложного предложения, который одновременно относится ко всем частям сложного предложения, например: *Yine bir aile toplantısında kadınlar bir kenara çekilmiş, fiskos ediyorlardı ve erkekler şundan bundan konuşuyorlardı* «Снова при сборе всей семьи женщины, собравшись в стороне, шушукались между собой, и мужчины говорили о том и о сем».

Сложносочиненные союзные предложения с морфологическими коррелятами. К морфологическим коррелятам можно отнести аффиксы принадлежности или лица, которые либо одинаково воспроизведены в разных

частях сложного предложения, либо соотнесены с лексическим членом в другой части одного и того же сложного предложения, например: *Hayati yeni bir düzene girmesine girmişti ama rahatı yoktu* (Т. Н. 63) «Его жизнь вошла в новую колею, но покоя у него не было».

К морфологическим коррелятам могут быть отнесены аффиксы лица при сказуемых в частях сложного предложения, если лицо в одной части включает в себя лицо субъекта другой части, например: *Ertesi sabah tramvayda uzaktan iki yabancı gibi selâmlaşlık ve bir hafta onları görmedim* «На следующее утро в трамвае мы поздоровались издали, как чужие, и неделю я их не видел».

Сложносочиненные союзные предложения с синтаксическими коррелятами. К синтаксическим коррелятам следует отнести параллелизм структур частей сложного предложения, при котором возможны также лексические и грамматические корреляты, например: *Ne Hasan sana hayanet edebilir ne ben seni incidebilirim* (А. 117) «Ни Хасан не может тебя предать, ни я не могу причинить тебе вреда». Синтаксическим коррелятом можно считать также явление эллипсиса, наблюдаемое в некоторых видах сложносочиненных союзных предложений разделительного типа. Эллиптируется сказуемое, дубликат которого имеется в другой части сложного предложения, например: *Kimi anasını sever, kimi kızını...* (Т. Т. 256) «Кто мать любит, кто дочь».

Указанные здесь разнообразные корреляты не исчерпывают всех частных случаев корреляции, которые будут рассмотрены в разделах, посвященных семантическим типам сложносочиненных союзных предложений.

К некоррелятным сложносочиненным союзным предложениям можно отнести такие сложные предложения, между частями которых существует только семантическая связь, обусловленная либо общностью, либо противоположностью смысловых планов. Например: *Biraz sonra köpek acı havladı ve postacı bahçeye girdi*. (F. 18) «Спустя немного громко залаяла собака, и в сад вошел почтальон». *Dakikalar uzuyor, fakat kimse gelmiyordu* (F. 41) «Минуты шли, но никто не приходил». Критерий коррелятности-некоррелятности, будучи формальным признаком сложносочиненных союзных предложений, как, впрочем, и вообще сложных предложений, не совпадает с семантическими критериями этих предложений. О соотношении формального и семантического критериев будет сказано ниже, в разделах о семантических типах сложносочиненных союзных предложений.

С критерием коррелятности связан поныне неразрешенный окончательно вопрос о разграничении сложносочиненных союзных предложений с простыми предложениями, имеющими однородные сказуемые. В современном языкознании делаются попытки найти объективные критерии такого разграничения. Предлагается, например, считать однородными «синонимичные (или антонимичные) сказуемые, взаимно дополняющие друг друга и вместе называющие одно действие»⁵. Однородные сказуемые, которые выражают два разных действия, хотя и связанных во времени, предлагается считать неоднородными. В русском языке бессоюзная связь характерна для однородных членов, а союзная — для частей сложного предложения. Признается, что любые однородные сказуемые являются компонентами сложного предложения. А. М. Пешковский справедливо считал, что «от полной цельности до полной расчлененности, ничем не уступающей расчлененности предложений с разными подлежащими,

⁵ В. А. Белошапкина. Указ. соч., стр. 32.

здесь имеется гамма фактов со всеми переходными ступенями»⁶. Попытаемся разграничить однородные сказуемые и части сложносочиненных предложений, приняв за основные показатели однородности сказуемых их семантическую близость и единообразное грамматическое оформление, например: *Yedir-di, içirdi, üstelik para vererek gönderdi* (G. D. 315) «Накормил, напоил, к тому же дал денег и отправил».

Если сказуемые в предложении относятся к разным временным плоскостям и выражены различными частями речи, то они могут быть рассмотрены не как однородные члены простого предложения, а как сказуемые частей сложного предложения, с единым подлежащим. Например:

Niç yorgun degilim, aksine trende bütün gece uyudum (K. A. 22) «Я совершенно не уставший, напротив, я проспал в поезде целую ночь». При разграничении однородных членов и частей сложного предложения, помимо формального грамматического признака, может быть использован и семантический признак — смысловые отношения между сказуемыми, имеющими единое подлежащее. Если эти отношения носят отчетливо выраженный противительный, пояснительный или присоединительный характер, то в предложении имеют место не однородные сказуемые, а части сложносочиненного предложения, например: *Bekir benim misafirimdir ve kahve ocagında yatacak* (T. H. 187) «Бекир мой гость и ляжет (поэтому) у печи в кофейне». Единый субъект при двух или нескольких неоднородных предикатах также может считаться коррелятом частей сложного предложения.

Система коррелят составляет лексическую, грамматическую и синтаксическую основу сложного предложения. Если же в предложениях такие корреляты отсутствуют (некоррелятные сложные предложения), то имеется общая для частей сложного предложения семантическая связь, которая в равной мере присуща как коррелятным, так и некоррелятным предложениям. Отсутствие формальных признаков — коррелят (кроме союзов, которые, как уже отмечалось, не являются достаточно точными показателями семантического типа сложносочиненного предложения) в этих некоррелятных предложениях делает семантическую классификацию сложносочиненных союзных предложений наиболее гибким и всеобъемлющим средством описания всего их многообразия.

Семантическая классификация сложносочиненных союзных предложений в турецком языке. Поскольку в основу семантической классификации сложных предложений положены смысловые отношения между частями этих предложений, все формальные признаки являются лишь вспомогательными средствами, дополняющими семантическую классификацию при разграничении сложных предложений внутри их семантического типа. Однако традиционное деление сложных предложений с сочинительной союзной связью на три (соединительные, сопоставительные и разделительные)⁷ или более семантических типа подвергается критике по следующим основным причинам:

1. Сложные предложения являются предметом изучения синтаксиса, поэтому необходимо искать в первую очередь структурные, синтаксические критерии их определения, не довольствуясь семантической классификацией.

2. Семантический критерий вдвойне неопределенен: а) при подразделении сложных предложений на семантические типы неизбежен учет в той или иной степени лексического состава частей этих сложных предложе-

⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 424.

⁷ Грамматика русского языка, т. II, ч. 2. М., 1954, стр. 178.

ний, что увеличивает количество смысловых нюансов между частями сложного предложения и тем самым затрудняет выявление семантических типов и установление границ между ними, б) выделяемые на основе семантического критерия типы сложных предложений структурно неоднородны, а однородные структуры могут быть отнесены к разным структурным типам⁸.

Выдвигаемые против семантического анализа доводы трудно опровергнуть, если исходить из того принципа, что синтаксические конструкции (в данном случае сложносочиненные союзные предложения) могут и должны быть дифференцированы в первую очередь посредством синтаксических критериев (например, структурных свойств частей сложных предложений). Семантический критерий, действительно, не лишен ряда недостатков. Однако предлагаемые способы классификации сложных предложений, в частности сложносочиненных союзных предложений, не являются строго синтаксическими. Наряду с такими синтаксическими критериями, как однотипность-разнотипность и открытость-закрытость структур сложного предложения В. А. Белошапкина выдвигает критерий союзности-бессоюзности, справедливо считая его обладающим «наибольшей различительной силой»⁹. В то же время критерий союзности-бессоюзности, основанный на существовании или отсутствии в составе сложного предложения лексико-грамматических элементов, часть которых к тому же выполняет не только служебную — союзную функцию, но и входит в состав знаменательных членов предложения, не является синтаксическим критерием. В ряде случаев союзная связь носит вспомогательный характер, а значение смысловых отношений между частями сложного предложения выявляется из семантики и структуры самих частей, например: в сложном предложении в русском языке «Я сед, а ты, приятель, сер» сопоставительные отношения могут сохраняться и при эллипсисе союза «а» благодаря семантике и параллельности структур частей данного сложного предложения.

Даже такой, казалось бы, синтаксический критерий различения сложных предложений, как гибкость-негибкость структуры, заключающийся в возможности или невозможности перестановки частей сложного предложения, зависит от лексико-грамматического состава этих частей¹⁰. Несомненно, что при синтаксическом и тем более при семантическом способе разграничения сложных предложений невозможно да и нет особой необходимости отказываться от лексико-грамматического анализа частей сложного предложения. Разумеется, полный учет лексического состава сложного предложения при выявлении его структурного или семантического типа невозможен, как и учет всего многообразия сочетающихся синтаксических структур — частей сложного предложения. Предлагаемая выше система коррелят — это попытка суммировать основные лексико-грамматические и синтаксические признаки простых предложений, входящих в состав сложных.

Для турецкого языка нецелесообразна классификация сложносочиненных союзных предложений на основе семантики союзных средств. Во-первых, как уже отмечалось выше, союзная связь в тюркских языках не является исконной. Во-вторых, союзы и союзные слова лишь приблизительно можно классифицировать по значению, так как семантика соединяемых ими частей обладает приоритетом в определении характера отношений между частями сложного предложения. Наконец, в-третьих,

⁸ В. А. Белошапкина. Указ. соч., стр. 130—131.

⁹ Там же, стр. 104.

¹⁰ Там же, стр. 98.

наличие большинства сочинительных союзов в сложных предложениях не определяет ни семантики, ни структуры этих сложных предложений, и эллипсис этих союзов не разрушает смысловую и структурную целостности таких сложных предложений.

Итак, предлагаемая семантическая классификация сложносочиненных союзных предложений в турецком языке опирается в первую очередь на семантику отношений между частями сложносочиненного предложения, подкрепляемую значением сочинительных союзов и системой коррелятов. Таким образом, в современном турецком языке можно установить семантические группы сложносочиненных союзных предложений соединительного, сопоставительного, разделительного, пояснительного и присоединительного типов.

1. Сложносочиненные союзные предложения соединительного типа¹¹.

Сложные предложения данного типа состоят из частей, семантика которых соотносена с какой-либо единой темой, причем данная тема может отражаться в частях сложного предложения таким образом, что они могут иметь смысловую зависимость друг от друга, но могут и не иметь таковой. Наиболее распространенным соединительным союзом в турецком языке является союз *ve* «и». В этой же функции факультативно может выступать и союзное слово *da* «и, да».

Смысловая зависимость и независимость частей сложного предложения при соотносении их с единой темой существенно влияет на структуру сложного предложения данного типа. Так, сложные предложения, части которых независимы в семантическом плане, обладают гибкой структурой, например: *Gemi müthiş sallanıyordu ve o yakıcı rüzgâr tıfayıp derilerini pul pul ediyordu* (Т. Н. 59) «Судно сильно раскачивало, и раскаленный ветер обжигал кожу матросов». Части этого предложения могут меняться местами без ущерба для его структуры и семантики. Такие предложения либо характеризуются полным отсутствием лексических коррелятов, либо могут иметь один общий член, соотносящий части сложного предложения с общей для них темой.

Сложносочиненные союзные предложения соединительного типа, части которых семантически взаимосвязаны, имеют негибкую структуру. Такие сложные предложения могут не иметь лексических коррелятов и тем не менее обладать семантическим единством, обусловленным взаимосвязью и логической последовательностью действий в их частях, например: *Bu sırada tam tepelerinde bir şimşek çaktı ve gökler çöküyor gibi dehşetli bir gök gürültüsü her tarafı inletti* (F. 44) «В это время над самой головой сверкнула молния и на всю округу разразился такой ужасный гром, словно небеса раскололись».

Таким образом, лексический состав, определяющий характер семантической связи частей (их зависимость-независимость), в конечном счете определяет структурные свойства таких сложных предложений (их гибкость или негибкость).

Семантическая взаимосвязь частей сложносочиненного союзного предложения негибкой структуры часто подкрепляется наличием в его частях лексических и грамматических коррелятов. К лексическим коррелятам в таких сложных предложениях можно отнести лексически идентичные члены частей, выступающие в одинаковых или различных синтаксических функциях. Например: *Tüüy Bözugun şöreti gün geçtikçe parladi*

¹¹ Данный тип отношений называют «параллельным». См.: Ю. А. Смирнов. Сложноподчиненное предложение с придаточными определительными в современном пенджаби. М., 1963, стр. 8.

ve **bir gün** inanılmıyacak bir şey oldu (Т. Н. 81) «Слава Пегого разрасталась с каждым днем, и в один (прекрасный) день случилось невероятное». (В данном примере в обеих частях имеются лексически и синтаксически подобные члены — обстоятельства времени). Или: **Elleri titredi ve fener elinden düştü** (Т. Н. 75) «Руки у него задрожали, и фонарь вывалился из его рук». (Лексически идентичные, но выступающие в различной синтаксической роли члены — подлежащее в первой части и обстоятельство во второй).

Грамматические корреляты в сложных предложениях такого типа могут быть выражены аффиксами принадлежности при соотносимых членах в разных частях, например: **Kapıdan çıkarken hâlâ yanaklarında yaşlar süzülüyor ve ıslak gözleri genç kadına yalvararak bakıyordu** (F. 110) «Когда он выходил из дверей, по его щекам все еще струились слезы и его влажные глаза умоляюще смотрели на молодую женщину».

Подразделение сложносочиненных союзных предложений соединительного типа на имеющие и не имеющие смысловую зависимость между своими частями позволяет точно установить соотношение временной последовательности действий в частях этих предложений, традиционно принятой при дифференциации сложных предложений соединительного типа¹². Таким образом, сложные предложения с семантической независимостью частей характеризуются одновременностью действий, а предложения с семантической зависимостью частей характеризуются последовательностью действий. Это обуславливает гибкость структур первых типов и негибкость вторых.

Последовательность действий в частях сложных предложений соединительного типа, помимо указанных выше семантических предпосылок, может быть подкреплена лексическими и грамматическими средствами, уточняющими эту последовательность.

К лексическим средствам такого рода прежде всего следует отнести обстоятельства времени, причем роль последних связана с их позицией в сложном предложении. Если обстоятельство времени находится в начале сложного предложения соединительного типа, то оно относится ко всем частям этого предложения и не указывает на последовательность действий, а только выражает общий временной план, например: **Tam bu sırada** ^v **Karaoglanın arkasındaki çalılar aralandı ve Çuko ortaya çıktı** (Газ.) «Как раз в этот момент кусты за спиной Караоглана раздвинулись и появился Чуко».

Если же обстоятельство времени имеется в каждой части или только во второй части сложного предложения соединительного типа, то последовательность действий в этих частях уточняется посредством данных обстоятельств, например: **Ertesi sabah tramvayda uzaktan iki yabancı gibi selâmlaşlık ve bir hafta onları görmedim** (Н. А. 21) «На следующее утро в трамвае мы поздоровались издали, как чужие, и целую неделю я их не видел».

Имеет значение также лексико-семантический состав сказуемых в частях с последовательными действиями. Так, в первой части может быть сказуемое со значением чувств, восприятий (см. предыдущий пример, а также следующий): **Hemen karar verdim ve arkadaşlarımı kışkırtarak tekrar denize daldık** (В. О. 37) «Я немедленно приняла решение и, подгоняя своих товарищей, снова окунулась с ними в море». Во второй части может быть сказуемое со значением начала действия, например: **Sıcak çay ikisinin de gergin sinirlerini biraz yatıştırdıktan sonra karşılıklı**

¹² Грамматика русского языка, т. II, ч. 2. М., 1954, стр. 181, 189.

koltuklara oturdular ve Ayşe tekrar anlatmaya başladı. (В. О.) «После того как горячий чай немного успокоил натянутые нервы обоих, они сели напротив друг друга в кресла, и Айша снова начала рассказывать». Семантика сказуемых частей таких сложных предложений в конечном счете связана с семантикой самих частей сложного предложения и поэтому не поддается систематизации. Показатели времени сказуемых частей сложных предложений, как правило, не влияют на одновременность или последовательность совершения выражаемых ими действий, так как чаще всего они бывают одинаковы. Иногда при одинаковой временной плоскости, например прошедшего времени, сказуемое в первой части может иметь показатель давнопрошедшего времени, а сказуемое во второй

части — показатель определенного имперфекта: Her şey kendiliginden bu yolu almıştı ve ben sadece tâbi oluyordum (К. М. 146) «Все приняло такое необычное направление, и мне оставалось только подчиниться».

Сложносочиненные союзные предложения соединительного типа теоретически могут иметь открытую структуру. Однако в настоящее время в турецком языке наблюдается тенденция к краткости и выразительности речи, поэтому предложения, состоящие более чем из двух частей, встречаются крайне редко.

2. Сложносочиненные союзные предложения сопоставительного типа.

Сложные предложения этого типа состоят из двух частей (т. е. обладают закрытой структурой), сопоставляемых друг с другом. При наличии в частях таких сложных предложений соотносимых членов сопоставляются как эти члены, так и относящиеся к ним другие члены частей сложного предложения сопоставительного типа. Если в частях таких сложных предложений соотносимые члены отсутствуют, то сопоставление осуществляется между частями в целом. По характеру сопоставления сложносочиненные союзные предложения сопоставительного типа подразделяются на: а) собственно сопоставительные и б) противительные предложения.

а) **Собственно сопоставительные сложносочиненные союзные предложения.** Части таких сложных предложений находятся в отношении сопоставления их отдельных членов или сопоставляются в целом. Соединение частей этих предложений осуществляется посредством следующих союзов и союзных слов: ama «но», ya «а», halbuki «между тем, тогда как», ve «и». Сопоставительные сложносочиненные предложения отличаются наличием большого количества различных коррелят, в том числе параллельных структур их частей. В таких случаях сопоставляются лексически несоотносимые члены, например: Ben ona Nurettin diyorum ya, o da beni «Es, A, B, A» diye çağırır (Т. Н. 11) «Я ведь его называю Нуреттином, а он меня кличет «Эс, А, Б, А». В данном примере сопоставляются прямые дополнения. В случаях отсутствия коррелят или при наличии непараллельных структур сопоставляются значения частей в целом, например:

Senin işlerin fena değil ama, akibeti ne olacak (Т. Н. 40) «Твои дела неплохи, а что будет с его будущим».

При параллельных структурах частей и одинаковом лексическом их составе сопоставляются сами субъекты этих частей, например: Ben cevap veremedim, nitelikim siz de veremediniz (Е. У. 306) «Я не смог ответить, между тем и вы не смогли». В данном примере во второй части сложного предложения эллиптирован знаменательный член аналитической формы сказуемого (sevar), что характерно для сложных предложений с параллельной структурой частей (ср. с переводом).

б) **Противительные сложносочиненные союзные предложения.** Части противительных сложносочиненных союзных предложений находятся в

отношении противопоставления своих отдельных членов или противопоставляются в целом. Соединяются они теми же союзами, что и сопоставительные предложения, а также посредством следующих союзов и союзных слов: *fakat* «но», *da* «но, а», *bir* «только», *buna rağmen* «несмотря на это», *yoksa* «или», *ise* «же», *meğer* «однако», *ve* «и».

Противопоставление возникает благодаря противительной семантике частей такого рода сложных предложений, которая создается с помощью лексико-грамматических средств. Наличие лексических антонимов в качестве соотносимых членов в частях сложных предложений (чаще это сказуемые) устанавливает противительные отношения между такими частями, например: *Kocasının kürkü yoktu, ama kendisinin eski bir kürkü vardı.* (Газ.) «У ее мужа не было шубы, а у нее была старая шуба». Параллельность структур частей и антонимичные члены в этих частях сложного предложения могут иметь противительный характер даже в случае наличия союза с непротивительным значением, например:

Bütün yazdıkları boşa gitti ve bütün korktukları doğru çıktı (К. М. 159) «Все, что он писал, оказалось напрасным, и все, что его пугало, оправдалось». Противопоставление частей сложного предложения возможно, если в их составе имеются не антонимы, а такие члены, семантика которых имеет противительный характер, например: *Kasabada banka açmak istediler de o haramdır diye ayak diredi* (Т. Н. 51) «В городке захотели открыть банк, а он воспротивился под предлогом, что не дозволено верой».

Противопоставление с помощью грамматических средств выражается положительной и отрицательной формой глагольных сказуемых, например: *Dakikalar uzuyor, fakat kimse gelmiyordu* (F. 41) «Минуты тянулись, но никто не приходил». Сказуемые в противопоставляемых частях могут быть лексически одинаковы, например: *Onu kimse yola getiremez. bir ben yola getirebilirim* (Е. Y. 299) «Никто его не сможет убедить, а я смогу». К лексико-грамматическим средствам противопоставления можно отнести синонимичные сказуемые с разными служебными аналитическими формами, причем положительная форма одного из них может противопоставляться отрицательной форме или форме невозможности другого, например: *Ben mukavemet ettim halbuki siz aynı mukavemeti gösterememişiniz* (Т. Н. 68) «Я оказал сопротивление, между тем вы не смогли оказать такого сопротивления». Одно из сказуемых в частях противительных сложных предложений выражается глаголами со значением волеизъявления, а другое — любой частью речи со значением, не соответствующим значению первого. Одно из таких сказуемых имеет отрицательную форму, например: *Düşünmek, zihnini toplamak istiyordu*

amma, dayısının kahkahası kulagından gitmiyordu (В. О. 123) «Он хотел подумать, собраться с мыслями, но дядюшкин смех стоял у него в ушах». В большинстве случаев противопоставление сопровождается положительной—отрицательной формами сказуемых в частях сложного предложения, однако оба сказуемых могут иметь отрицательную форму, особенно когда оба они именные или одно из них глагольное, а другое именное,

например: *Рек çalışkan degildin ama, bunun ehemmiyeti yok* (К. М.) «Ты был не очень трудолюбив, но это не имеет значения». В случае отсутствия в частях сложносочиненных союзных предложений противительного типа соотносимых членов противопоставление осуществляется между частями в целом (см. предыдущий пример). Однако при наличии соотносимых

членов противопоставление осуществляется между этими членами. Противопоставляться могут подлежащие семантически разнородные, но объединенные общностью ситуации, а также имеющие грамматические корреляты (аффиксы принадлежности одному лицу). Например: *Sesi alelâdeydi, fakat gözleri yalvarıyordu* (В. О. 29) «Голос его был обычен, а глаза его умоляли». В данном примере противопоставление субъектов обеспечивается противительными значениями предикатов. Противопоставление предикатов может обеспечиваться противительным значением второстепенных членов (например, обстоятельств): *Bunu gizli bir maksatla söylemiştim ama o farkında olmıyarak samimiyetle cevap verdi* (В. О. 31) «Я сказал это со скрытым умыслом, а он, не обратив внимания, искренне ответил». Противительное значение могут иметь и неадекватные второстепенные члены, например дополнение и обстоятельство: *Mehmet beyin yüzünün hafifçe kızardığını farkettim, fakat derhal kendini toplıyarak alaycı bir tavırla cevap verdi* (В. О. 29) «Я заметила, что лицо Мемед-бея слегка покраснело, но, немедленно взяв себя в руки, он ответил с шутовым видом».

Семантической разновидностью сложносочиненных союзных предложений противительного типа в турецком языке, как и в русском, являются такие, в которых имеются отношения несоответствия, т. е. содержание одной части логически противоречит содержанию другой. Несоответствие частей может быть вызвано их семантикой в целом, например: *Şimdi daha çok, daha rahat gülüyordu, fakat gözyaşları aynı nisbette çoğalmıştı* (К. М. 148) «Теперь она смеялась еще больше, еще свободней, но слезы ее в той же мере становились обильнее». Иногда в одной части сложного предложения сказуемое выражено глаголом со значением «думать, считать, предполагать» и т. п., а содержание другой части не соответствует тому предположению, которое содержится в первой, например: *Ben bir cinayet oldu sanmıştım, meger dört ev aşırı komşumuz kamarot Salih efendinin katılısı doğuruymuş* (Т. Н. 114) «Я предполагал, что совершилось преступление, а между тем это, оказывается, за четыре дома от нас рожала жена нашего соседа-стюарда Салиха-эфенди». В частях таких предложений могут быть соотносимые антонимичные члены, например: *Onu çalışkan, uslu bir genç sanırdım, meger tembelin, yaramazın biri imiş* (G. D. 316) «Я считал его работающим, скромным юношей, а он оказался отъявленным лодырем и безобразником».

В зависимости от значения противительных союзов и союзных слов в противительные отношения могут быть привнесены дополнительные смысловые оттенки. Так, противительный союз *yoksa* «или, а не то» вносит значение обусловленности или «альтернативной мотивации». При нем действие в одной части сложного предложения происходит в зависимости от совершения или несорвершения действия в другой. Например: *Çekil karşımdan yoksa döğerim* (E. Y. 316) «Отойди от меня, а то побью».

Противительные союзы *ama*, *fakat* «но, однако» могут привносить значение уступительности, если между частями сложносочиненного предложения имеются отношения несоответствия, например: *Akşamları cad deler gene hıncahınç insanlarla doluyordu ama eski saadet kalmamıştı* (Т. Н. 51) «Хотя по вечерам улицы и бывали полны народа, но прежнего счастья не было».

Энклитика *ise* «а, же», которая может следовать за субъектом во второй части сложносочиненного предложения, выполняет функцию союза с

противительным значением, например: *A, siz benden evvel gelmişsiniz amiral, bense sizi bekliyecemimi zannediyordum* (В. О. 107) «А, вы пришли раньше меня, адмирал, (а) я же полагала, что буду вас ждать». Существует мнение, что энклитика не может выполнять функцию соединителя предложений¹³. Однако, учитывая ее позицию на границе частей сложного предложения непосредственно за субъектом второй части, следует отметить, что, с одной стороны, она подчеркивает противительные отношения между частями, а с другой — соединяет их. Все это дает право рассматривать энклитику как союзное слово.

Сложносочиненные союзные предложения сопоставительного типа, как явствует из приведенного выше языкового материала, обладают закрытой структурой, т. е. состоят из двух сопоставляемых частей — предложений. Данные предложения следует отнести к негибким, поскольку изменение порядка следования частей таких предложений либо невозможно, либо существенным образом меняет их логическое ударение.

3. Сложносочиненные союзные предложения разделительного типа. Предложения этого типа могут состоять из двух или более частей, действия в которых либо чередуются, либо исключают друг друга. Особенностью частей разделительных сложных предложений является идентичность синтаксических структур и грамматических средств оформления сказуемых.

В современном турецком языке к наиболее продуктивным разделительным союзам можно отнести: *ya, ya* «или, или», *ha, ha* «как, так», *hem, hem* «и, и», *kâh, kâh*, «то, то», *gegek, gegек* «как, так», *ne, ne* «ни, ни».

Действия в частях сложных предложений разделительного типа могут протекать либо одновременно, либо последовательно, например:

Hem şişî yağlanmalı, hem kebar pişmeli (Т. Т. 197) (посл.) «И шампур должен смазываться, и шашлык должен жариться».

Семантика частей сложных предложений данного типа и значения разделительных союзов могут привносить в отношения между частями различные смысловые оттенки, наиболее характерными из них являются альтернативность и взаимоисключение.

Значение альтернативности, т. е. выбора одного решения из двух, возможно при одном субъекте, или же в том случае, если части такого сложного предложения являются односоставными предложениями, например: *Ya bu deveyi gütmeli, ya bu diyardan gitmeli* (G. D. 307) (Посл.) досл.: «Или следует пасти этого верблюда, или следует уходить из этого края».

Если части в таких сложных предложениях имеют различные субъекты, то между этими частями могут иметь место отношения взаимоисключения, т. е. действие в одной части исключает возможность действия в другой части, например: *Ya ben anlatıyogum, ya da siz anlamak istemiyogunuz* (G. D. 317) «Либо я не могу объяснить, либо вы не хотите понять». Взаимоисключение может быть обусловлено несовместимостью значений частей или их членов. При этом часто возможен эллипсис сказуемого как во второй части такого предложения, так и в первой его части, если такие сказуемые идентичны, например: *Ya ben aldaniyogum, ya sen* (G. D. 317) «Или я обманываюсь, или ты». Взаимоисключение частей возможно, когда при параллельных структурах и одинаковом лексическом составе имеется противоположность синтаксических функций соотносимых членов, например: *Ya basın hükümet baskısı altındadır, ya*

¹³ А. Н. Кононов. Указ. соч., стр. 357.

hükümet basın tedhişi altındadır (G. D. 317) «Или печать под давлением правительства, или правительство под угрозой печати».

Посредством разделительных союзов *ha, ha* «как, так», *hem, hem* «и, и», *ne, ne* «ни, ни», *bir, bir* «да, да», *kimi, kimi* «кто, кто» могут соединяться части сложных предложений, между которыми существуют отношения семантически близкие к соединительным, например: *Hem herif saldırıyor hem de karım* (N. I. 28) «И тип набрасывается, и моя жена». *Ne o gidecek ne başkası* (D. 515) «Ни он не пойдет, ни (кто-либо) другой».

В разделительных предложениях с указанными союзами возможно наличие части, представляющей собой простое предложение, но без разделительного союза. Если такая часть находится в начале сложного разделительного предложения, то она имеет интродуктивное значение, а отношение между ней и частями, имеющими разделительные союзы, носит

пояснительный характер, например: *Ve genç atesçinin başı dönmeğe başladı, hem kazan başına vuruyor, hem de midesi bulantı yapıyordu* (T. H. 58) «И у молодого кочегара начала кружиться голова; и от котла ударяло в голову, и в животе мутило». В постпозиции такая часть имеет

значение резюме, например: *Kimi güler, kimi ağlar, dünyadır böyle gider* (T. T. 256) «Один смеется, другой плачет—таков мир».

Сложносочиненные союзные предложения разделительного типа, состоящие из семантически и структурно независимых частей — простых предложений, являются единственным семантическим типом предложений, обладающим свободным порядком расположения своих частей, а также имеющим открытую структуру, т. е. две и более части, например:

Kimi öldü, kimi iş bulamadı kimi dere kenarlarında, kimi ağaç altlarında hazin bir daüssilânın sızısını duydu (T. H. 48) «Одни умерли, другие не нашли работы, а третьи, сидя на берегу речки или под деревом, почувствовали боль ностальгии».

Сложные предложения разделительного типа в качестве коррелят своих частей могут иметь главным образом идентичные (параллельные) структуры, эллипсис сказуемых, т. е. синтаксические корреляты.

4. Сложносочиненные союзные предложения пояснительного типа.

Сложные предложения данного типа состоят из двух частей, из которых вторая дополняет или поясняет первую часть в целом или отдельный ее член. Сочинительные союзы, соединяющие части таких предложений,

могут быть следующими: *ve* «и», *hem* «также», *fakat* «но», *teger* «разве что» и пр. Эти союзы обычно соединяют части сложносочиненных предложений соединительного и сопоставительного типов, однако специфика отношений между частями сложного предложения пояснительного типа и наличие специальных коррелят позволяют выделить в турецком языке этот семантический тип сложных предложений¹⁴. По соотносительности поясняющей части с поясняемой или с ее отдельными членами предложения данного типа можно подразделить на две группы.

А. Сложносочиненные предложения, вторая часть которых поясняет первую часть в целом¹⁵. Сложные предложения данного вида характеризуются наличием во второй части указательного местоимения (обычно *bu* «это, этот»), семантически соотносимого со всей первой частью. Таким

¹⁴ Грамматика русского языка, т. II, ч. 2. М., 1954, стр. 198.

¹⁵ Такие отношения называют также «общей реляцией». См.: Ю. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 9.

образом, вторая часть, в которой такое местоимение может выступать в качестве любого, но только субстантивного члена, является распространением первой части. Например: *Evvelâ onların en âdisine bile korkak ve uzak bir hürmet hissedirim ve bu beni her türlü cesareten meneder* (А. Н. 4) «Сначала я испытываю даже к самым заурядным из них чувство боязливой уважения, и это лишает меня всякого мужества». Указательное местоимение *bu* может выступать не только в качестве подлежащего, как в предыдущем примере, но и как прямое или косвенное дополнение, например: *Böylece hayatım, hiç aklıma bile gelmiyen bir şekil almıştı ve ben bundan memnundum* (А. Н. 8) «Итак, моя жизнь стала невообразимой, и я был доволен этим». Значение пояснительных отношений, как явствует из примера, сохраняется благодаря лексико-семантическим свойствам частей таких сложных предложений, несмотря на различное значение сочинительных союзов, соединяющих эти части.

Б. Сложносочиненные предложения, вторая часть которых поясняет отдельный член первой части¹⁶. Сложные предложения данного вида характеризуются наличием во второй части знаменательного члена, соотносимого с членом в первой части. Такой знаменательный член выступает в субстантивной роли, поясняя отдельный член первой части. Лексические корреляты в подобных предложениях бывают двух типов: идентичные и местоименные. Идентичные корреляты выражены любой знаменательной частью речи и могут выступать в роли одинаковых или разных членов предложения, например: *Vana belki ters tarafı görünüyordu ve götünen taraf da şöyleydi* (Т. Н. 16) «Наверно, мне была видна обратная сторона, и видимая сторона была такова». В данном примере корреляты выражены именем существительным и выступают в роли подлежащих. Или: *Handan pek iyi, nazik, akıllı bir kadın, fakat kadın, da pek diyemiyecesim* (А. Н. 14) «Хандан очень хорошая, мягкая, умная женщина, но я и не очень-то могу назвать ее женщиной». Коррелят в первой части — именное сказуемое, а во второй — прямое дополнение. Или: *Yıllardanberi birçok babalar çocuklarını sonsuz fedakârlıklarla yetiştirmeye çalışıyorlar*

ama her çocuk maalesef bir Belkis değil (В. О. 12) «Издавна многие отцы старались с бесконечной самоотверженностью воспитывать своих детей, но, к сожалению, не каждый ребенок Белкис». Коррелят в первой части — прямое дополнение, а во второй — подлежащее. Как явствует из приведенных примеров, корреляты в зависимости от своей синтаксической функции могут иметь в составе разных частей различные показатели падежа, числа и лица, что не только не разобщает эти части, но, напротив, составляет грамматические средства выражения пояснительных отношений. Коррелятными возможно считать семантически близкие, но не идентичные члены, например: *Zarfin üstünde Adalet Partisinin damgası vardı ve bu mektup Adalet Partisi ilçe örgütlerine gönderilmiş bir genelgeydi* (N. I.) «На конверте была печать Партии Справедливости, и это письмо было циркуляром, разосланным районным организациям Партии Справедливости».

Корреляты, выраженные указательными или неопределенными местоимениями, могут находиться в первой, либо во второй части сложного предложения и соотноситься со знаменательными членами противоположных частей, например: *Bu lâflar da bittikten sonra birkaç kişi gerine gerine esnedi ve herkes yavaş yavaş şarkasını, bostonunu alarak evine*

¹⁶ Такие отношения называют также «частной реляцией». См.: Ю. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 9.

dagıldı. (А. Н. 6) «По окончании этих разговоров несколько человек, потягиваясь, зевнули, и каждый, не торопясь, взяв шапку и палку, пошел домой».

В аналогичных примерах корреляты выражаются существительными и местоимениями и выступают в своих частях в качестве подлежащих.

Коррелят, выраженный местоимением, может находиться и в первой части сложного предложения пояснительного типа. Соотносимое с ним слово конкретизирует значение такого местоимения и часто носит партиципальный характер по отношению к местоимению, например: Hastaneyi

birakıp mahalleye avdet ettigi zaman, herkes ona acıdı ve mahallenin ileri gelenleri öne düştüler, Ayşeyle eski kocasını barıştırdılar (Т. Н. 19) «Когда она, покинув больницу, вернулась в квартал, каждый сочувствовал ей, и влиятельные люди в квартале взяли на себя инициативу и помирили с Айшей ее бывшего мужа».

Сложносочиненные союзные предложения пояснительного типа могут выделяться как семантический тип сложносочиненных предложений главным образом благодаря указанным лексическим коррелятам.

5. Сложносочиненные союзные предложения присоединительного типа. Сложные предложения данного типа состоят из двух и более частей, которые следуют за первой частью и содержат какую-либо дополнительную информацию, семантически не связанную с содержанием первой части, но обусловленную именно этим содержанием. Следствием такой специфики предложений присоединительного типа и семантической разобщенности частей является отсутствие в их составе коррелят всех видов. Части предложений данного типа соединяются союзами *ve* «и», *da* «да», *fakat* «но», свойственными сложносочиненным предложениям соединительного и противительного типа, причем противительный характер между частями предложений присоединительного типа может сохраниться и при отсутствии их семантического противопоставления. Например: *Başkalağı belki yarar, fakat ben meşhur doktorum* (Т. Н. 116) «Может быть, другие так и делают, но я знаменитый доктор».

Сложным предложениям присоединительного типа свойственна различная структура составляющих их частей. Так, например, вторая часть в таких предложениях может иметь вопросительную форму при отсутствии вопросительной формы в первой части: *Henem kalkıp buradan gideceğim, fakat senin rengin neden bu kadar uçuk?* (В. О. 6) «Я немедленно встану и уйду отсюда, но почему у тебя такой бледный цвет лица?»

Сложные предложения присоединительного типа, таким образом, состоят из семантически разобщенных и структурно разнородных частей, сохраняя тем не менее общую коммуникативную целостность и общее структурное единство благодаря семантике текста и соединительной функции сочинительных союзов. Данные предложения имеют преимущественно негибкую структуру закрытого типа.

Семантический подход к классификации сложносочиненных союзных предложений турецкого языка позволяет выделить пять семантических типов этих предложений. Характер отношений между частями устанавливается благодаря сочетанию значений частей в целом, сочетанию значений определенных лексических элементов, а также значению сочинительных союзов, многие из которых полисемантчны. Из этого не следует, что данная семантическая классификация целиком исходит из лексического наполнения частей сложносочиненных союзных предложений. Учитываются лишь общие свойства лексических элементов в частях, как, напри-

мер, синонимичность или антонимичность членов в сложных предложениях сопоставительного типа. Таким образом, можно говорить не о конкретном, а об общем значении лексических элементов, которые могут определять отношения между частями сложносочиненного предложения. Система лексических и грамматических коррелят, их наличие или отсутствие наряду с союзами составляет формальную основу семантической классификации сложносочиненных союзных предложений в турецком языке.

Условные сокращения:

- A. — Sabahattin Ali. Hikâyeler. Sofya, 1954.
A. H. — Halide Edip Adivar. Handan. Ist., 1943.
B. O. — Muazzez Tahsin Berkand. O ve kızı. Ist., 1956.
D. — Ahmet Cevat Emre. Türk dilbilgisi. Ist., 1945.
E. Y. — Haydar Ediskun. Yeni Türk dilbilgisi. Ist., 1963.
F. — Kerime Nadir. Funda. Ist., 1955.
G. D. — Tahir Nejat Gencan. Dilbilgisi. Ist., 1966.
K. A. — Halide Edip Adivar. Kalp ağrısı. Ist., 1943.
K. M. — Yaşar Kemal. Ince Memed. Sofya, 1958.
N. I. — Aziz Nesin. İhtilâli nasıl yaptık. Ist., 1965.
T. H. — Türk hikâyeler. Sofya, 1956.
T. T. — F. F. Tülbentçi. Türk atasözleri ve deyimleri. Ist., 1963.
Y. H. — Yeni hikâyeler. Ist., 1951—1955.
Газ. — Турецкие газеты.
-
-

М. И. ТРОФИМОВ

О ВЛИЯНИИ ДЛИТЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ НА СЛОГОДЕЛЕНИЕ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Когда говорят о слогаделении в тюркских языках, наряду с перечислением типов слогов отмечают, что стечение согласных в начале и в конце слова органически чуждо этим языкам и что в заимствованных словах такие стечения разряжаются вокальными эпентезами, в особенности в просторечии, например: $pyrletar\ ystaby$, а также то, что в середине слова два рядом стоящих согласных расходятся по разным слогам, например: $kus-ta, k'es-k'ep, zar-gak$ ($zarygak$), ср. русск. *выскочил, упрощил*¹. Последнее замечание можно сопоставить с высказыванием Ф. де Соссюра по поводу латинского слова *patrem*, в котором звук *a* может быть как долгим, так и кратким, потому что сочетание *tr* бывает как имплозивно-эксплозивным, так и эксплозивно-эксплозивным².

Из сказанного следует, что в тюркских языках подобное сочетание может быть только имплозивно-эксплозивным. Однако, как указывали уже издатели Ф. де Соссюра, его концепция представляет собой некоторое упрощение, так как при анализе слогаделения следует учитывать не только чередование эксплозии и имплозии, но и качество согласных, входящих в состав слогов³. Цель данной статьи не только рассмотреть вопрос о применимости теории Ф. де Соссюра к тюркским языкам, в частности к новоуйгурскому языку, но и учесть при этом такой фактор, как влияние длительных согласных, сонантов (сонорных) и спирантов, то есть тех согласных, которые наряду с гласными обладают слогаобразующими свойствами⁴.

Начало слова. Е. Д. Поливанов отмечает действие двух противоположных тенденций в тюркских языках. С одной стороны, тюркские языки не терпят стечения согласных в начале слова, что является причиной возникновения эпентетического сверхкраткого гласного при произношении, допустим в узбекском, таких русских слов, как гром, плеть, пшено (g^1gom, p^1let, p^1sino).

С другой стороны, гласный *i* (наиболее краткий в том же узбекском языке) ослабляется в первом открытом слоге, например, $p^1sirmoq^5$. Таким

¹ Н. А. Баскаков. Структура слога в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика, М., 1955, стр. 333—334.

² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 74.

³ Там же, стр. 70, прим.

⁴ Там же, стр. 72.

⁵ Е. Д. Поливанов. Субъективный характер восприятия звуков языка. — В кн.: «Статьи по общему языкознанию», М., 1968, стр. 239—240.

образом, происходит своего рода нейтрализация двух позиций. В своих комментариях к теории слога Ф. де Соссюра его издатели приводят подобные же примеры. Они указывают на возникновение протетических гласных перед сочетанием $s + \text{смычной}$ во французском языке: лат. *scutum* дало *iscutum* > *escu* > современное фр. *escu*, и объясняют это с точки зрения теории Ф. де Соссюра следующим образом: сочетание $\overset{>>}{SK}$ — разорванный отрезок, более естественно $\overset{>>}{SK}$. Но этот имплозивный S должен служить вокалической точкой, когда слово находится в начале фразы или когда предыдущее слово оканчивается на гласный низкой степени открытости. Протетический i или e только подчеркивает это сонантическое качество. Всякое утверждающееся, хотя и малозаметное фонологическое свойство имеет тенденцию к распространению. Это же явление повторяется в слове *esklandre* и в народном произношении таких слов, как *esqueletter*, *estature*. Другой пример: в результате синкопы *de tanche* превратилось в *d'tanche*. Чтобы быть слышимым, d должен стать имплозивным: d *tanche*, как и в других подобных случаях гласный развивается перед ним. Таким образом, мы имеем (в вульгарном произношении), например, *un oeil ed tanche*⁶.

Возникновение эпентетических узких гласных i (u), u (y), \ddot{y} (γ) в начале и в конце заимствованных слов, содействующих разрядке стечения согласных, известно и в уйгурском языке⁷. Если следовать теории Ф. де Соссюра, то прежде всего надо обратить внимание на появление протезы перед сочетанием спирант + смычной в начале слова, например: *ишпион*, *истакан*, *истанса* (станция), *исправка*, *иштан*, *устэл* (стол)⁸. С другой стороны, редукция гласного в первом открытом слоге должна в первую очередь наблюдаться между согласными, которые расположены в таком порядке, что могут составить эксплозивно-эксплозивное сочетание без разрыва цепи: *билэн*, *бирак*, *дурус*, *пишип*, *билим*, *чирай*⁹. Однако, как мы видим уже у Е. Д. Поливанова, эпентеза и редукция могут иметь место внутри аналогичных сочетаний согласных. В частности, эпентетический гласный может появляться и после смычного перед сонантом, например: *кулуп* (клуб)¹⁰, *гирам* (g^1gam)¹¹. С этим можно сопоставить протезы в русском языке: *агромáдный*, *аржаной*, где p является то эксплозивным, то имплозивным.

Если отвлечься от влияния ритмики на явления эпентезы и редукции (а этого влияния, видимо, нельзя отрицать), то общая картина представляется в следующем виде. Главную роль играют длительные согласные, которые могут быть и сонантами, и спирантами, причем среди сонантов наиболее длительным является r , а среди спирантов — s , z . С одной стороны, длительный сонант или спирант обладает способностью к абсорбции гласного в сочетаниях $\text{смычной} + \text{гласный} + \text{длительный}$, например, в словах b^1rak , b^1lep , p^1sip . С другой стороны, в сочетаниях длительный спирант + смычной спирант, являясь напряженным, становится слогаобра-

⁶ Ф. де Соссюр. Указ. раб., стр. 76, прим. издателей.

⁷ А. К. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 8; Т. Талипов. Система гласных в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1960, стр. 14.

⁸ Т. Талипов. Указ. автореферат.

⁹ А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка. — В кн.: «Уйгурско-русский словарь». Алма-Ата, 1961, стр. 292; *его же*. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В сб.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 370.

¹⁰ Т. Талипов. Указ. автореферат.

¹¹ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 225.

зующим и в конце концов производит препозитивный локальный призвук, как в словах *istakan*, *ispion*, а в словах *kulur* «клуб», *gigam* «грамм» напряженность смычного передается по цепи длительному сонанту, который также производит препозитивный призвук.

Особенно следует отметить способность согласного *r* (эксплозивного) создавать призвук. В слове *kağavet* «кровать» он производит в качестве эпентезы даже не узкий, а широкий гласный (в казахском *kirevet*). А в абсолютном начале слова (например, в слове *ogus*) возникает протеза, как бы эквивалент целого сочетания согласных. Что же касается редукации, то в диалектах ее могут испытывать и широкие гласные в первых открытых слогах, главным образом в позиции после смычного перед длительным сонантом или спирантом: *к₁ъра*, *к₁ърап*, *бъла*, *к₁ъзан*, *к₁ъйси*, *йъман*, *йығач*, *к₁ъчиду* (на месте *a*), *къшун*, *бълуп*, *къшулуп* (на месте *o*)¹².

Конец слова. В качестве иллюстрации к своей теории Ф. де Соссюр приводит пример с индоевропейскими сонантами. Древневерхненемецкое *hağl* превратилось в *hağal*, а *bağ* осталось без изменений. Комментаторы Ф. де Соссюра объясняют это тем, что в последнем слове второй элемент имплозивного отрезка *-l-* играет роль консонанта и нет оснований для изменений. Наоборот, имплозивный *-l-* в *hağl* явился вокалической точкой. Будучи сонантом по терминологии Ф. де Соссюра «слоγοобразующим», он развил перед собой более открытый гласный (*a*). С течением времени этот гласный снова редуцировался. Ныне *hağal* снова произносится как *hağl*; *-l-* — является закрывающим. Другое дело фр. *aigle*, где *-l-* является открывающим с конечным немим *-e*: *e g l e*¹³. В качестве примера можно привести такие русские слова, как *вопль*, *корабль* или метатезу *Селиверст* < *Сильвестр* < *Silvester*.

Так как речь стремится к максимальной скорости, то наиболее экономичным ее построением является такое, при котором каждый ее сегмент может разлагаться на минимальное число гармонических колебаний, т. е. кратных целому числу полупериодов. В математике это называется гармоническим анализом. Если мы будем иметь остаток, то это поведет либо к проигрышу времени, либо к проигрышу энергии. Разрыв речевой цепи представляет собой именно такой остаток.

В индоевропейских языках можно найти и обратные примеры, когда эпентеза внутри стечения согласных в конце слова возникает после длительного сонанта перед другим согласным, возможно смычным. Так, в нидерландском языке в просторечии может возникать эпентеза между сонорными *l*, *r*, *n* и последующим согласным: *agm* > *agām* «рука», *melk* > *melāk* «молоко»¹⁴. В уйгурском языке мы можем найти аналогичные примеры. Гласный может развиться в конце слова после смычного перед длительным сонантом или спирантом: *пикир* (*фикр*), *эмэр*, *эмурни* (*эмр*), *өктэбир*, *эк₁ил* (арабск. *факл*), *жинис* (*жинс*)¹⁵. Если учесть, что имплозивные *r* и *l* часто подвергаются редукации, то в указанных словах эти звуки только тогда могут развить перед собой гласный призвук, если они являются напряженными. Исключением являются лишь слова со сте-

¹² А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 225; Т. Талипов. Указ. автореф., стр. 5—6, 14.

¹³ Ф. де Соссюр. Указ. раб., стр. 76, прим. издателей.

¹⁴ С. Я. Миронов. Нидерландский (голландский) язык. Изд. МГУ, 1965, стр. 14.

¹⁵ Н. А. Баскаков. Уйгурский вокализм. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 119; Т. Талипов. Указ. автореф., стр. 14.

чением согласных в конце слова типа длительный сонант или спирант + смычной, например: *алд, аст, үст, төрт, ант*¹⁶. Но известны также примеры, когда после длительного *г* или *с* все-таки развивается гласный, особенно в заимствованных словах, например: шэрик «восток», пэрик «различие, разница»¹⁷, к₁ирик₁ «сорок», к₁орук₁ти₁¹⁸, к₁исим «часть, отдел», к₁исм, исим «имя», исм¹⁹, рэсим (арабск. рэсм)²⁰. По-видимому, сонанты могут то выступать как напряженные (например, в словах *segik, regik*), то подвергаться редукции как обычный импловивный сонант (например, в словах *tört, k₁irk₁, xelk₁*). Другой вариант: конечный согласный, главным образом смычной, становится эксплозивным, например, в словах *гирдэ, аванса, танка, митинга, Новосибирски* (просторечие)²¹. Вероятно, превращение конечного сонорного в эксплозивный объясняет появление у некоторых слов аффикса принадлежности *-si*, который, как правило, присоединяется лишь к основам, оканчивающимся на гласный, напр.: *birsi, siqlisi*. Наконец, *и* вообще имеет тенденцию подвергаться редукции перед длительными сонантами и спирантами, например, в словах *б^нр, с^нз, т^нз* «расставка»²².

Середина слова. Большое количество фактов редукции гласного наблюдается в середине слова. М. А. Черкасский приводит примеры так называемой «беглости» или синкопы гласных, заключающейся в том, что при наращении аффиксов к некоторым двусложным основам (преимущественно именным, но иногда и глагольным) содержащийся во втором закрытом слоге узкий гласный выпадает. Например, в казахском: *тигуп—тигүпү, қагуп—қағпұт, мојуп—мојну, ојуп—ојна*²³.

М. А. Черкасский (вслед за Ф. Е. Коршем) считает это явление еще одним доказательством былой ударности начального слога тюркских слов. Аналогичные факты можно привести и для уйгурского языка²⁴, однако более вероятным объяснением нам представляется абсорбция гласного сонантом, главным образом *р, л, й*. Здесь сказывается и влияние внутренней ритмики слова, так как гласные средних открытых слогов в уйгурском языке вообще подвержены редукции. При этом надо учесть, что импловивные *р, л, й* часто подвергаются редукции (как *г* в английском языке), оставляя после себя заместительную долготу гласного, так что *р, л, й* могут после выпадения гласного удержаться только в том случае, если они становятся напряженными. Часто узкий гласный выпадает во втором слоге непронизводной двусложной основы в процессе присоединения аффиксов принадлежности: *орун—орни, бурун—бурни* (выпадает узкий гласный, стоящий после *р* и перед другим сонантом или смычным). То же явление может происходить и в многосложных именных основах: *каригай—каргийи*, а также при образовании глагольных основ от прилагательных: *серик₁+ай+ди — саргайди* (с возвратом к доумлаутной

¹⁶ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 225.

¹⁷ А. Т. Кайдаров. Указ. раб.

¹⁸ Ср. также в турецком: М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 76.

¹⁹ Н. А. Баскаков. Указ. раб.

²⁰ Т. Талипов. Указ. автореф.

²¹ Там же.

²² А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка. — В кн.: «Уйгурско-русский словарь». Алма-Ата, 1961, стр. 292.

²³ М. А. Черкасский. Указ. раб., стр. 78.

²⁴ Приводимые ниже примеры взяты главным образом из следующих источников: Э. Н. Наджит. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 40—41, 43; А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка. — В кн.: «Уйгурско-русский словарь», Алма-Ата, 1961, стр. 292; *его же*. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В сб.: «Языки народов СССР», т. 2. Тюркские языки. М., 1966, стр. 370.

форме). В приводимых ниже случаях озвончение смычного не является доказательством его нахождения в интервокальной позиции. Тот же эффект может производить и сонант по закону ассимиляции. Аналогичные явления возникают и при словосложении: *Аруп+ака—Арвака*, а также в конце основы в процессе присоединения различных аффиксов: *жук₁ури+ки — жук₁арки, жук₁ури+ла+ди — жук₁арлиди, сориди — сорди*. Абсорбции может подвергаться и гласный, стоящий в препозиции по отношению к *p*: *бефир—бағри, алдира, вак^нра, жүгрүк*. Подобные примеры могут быть приведены и для других сонантов, например: *бала+лар—балла, кала+лар — калла, улук₁+ай+ди — улғайди, оғул — оғлум, эк₁ил — эк₁ли, кән₁үл — кән₁ли, син₁ил — син₁лим, кейин — кэйни, чон₁+ана — чон₁на*. Сложный процесс абсорбции гласного сонантом и одновременной редукции имплозивного сонанта происходит при некоторых явлениях стяжения слов, например: *елип—ап, келип—кэп, болуп—бол*. Такое объяснение опять-таки представляется нам более вероятным, нежели защищаемая К. Менгесом, а вслед за ним и М. А. Черкасским²⁵ гипотеза о наличии древнего ударения на начальном слоге. В середине слова, так же как и в начале, наряду с фактами абсорбции имеют место и факты эпентезы, а именно: перед эксплозивным *p* в аффиксе *-рак/-рэк*²⁶, *аз—азирак₁, махтинип—махтинивирак₁, еник₁—енигарак* (наряду с формами *ашуруп—ашуруврак₁, ахмак₁—ахмағрак₁*, где озвончение и спирализация предшествующего смычного могут быть объяснены не интервокальной позицией, а ассимилятивным воздействием сонанта). Аналогичные явления встречаются и в других тюркских языках, например: каз. *ауырырак₁* (эпентеза возникает между имплозивным и эксплозивным *p*), *ағырак (ак₁+рак₁)*, узб. *туйғири (туғри)*. По-видимому, может возникать не только препозитивный призвук перед эксплозивным *p*, но и постпозитивный после имплозивного *p*, если этот *p* напряженный, например: *илжариди, калчариди, лапчариди* (факультативное чередование с *илжайди, калчайди, лапчайди*).

Издатели Ф. де Соссюра в своих комментариях указывают, что во французских словах типа *meurtrier, ouvrier* и т. п. конечные звукосочетания *-trier, -vrier* когда-то составляли один слог. Позднее они стали про-
 <<>>
 износиться в два слога: *meur-tri-er* с зиянием или без него, то есть *t r i e*
 или *t r i u e*. Изменение произошло благодаря превращению его эксплозивной артикуляции в имплозивную. То же самое наблюдается в просторечном произношении *ouvrier*, только здесь не третий, а второй элемент переменил артикуляцию и сделался сонантным (то есть слогообразующим): *u v r i e—u v r i u e*. Впоследствии перед сонантным *r* развился *e*. Аналогичные метатезы имеют место и в уйгурском языке, однако в этом случае можно подозревать действие уже упоминавшегося выше фактора — внутренней ритмики слова. Именно эти метатезы происходят часто таким образом, что стечение согласных перемещается от стыка первого и второго слогов к следующему стыку. Например, *oʻgri + lik, oʻgri + linip—oʻgurluk₁, oʻgurlinip, kʻehriman—kʻaharman* (эксплозивный *r* развивает перед собой вокальный призвук; наоборот, следующий за ним гласный среднего открытого слова абсорбируется, так что *r* становится имплозивным, но, по-видимому, остается часто напряженным и примыкает к последующему

²⁵ М. А. Черкасский. Указ. раб.

²⁶ На эти факты нам указал Э. Н. Наджип.

согласному, который также оказывается сонантом); русск. *серники* — *сэрэн₁кэ* (имплозивный, но напряженный *р* русского слова развивает после себя вокальный призвук; наоборот, гласный среднего открытого слова выпадает, так что последующие два согласных смыкаются: *р* в интервокальном положении становится эксплозивным и остается напряженным); *саргайди* — *сағирин*²⁷ (имплозивный, но напряженный *р* переходит на стык второго и третьего слогов, вытесняя *й*: в интервокальном положении он остается напряженным, причем становится эксплозивным).

²⁷ Э. Н. Наджил. Указ. раб., стр. 43.

Х. Г. НИГМАТОВ

О ГЛАГОЛЬНЫХ КОРНЯХ ТИПА СГС И СГ ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ МАХМУДА КАШГАРСКОГО¹

Вопрос о структуре корня в тюркских языках давно привлекает внимание исследователей. Объектом изучения являются главным образом многосложные корни и корни типа (С) ГСС². Тюркские «корни типа ГСС и СГСС возможны только при определенном качестве предпоследнего согласного и, вне всякого сомнения, исторически представляют собой основы, состоящие из корня ГС или СГС+аффикс»³. Материалы сравнительно-исторического изучения тюркских языков и особенно языка древнейших памятников свидетельствуют о вторичности многих корней типа СГС. На это явление обращали внимание Ж. Дени, К. Броккельман, А. Зайончковский, Л. Н. Харитонов, А. А. Юлдашев⁴ и другие. Большое место уделено этому вопросу в работах Э. В. Севортяна и Б. М. Юнусалиева⁵.

При рассмотрении структуры того или иного слова невозможно с достоверностью утверждать, какая часть является исконной и какая привнесенной, вторичной, слившейся с исконной и ныне не выделяющейся носителями языка⁶. Тем не менее «односложные корни... представляют собой категорию историческую и иногда могут быть разложимы даже на материале одного языка»⁷. Язык памятников древнетюркской (руниче-

¹ В настоящей статье использован ряд положений из лекций А. Н. Кононова, прочитанных в 1963—1968 гг. на кафедре тюркской филологии ЛГУ по курсу «История тюркских языков».

² Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке.—ЗВОРАО, т. XX, 1911; его же. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929, стр. 323—324; В. Котвич. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, стр. 33—46; А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 20—37.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 49.

⁴ J. Denu. Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie). Paris, 1955, § 226; С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik. Leiden, 1954, §147; А. Зайончковский. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. — Жур. «Вопросы языкознания», 1961, № 2, стр. 28—35; Л. Н. Харитонов. К вопросу о происхождении некоторых глагольных аффиксов в якутском языке. — «Ученые записки» Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, 1955, стр. 141—149; А. А. Юлдашев. Указ. соч., стр. 24—25; Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, гл. VI.

⁵ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 20—31; Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, ч. I. Фрунзе, 1959.

⁶ J. Denu. Указ. соч.

⁷ А. А. Юлдашев. Система словообразования и словозменения глагола., стр. 24.

ской) письменности достаточно убедительно иллюстрирует сложность состава таких корней, как *багла-* «привязывать»⁸ (от *ba-* — «привязывать» (Малов, 367)⁹, *сын-* «сломаться, разбиться» (от *sy-* «ломать, разрушать» (Малов, 423), *сана-* «считать» (от *sa-* «считать» (Малов, 418), узбек. *ухла-* «спать»¹⁰ (от **y-* «спать»)¹¹.

Особенно ценный материал для выяснения состава некоторых корней содержит энциклопедическое сочинение «первого тюрколога, лингвиста и лексикографа, этнографа и фольклориста, историка и географа»¹² Махмуда Кашгарского «Дивану луғат-ит-турк» («Словарь тюркских языков»), написанное им в 1072—1077 гг. Махмуд Кашгарский перечисляет следующие девять глагольных корней типа СГ и один корень типа Г: 1) *ба-* «привязывать» (III, 265)¹³; 2) *са-* «считать» (III, 265); 3) *су-* «протягивать, посылать, передать» (III, 266); 4) *сї-* «ломать, разрушать, разбивать» (III, 266); 5) *тэ-* «говорить» (III, 265); 6) *ту-* «закрывать» (III, 265); 7) *јэ-* «есть» (III, 74, 267); 8) *ју-* «мыть, стирать» (III, 74, 267); 9) *к₁а-* «складывать, сложить» (III, 266) и к типу Г — *ө-* «понимать» (I, 51)¹⁴. Из них, кроме вышеупомянутых *ба-*, *са-* *сї-* и общеизвестных *јэ-*, *тэ-*, в древнетюркских памятниках встречаются еще *ө-* «думать» (Малов, 405), *уи-* «мыть» (Габэн, 356)¹⁵. С. Е. Малов допускает чтение *بودى* в «Подарке истин» Ахмеда Югнаки (Малов, стр. 317, строка 22) как *јиу-* и как *јий-* (Малов, 390). Махмуд Кашгарский относит *بودى* «он мыл» к структурному типу *بودى* «он привязал» и *يىدى* «он ел» (III, 265—267), что исключает чтение *بودى* как *јий-*. Кроме того, несколько производных основ от этого корня доказывают, что *بودى* следует читать как «*јуды*». Например, *јун-* «умываться» (III, 73); ср.: *уип-* «то же» (Габэн, 357); *јуғчї* «моющий, стирающий» (II, 197), где легко выделить *јуғ* «стирка, мытье». Другие производные основы от корня *ју-* позволяют уточнить значение этого корня: *јуз-* «вытирать, стирать (написанное)» (III, 439); *јузул-* «быть вытертым, стертым» (III, 85); *јузун-* «ол кӱздин йаш јузунды» — «он вытер слезы» (III, 91) (ср.: *јудун* — «вытирать» (Малов, 389). Очевидно, корень *ју-* имел родственные значения «мыть, стирать; вытирать, стирать (написанное)».

Корень *к₁а-* «сложить, складывать» (III, 266) в таком составе нигде, кроме «Дивана» Махмуда Кашгарского, не зафиксирован, но сохранился в слове *к₁ат* «слой, пласт» (I, 311) и *к₁ала-* «складывать, сложить» (III, 266). Ср.: узб., кирг. *кала-* «накладывать, складывать» и др. Употребле-

⁸ Здесь и далее общетюркские слова даны русской академической (Радловской) транскрипцией без указания на источник; в примерах, приподимых из тех или других источников, сохранена транскрипция (орфография) оригинала.

⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 367.

¹⁰ См.: Узбекско-русский словарь. М., 1959; Киргизско-русский словарь. Состав. К. К. Юдахин. М., 1965; Туркменско-русский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова и др. М., 1968; Татарско-русский словарь. М., 1966.

¹¹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 56—57, прим. 9.

¹² А. Н. Кононов. Махмуд Кашгарский и его «Словарь тюркских языков». — История и филология стран зарубежной Азии и Африки. Л., изд. ЛГУ, 1965, стр. 25.

¹³ Римские цифры указывают на тома, а арабские — на страницы сочинения Махмуда Кашгарского по узбекскому переводу С. Муталлибова: *Махмуд Кашгарий*. Девону луғотит турк, т. I. Тошкент, 1960; т. II, 1961; т. III, 1963, индекс, 1967.

¹⁴ Махмуд Кашгарский дает *بودى تاندى* *өди нэнди* «он хорошо понял вещь». С. Муталлибов не точно транскрибировал *بودى* как «*үди*» (I, 51). Ср.: С. Brockelmann.

Mahmud al-Kasghari über die Sprachen und die Stämme der Türken im II. Jahrhundert; Körösi Csoma Archivum, 1921, t. 1, стр. 30.

¹⁵ A. von Gabain. Altürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

ние афф. *-ла-* при глагольных корнях явление нередкое. Ср.: узб. *бук-* и *букла-* «сгибать»; кирг. *тырма-* и *тырмала-* «царапать»¹⁶.

Другой глагольный корень типа СГ *к1о-* «класть, ставить» с таким фонетическим составом в «Диване» не встречается.

Рассмотренные корни типа СГ, а также другие данные Махмуда Кашгарского позволяют расчлениить на составные части некоторые «неразложимые» корни типа СГС. При выявлении состава таких корней мы пользуемся методом, который напоминает математический метод решения уравнений с несколькими неизвестными типа:

$$\begin{aligned} 2x + 2y - 20 &= 0 \\ x - y + 2 &= 0 \end{aligned}$$

Необходимой предпосылкой правильности нахождения этих неизвестных является неизменность величины в общих уравнениях. Применительно к материалу языка мы можем говорить о ряде слов. Например, из ряда слов: *ток1* «сытый» (II, 320), *тон1* «полный» (III, 368), *тоз-* «насыщаться» (III, 443), *тол-* «наполняться» выделяется гипотетический корень **то-*, из других рядов — аффиксы прилагательных *-к1* и *-н1* и глаголообразующие аффиксы *-з* и *-л*, значения которых в тюркологии общеизвестны¹⁷.

Правильность выделения составных частей разложимого корня оценивается по факту сохранения гипотетическим корнем и привнесенным морфологическим элементом оттенков своих значений как в рассматриваемом корне, так и в ряде других слов. В наших примерах **то-* во всех словах означает наполнение, *-к* и *-н* также сохраняют свои значения и функции образования имен прилагательных, *-з* в *тоз-* выполняет функцию глаголнообразовательного аффикса с принятием качества, содержащегося в основе (*тоз-* «становиться полным, сытым» > «насыщаться»), а *-л* в *тол-* имеет медиальное значение (одно из значений аффикса — ($\frac{c}{=}$) *л-* служащего для образования формы страдательного залога).

Другими словами, при анализе состава «неразложимых» корней мы следуем общему правилу переходить от известного к неизвестному, от изучения явлений, доступных непосредственному наблюдению, к явлениям того же порядка, о которых есть возможность судить только по их остаткам»¹⁸.

Махмуд Кашгарский зафиксировал слова *jüklä-* «навьючивать» (III, 324), *-jüz-* «навьючивать» (III, 439), *jüzür-* «навьючивать» (III, 75) и *jük-* «вьюк, груз, ноша» (III, 10). В этом ряду слов можно увидеть общий элемент *jü-*, от которого образовано существительное *jük* < *jü* + *к*, как *баг* < *ба* + *г*; *jүг* < *jү* + *г* (от вышеупомянутых глаголов *ба-* «привязывать» и *jү-* «мыть, вытирать»). Аффикс *-з* в составе *jüz-* является, видимо, показателем пунудительного залога, как и в слове *jүз-* «стирать, вытирать»¹⁹.

¹⁶ Об употреблении афф. *-ла-* с глагольными основами см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 525; Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 89—93; W. Bang. Türkologische Briefe aus Berliner Ungarischen Institut. Ungarische Jahrbücher, 1925, t. V.

¹⁷ О составе этих корней, а также *чök-* «тонуть», *чөм-* «нырять», *к1ош-* «прибавить» и др. см.: Х. Г. Низматов. Опрошение в тюркских глагольных корнях по материалам Словаря Махмуда Кашгарского. — Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов. Л., изд. ЛГУ, 1967, стр. 27—29.

¹⁸ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. II.

¹⁹ Об аффиксе *-з/з-* см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, § 240; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. I, М., 1952, стр. 344—345; G. J. Ramsiedt. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. Journal de la Societe Finno-Ougrienne, 1912, t. 28, № 3, стр. 26; C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik., § 151, стр. 1.

В других памятниках это слово выступает в более прозрачной форме: *jütür-* «взваливать», «завьючивать» (Малов, 391), *yud-* «навьючивать, грузить» (Габэн, 357). Эти примеры позволяют выделить корень **ju-* со значением «навьючивать, навьючиваться»²⁰.

В большинстве тюркских языков имеется слово *буғ* «пар»; у Махмуда Кашгарского нет слова *буғ*, у него в значении «пар» выступает слово *бу* «ашіч бусі» — «пар от котла» (III, 223). (Ср. татар. *бу* — «пар»). В «Диване» встречается слово *бур-* «сув бурды» — «вода испарилась, выделила пар» (III, 195) и «*jі пар бурді*» — «благовонье распространилось» (III, 195). В составе *бур* афф. *-р* является тем же аффиксом, что в слове туркм. *бугар-* «испаряться»²¹. То, что *бур-* содержит в себе корень *бу-* «пар, парить», подтверждается другим производным от *бур-*: «бурут-». «От ашічні бурутті» «огонь заставил котел париться» (III, 349). От корня *бу* в «Диване» образованы еще другие слова: *була-* «сварить на паре», *булат-*: «ол кюзі булатті» — «он сварил ягненка на паре» (II, 358). Эти образования показывают, что уже в X—XI вв. корень *бур-* не осознавался как производное от *бу-*.

Семантика рассмотренных слов позволяет предположить приблизительное значение древнего корня *бу-*. Видимо, первоначальное его значение — «покрывать какую-либо поверхность чем-либо». Это подтверждает кирг. *буу* «раствор металла для покрытия чего-либо», кирг. *буула-* «покрывать позолотой, серебрить». От этого значения *бу-* образовано существительное *буғ* «пар», «испарение», «позолота» и др.²² Семантическое развитие «*бур-*» шло несколько иными путями: в нем развилось второе значение этого корня, указанное Махмудом Кашгарским в «*jі пар бурды*» — «благовонье распространилось» (III, 195). Это слово, часто осложненное другими аффиксами, представлено в тюркских языках с разными значениями: «пахнуть, издавать запах» (кирг. *бура-*); «валить, клубиться (о дыме, запахе, паре)» (узб. *бурк,ира-*); «куриться, клубиться; плохо пахнуть, вонять» (туркм. *буругса-*, ср. туркм. *бурк ур-* «сильно и приятно пахнуть»); в языке бухарских таджиков *бурк₁ задан* «сильно пахнуть»).

В ряде тюркских языков имеется слово *чык₁/чиг* и его фонетические варианты со значениями «влага, роса; бульон» (кирг. *чык*), «сырой, недодварившийся» (туркм. *чиг*), «роса, росяной» (татар. *чык*) и т. д., от которого образовано кирг. *чыкта-* «увлажнять, смачивать». В татарском языке имеются глаголы *чылан-* «мокнуть» и *чылат-* «мочить, промочить». Махмуд Кашгарский дает следующие слова, образованные от этого корня: *ч* «влажный, мокрый» (III, 225), *ч₁к₁* «увлажняться, пропитываться влагой» (III, 200), *ч₁л₁* «мочить, намочить» (III, 287), *ч₁лан-* «потеть, увлажняться» (II, 174), *ч₁лат-* «увлажнять, заставляя потеть» (II, 357). В этих словах, без всякого сомнения, можно выделить широко известные глаголообразующие аффиксы *-лан-*, *-лат-*, *-ла-* и аффикс *-к₁*, образующий глаголы с медиальным значением от именных (*мун₁ук₁* «страдать, мучиться» (III, 404), от *мун₁* «страдание, мучение» (III, 371) и глагольных (*б₁л₁ук* «делиться» от *б₁л* «делить») основ²³ и общий корень *ч₁*. Сопоставляя вы-

²⁰ О переходности и непереходности корней см.: Э. В. Севортян. Об историческом положении категорий переходности и непереходности в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1958, стр. 25—39; его же. Аффиксы глаголообразования..., стр. 456—478.

²¹ Об аффиксе *-р* см.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 247—259; С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik..., 170; M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, Helsinki, 1957, стр. 149.

²² Видимо, от этого же значения *бу-* образованы узб. «пурка-», тат. «бурк-» — «брызгать, опрыскивать» (далее «буркан-» — «накрываться, окутываться»).

²³ Об аффиксе *-к₁/к* см.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. LIV—LV, LXXX, 034; Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 282—295; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 319.

шеупомянутые имена *чык₁/чиг* с узб. *жик₁* («жик₁ х₁ул» — «совершенно мокрый») и *чїм* «усилительная частица, употребляемая при прилагательных, выражающих влажность»: *чїм ол* «очень мокрый» (I, 325), можно полагать, что они образованы от глагола с помощью аффиксов *-к/-к/-г/-г* и *-м*. Следовательно, можно говорить о существовании некогда синкретичного глагольно-именного корня *чы-*²⁴.

На основе материалов современных языков состав тюркского глагола *түлā-* «лнить (о животных)» неясен²⁵. В «Диване» Махмуда Кашгарского представлены слова: *тү* «бир тү сач» — «один волосок» (III, 224), *түлā* «лнить (о животных)» (III, 286) (*түлāk жылкы* «полинявший скот» (I, 390)). Значит, слово *түлā-* распадается на *тү-* и на афф. *-лā*. Исходя из слова *тук* «волосок, шерсть», можно полагать наличие в древнее время глагольно-именного корня **тү-*.

Лексическое и грамматическое значение многих глагольных корней типа СГС позволяет судить о сложности их состава, хотя их более древний корень типа СГ, в отличие от вышерассмотренных, ни в языке памятников, ни в современных тюркских языках пока не обнаружен. Примером может служить узбекский глагол *яшир* «прятать» и производное от него *яширин* «прятаться», где исторически *яш-* — корень, *-ур-* — аффикс понудительного залога. Корень *яш-* «прятаться, спрятаться» встречается в «Диване» (III, 68) и как архаизм — в турецком языке²⁶. Далее *яш-* кажется нечленимым. Глагол *яш-* имеет возвратное значение, что не чуждо аффиксу взаимно-совместного залога²⁷. Корень же *ja-* сохраняет свое значение в ряде других слов, таких, как *ja^б_n-ур-* «скрывать, прятать»

(III, 74), *a^б_n-ї-* «скрывать» (III, 267). Близкое к ним значение имеют слова *ашут-* «велеть укрывать, накрывать» (I, 217); *ашул-* «анін₁ үзā жоғурқан ашулді» — «его укрыли одеялом» (I, 205). Из них можно вывести гипотетический корень **(j)a-* «укрывать(ся), накрывать(ся)».

К. Броккельман был склонен выделить в словах *ян-* «гореть, воспламеняться» (III, 72) и *жал-* «гореть, воспламеняться» (III, 70) корень *ja-* и аффиксы *-л-* и *-н*²⁸. К аналогичным же образованиям относятся и слова *il-* «сойти, спускаться» (III, 85) и *in-* «сойти, спускаться» (I, 181), где можно предполагать наличие корня **i-* и аффиксов *-л* и *-н*.

Несколько глагольных корней в «Диване» Махмуда Кашгарского в ауслaute имеют носовой звук /n₁/ . Значение этих глаголов очень близко к значению возвратных и медиальных глаголов. Например, *тон₁-* «замерзнуть» (III, 399), (тур. *don-*); *тāн₁-* «подниматься высоко (о птице, стреле)» (II, 398); *тан₁-* «завязаться (платком)» (III, 399); *син₁-* «перевариваться (о пище), вмещаться, помещаться» (III, 99) (ср. узб. *сиф-*). Однако вопрос о составе подобных глаголов может быть решен только на основе более обширного сравнительно-исторического материала.

Суммируя рассмотренные факты, можно прийти к выводу, что некоторые ныне неразложимые корни типа СГС исторически являются произ-

²⁴ О глагольно-именных корнях см.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 359—430.

²⁵ Ср.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования..., стр. 228—229.

²⁶ Türkçe sözlük, 2-nei baskı. Ankara, 1955, стр. 787.

²⁷ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, §§ 235, 317; А. Ф. Фуломов. Фельт, Ташкент, 1954, стр. 61.

²⁸ С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik..., § 37; G. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen, стр. 3.

водными основами от корней типа СГ и в качестве конечного согласного имеют застывший морфологический формант. Следовательно, производная когда-то основа превратилась в непроемкий, неразложимый корень. Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что застывшие аффиксы в какой-то мере сохраняют в составе слова свои значения. Но эти значения в составе данного корня самостоятельно не выделяются. Сливаясь со значением корня, они составляют с ним единое целое. Например, аффикс *-н* в корнях *к₁он-* «ночевать, останавливаться, сесть (о птицах)» и *сын-* «ломаться» сохраняет свое значение в том смысле, что эти глаголы, в отличие от *к₁о-* и *сы-*, которые имеют переходное значение, являются непереходными, но непереходное значение уже осознается как нечленимое лексическое значение самих корней *к₁он-*, *сын-* и других им подобных.

Структура современных глаголов *жуқла-*, *буғла-*, *чықта-* и др. принципиально ничем не отличается от структуры глагола *бағла-*. Процесс образования глаголов от имен глагольного происхождения (типа узб. *к₁учок₁ла-* «обнимать», *к₁уч-* «обнимать»; *тилимла-* «резать вдоль», *тил-* «резать вдоль») чрезвычайно интенсивен и в современных языках. Как видно из приведенных примеров, он имеет длительную историю и, видимо, был одной из причин вытеснения ряда корней типа СГ (*ба-*, *йу-*, **то-*, *сы-* и др.).

М. Б. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ УЗБЕКСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

(УЗБЕКСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ РУССКИХ СОЧЕТАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
С ДРУГИМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ В ТВОРИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ С ПРЕДЛОГОМ С)

В связи с возросшим количеством переводов с русского языка на узбекский определенный интерес представляет анализ структурных особенностей узбекских синтаксических конструкций, выступающих в качестве семантико-грамматических соответствий русских словосочетаний, в частности именных словосочетаний типа «сущ+с+тв» (сочетание существительного в функции главного слова с другим существительным в творительном падеже с предлогом с в функции зависимого слова).

В настоящей статье делается попытка такого анализа на основе фактического материала в определенной системе.

Конструкция «сущ+с+тв» представляет собой широко употребительный и богатый значениями тип именных словосочетаний. В роли главного слова здесь выступают имена существительные, разнообразные по своему значению. По словообразовательному составу они могут соотноситься с другими частями речи, то есть разграничение их будет определяться различиями в характере лексических или семантико-грамматических категорий.

Широкий круг отношений выражает группа словосочетаний «сущ+с+тв», где главное слово выражено существительным, не соотносимым с другими частями речи. Эта группа словосочетаний выражает три вида отношений: *определятельные, совместности и объектные*.

1. Отношения определятельные

Характер атрибутивных отношений в этой группе именных словосочетаний изменяется в зависимости от семантики компонентов.

1) Зависимое слово — имя существительное с конкретным значением — указывает на постоянный внешний признак главного слова, называющего лицо или предмет, например: *дом с аптекой, здание с колоннами, столб с афишами, губа с усиками* и т. п. Зависимое существительное может иметь определение (обычно имя прилагательное), органически входящее в конструкцию «сущ+с+тв» и сливающееся с зависимым словом в синтаксически неделимое целое. Устранение такого определения может привести к обесмысливанию конструкции.

Рассмотрим на фактическом материале способы передачи в узбекском языке словосочетаний «сущ+с+тв» подобного типа¹.

¹ В настоящей статье использованы переводы на узбекский язык Айбека, А. Каххара, Зумрада, М. Калона, А. Алимухамедова, С. Ибрагимова, Ю. Шамшарова и др.

Атрибутивное словосочетание с глагольной формой на -gän

«Иван Ильич... долго стоял перед *столбом с афишами*»
(А. Н. Толстой, «Сестры») Ivan Ilıc... *afisälär jopistirilgan stolba oldida*
anča turib koldi.

Инверсионное расположение компонентов конструкции «сущ+с+тв» обычно не влияет на порядок слов в узбекской атрибутивной конструкции.

«Ее хорошенькая с чуть черневшимися *усиками* верхняя *губка*...»
(Л. Н. Толстой, «Война и мир») Uning sälgina kora *tük' bosgän cirojlä*
üstki läbi...

Словосочетание «сущ+с+тв», в котором зависимое слово имеет определение, выраженное причастием, находит в узбекском языке полное соответствие.

«*Человек с наклеенной бородой*...» (А. Н. Толстой, «Сестры») Sokoñ
ilib olgän k'isi...

В случаях, когда в словосочетании «сущ+с+тв» страдательное причастие образовано от переходного глагола, в узбекской атрибутивной конструкции глагольная форма на -gän требует, чтобы управляемое существительное было поставлено в дательном-направительном падеже.

«На эстраде сидел... *человек с нарумяненными щеками*» (А. Н. Толстой, «Сестры») Estradada *juzigä kizil surtgän...* k'isi utirardi.

Употребление узбекского эквивалента зависимого слова в дат.-напр. падеже может определяться и своеобразием перевода.

«Вечером в комнату вошел высокий *человек с длинными седующими волосами*...» (Л. Н. Толстой, «Воскресение») K'ekkurun xonagä uzun *soc-*
lärigä ok oralägän baland bujli k'isi k'irib k'eldi...

Soclärigä ok oralägän «седи́на (досл. белое), вплетенная в волосы [обычного цвета]». Таким образом, и в данном примере служебное слово *ora*² «в, во что-либо»+*lä*+*gän* восходит к русскому причестию, образованному от переходного глагола. Ср.: «*седующие волосы*» *okaru-*
jotgän soclär.

Атрибутивная конструкция с целыми синтаксически не разложимыми сочетаниями и фразеологизмами в роли определения

Употребление таких атрибутивных конструкций в качестве эквивалента словосочетаний «сущ+с+тв» предопределяется наличием в последних согласованного определения (прилагательного, причастия или числительного), указывающего на признак зависимого слова. В качестве определения в узбекской атрибутивной конструкции могут выступать сложные по составу прилагательные, образованные из сочетаний:

а) существительное+существительное+аффикс -li: «*девушка с миндалевидными веками*» *bodot kovokli kiz*; «*человек с львиным сердцем*»
ser jüräk'li k'isi; «*женщина с пепельными волосами*» *k'ul rang socli ajol*³.

² См.: Узбекско-русский словарь, стр. 305 (здесь и дальше ссылки на Узбекско-русский словарь, под ред. С. Ф. Акабировой и др. М., 1959 и Русско-узбекский словарь, под ред. Р. Абдурахманова. М., 1954).

³ Здесь первое существительное является определением второго, но оба они метафорически обозначают признак кого-либо или чего-либо. См.: А. С. Сафаев. Исследования по синтаксису узбекского языка. Ташкент, Изд-во ФАН УзССР, 1969, стр. 90.

Приведем примеры из художественной литературы:

«...старик с острой бородкой...» (А. П. Чехов, «Палата № 6») *sükki sokolli col* (досл.: старик с бородкой клином);

б) прилагательное+существительное+аффикс -li: «кукла с голубыми глазами» *k'ük' k'üzli ku'ircok*; «человек с острым умом» *üt'k'ir zehnlı k'isi*; «люстра с тремя лампами» *üs lampalı lüstra*.

Примеры из художественной литературы:

«...мещанин с рыжими усами» (А. П. Чехов, «Палата № 6») *sarik mujloulı mescanın...*

«...женщина с измученным лицом...» (Л. Н. Толстой, «Воскресение») *xor'ın kijofalı bir ajal...*

«...на личике с тонкими бескровными губами и острым носом» (А. М. Горький, «Дед Архип и Ленька») *...jürk'ä va konsız, uzın burunlı... jüzcäsida...*

«... женщина с длинным подбородком» (А. П. Чехов, «Толстый и Тонкий») *...suzik' ijäk'lı хотin...*

Описательный перевод рассматриваемых словосочетаний при наличии широких выразительных возможностей узбекского языка представляется нам неоправданным. Проиллюстрируем это примерами:

«... мужик с тупым бессмысленным лицом» (А. П. Чехов, «Палата № 6») *...jüzidä... fikr ifodasi jok zehndän mahrum bir k'isi* (досл.: «человек, лишенный разума, на лице его нет выражения мысли»). Ср.: *befäht, jüzi mäno siz muzik'.*

«...человек с бачками...» (А. П. Чехов, «В Москве на Трубной площади») *...ik'k'i cek'äsıdän sokol küjgän... bir k'isi*. Ср.: *cek'k'a sokol küjgän k'isi.*

«Вот большой дом с аптекой...» (А. П. Чехов, «Скучная история») *Mana k'ättäk'on imorat, uning icida dorixonä bor*. Ср.: *dorixonalı imorat* или *dorixonası bor uş*; ср. также: «дом с колоннами...» (И. С. Тургенев, «Первая любовь») *...ustunlı uş*;

в) прилагательное+существительное: «старик с выпученными глазами» *ola k'üz col*; «человек с чистым сердцем» *ok k'ungil k'isi*; «девочка с черными глазами» *korä k'üz kizca*;

г) существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица+прилагательное (возможно причастие или слова *bor, jok*): «парень с длинными руками» *kuli uzın jig'it*; «ребенок с большой головой» *k'alläsi k'atta bola*; «птица с обрезанным хвостом» *dumi kirkilgän kus* и т. п.

Примеры из художественной литературы:

«Девочка с красным вспухшим лицом» (А. М. Горький, «Дед Архип и Ленька») *...jüzläri kizarib-sisgän bir kiz*. Ср.: «...мужик с красным лицом...» (Л. Н. Толстой, «Воскресение») *kizil jüzli muzik'...*

«Господин с прищуренными глазами...» (А. П. Чехов, «Орден») *k'üzläri kisik bir zänob...*

«...на кресле с отломанной ручкой сидела женщина...» (И. С. Тургенев, «Первая любовь») ...*bändy sinik k'resloda ...xotin utirar edi*.

Некоторые из рассмотренных типов синтаксически не разложимых сочетаний и фразеологизмов могут быть взаимозаменяемы в речи в силу своей синонимичности; они близки по значению и выполняемым функциям: *korä k'üz — korä k'üzli — k'üzi korä; ok k'üngil — ok k'üngilli — k'üngli ok⁴*.

В тюркологической литературе подобные сложные определения, выступающие в роли зависимого компонента в атрибутивной конструкции, встречаются под названием «предикативно-атрибутивное определение» (по А. А. Шахматову)⁵, «предикативное сочетание»⁶, «инверсированные определительные словосочетания»⁷.

2) Если в словосочетании «сущ+с+тв» зависимое слово (существительное с конкретным значением) указывает не на постоянный, а на временный, случайный признак предмета, представляющего главное слово, значение атрибутивных отношений может быть ослаблено: ср.: *человек с бородой* и *человек с ружьем*. Как и в предыдущем случае, узбекский язык располагает несколькими способами для передачи подобных словосочетаний.

Атрибутивное словосочетание с глагольной формой на -gän

В качестве основы формы на -gän обычно используется глагол, обозначающий действие, подразумеваемое в словосочетании «сущ+с+тв»; из стилистических соображений такой глагол в русском языке обычно опускается⁸.

Интересно отметить, что конструкции «сущ+с+тв» с опущенным глаголом сравнительно новы и в русском языке. Процесс развития глагольных связей у тех существительных, которые по своему значению так или иначе соотносятся с соответствующими глаголами, особенно усиливается в русском литературном языке в XX в. Предложно-именные конструкции, первоначально связанные с глаголами и зависящие от них, с развитием грамматического строя языка стали присоединяться непосредственно к именам существительным, например: *яблоки, привезенные из Намангана* и *яблоки из Намангана*; ср. также: *яблоки Намангана*. В связи с параллелизмом предложных и беспредложных конструкций в соотносительных словосочетаниях развиваются тонкие дифференциаль-

⁴ Здесь представляется уместным сравнить синонимичность русских именных словосочетаний типа *человек с открытой душой* и *человек открытой души*. См.: М. В. Финкельштейн. Способы выражения в узбекском языке русских именных словосочетаний. Канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 48.

⁵ Подобные атрибутивные конструкции А. Н. Кононов считает самостоятельными предложениями, подлежащее которых имеет аффикс принадлежности 3-го лица, а сказуемым является прилагательное или причастие. См. его «Граматику современного узбекского литературного языка». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 358.

⁶ Указывая на наличие обратной связи компонентов предикативных сочетаний, предопределенной порядком их расположения и грамматическим оформлением: сущ. + s (i) + прилагательное, А. К. Боровков также подчеркивает их предикативный и атрибутивный характер. См.: Краткий очерк грамматики узбекского языка; Узбекско-русский словарь, стр. 697.

⁷ Справедливо утверждение, что прилагательное-определение, отнесенное к предшествующему существительному с местоименно-притяжательным аффиксом 3-го лица, предполагает наличие существительного-определяемого «за скобками» инверсированного словосочетания. См.: А. С. Сафаров. Исследования по синтаксису узбекского языка. Ташкент, Изд-во ФАН УзССР, 1969, стр. 62.

⁸ Под влиянием русского языка в современном узбекском языке появились новые атрибутивные конструкции с опущенной глагольной формой на -gän: *ärizädän kopija* «копия с заявления»; ср.: *копия заявления* *ärizänig kopijasi*.

ные оттенки, которые, безусловно, могут быть переданы средствами узбекского языка⁹.

Обратимся к примерам.

«... появился юркий маленький человек с чемоданом» (А. Н. Толстой, «Сестры») ...*çetodan k'ütargän k'ick'ina cäkkon bir odäm k'ürindi.*

«... старушка с цветами...» (Л. Н. Толстой, «Воскресение») ...*gül takkän k'ampir...*

Выбор глагольной формы на -gän может быть продиктован наличием прилагательного-определения, органически входящего в конструкцию «сущ+с+тв» и указывающего на признак зависимого слова.

«... серая толстая бумага с неровными краями» (Л. Н. Толстой, «Воскресение») ... *çetlari tek'islanmagän k'ul rang koçoz.*

Атрибутивное словосочетание, в котором в роли зависимого слова выступает прилагательное, оформленное аффиксами -li или -dog, реализующими значение обладания

«...солдаты с ружьями...» (А. П. Чехов, «Палата № 6») ...*miltikli soldatlar...*

«...человек с деньгами» *puldor k'isi.* Ср. *pulli k'isi.*

3) Определительные отношения *содержащего* и *содержимого* раскрываются в словосочетаниях «сущ+с+тв», в которых зависимое слово обозначает вещество (или предмет), заполняющее вместилище, названное главным словом, например: *жестянка с патронами, коробка с конфетами, бидон с молоком* и т. п.

Рассмотрим структурные особенности узбекских синтаксических конструкций, выступающих в качестве эквивалентов русских словосочетаний «сущ+с+тв», выражающих отношения *содержащего* и *содержимого*.

Атрибутивная конструкция с глагольной формой на -gän

Аффикс -gän присоединяется к основе глагола, соответствующего по своей семантике определенному случаю: «бидон с молоком» *sut kojilgän bidon*; «возы с поклажей» *bujum ortilgän uravulär.*

«Поели, опорожнили до половины фляжку с коньяком...» (А. Н. Толстой, «Сестры») *Ovkät ejisdi, k'onjak solingän idisni jërim kilisdi...*

«...ударил носком ботинка по банке с червями» (Н. А. Островский, «Как закалялась сталь») ...*çivalcanglär solingän bankani botink'äsining uci bilän tepib jubordi.*

«Масленников протянул ему портсигар с табаком» (К. Симонов, «Дни и ночи») *Maslennik'ov ungä tamak'i solingän portsigarni uzatdy.*

«Иван Ильич отодвинул стакан с вином и закурил» (А. Н. Толстой,

⁹ См.: Грамматика русского языка, т. II, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 51—52. См. также: М. Б. Финкельштейн. Основные значения русских несогласованных определений в сопоставлении с узбекским языком (на материале родительного падежа с предложением *из*). — «Ученые записки» Республиканского педагогического института русского языка и литературы, вып. I. Ташкент, 1964, стр. 247.

Атрибутивная конструкция с послелогом *bilän* и служебным оборотом *bilän birgä*

Функции послелога *bilän* или служебного оборота *bilän birgä*, выражающих совместность, близки в подобных случаях предлогу *с*. Для конкретизации связи содержащего и содержимого в атрибутивную конструкцию может быть введен послелог-имя, оформленный аффиксом *-da+gi*. Такая конкретизация типична для узбекского языка.

«Клетка с птицей покати́лась под откос» (А. Н. Толстой, «Сестры»).

Ср.: *Kafas icidagi kusi bilän birgä pastlik'k'ä karab dumaläb k'etdi*. Ср.: *Kafas kusi bilän pastlik'k'ä karab dumaläb k'etdi*.

Если главное слово словосочетания «сущ+с+тв» выражено существительным во множественном числе, в качестве его узбекского эквивалента может выступать атрибутивная конструкция, где значение множественности выражается повторением существительного. В таких случаях оба компонента узбекской атрибутивной конструкции не имеют грамматических показателей и связаны по способу примыкания. При этом сохраняется тот же порядок слов, что и в русском словосочетании.

«По Тверской... двигались грузовики с солдатами» (А. Н. Толстой, «Сестры»). *Tverskaja k'ücasidan ...masina-masina soldatlär... utib borar edi*.

Передача рассматриваемых словосочетаний на узбекский язык атрибутивной конструкцией, в которой эквивалент главного слова передан на узбекском языке так называемым локативным прилагательным на *-da+gi*, представляется неприемлемой, так как ведет к изменению смысла: эквивалент главного слова в узбекской атрибутивной конструкции выступает в функции зависимого слова, а эквивалент зависимого слова — в функции главного. Приведем пример:

«... от орудийного огня начали врываться жестянки с патронами» (А. Н. Толстой, «Сестры») *...zambaräk' ükidan tunik'ä kutilärdagi patronlär portlaj boslädi*. Ср.: «Потом носил жестянки с патронами с подвод в станичное правление» (А. Н. Толстой, «Сестры») *Song aravalärdagi ük solingän tunik'ä kutilärni stanica boskarmasigä tasidi*.

В узбекских переводах в первом случае речь идет о патронах, находящихся в жестянках (жестяных коробках); во втором случае, как и в русском примере, — о жестянках, внутри которых патроны.

Неточно передает смысл словосочетаний «сущ+с+тв» рассматриваемого типа и количественное-именованное определение узбекского языка. Обратимся к примерам.

«...взял с дальнего края стола... коробку с мармеладом и предложил Елизавете Киевне» (А. Н. Толстой, «Сестры») *...stolning narigi hosi-dan bir k'orobk'a marmelad olib, Elizaveta Kievnagä tutdū. Bir k'orobk'a marmelad «коробка мармелада»; ср.: marmelad solingän k'orobk'a*.

«...я искала спички, нашла за книгами коробку с папиросами» (А. Н. Толстой, «Сестры») *...Men gugurt kidirgän edim, kitoblär orkäsida-dan bir k'orobk'a papiros cikib koldi*.

Bir k'orobk'a papiros «коробка папирос»; ср.: papiros solingän k'orobk'a. Таким образом, количественное-именованное определение соответствует беспредложному именному словосочетанию с родительным падежом зависимого слова. Приведем пример:

«Они вдвоем несли... горшок молока» (И. С. Тургенев, «Ася») Ular ik'k'isi bir xurmäcä k'ätik... k'utarib k'elidsi.

II. Отношения совместности

Деление компонентов конструкций «имя+с+тв», выражающих отношения совместности, на главный и зависимый носит условный характер; для уточнения функции компонентов обычно исходят из порядка слов. Как правило, оба компонента относятся к общему семантическому ряду, например: *колечко с изумрудом, булавка с камнем, Полкан с Барбосом* и т. п.

На узбекский язык рассматриваемые словосочетания передаются в основном, двумя способами.

Атрибутивная конструкция, где в роли определения выступает прилагательное на -li

Если в силу лексических особенностей узбекского языка эквивалент зависимого слова словосочетания «имя+с+тв» передается сложным прилагательным, аффикс -li присоединяется ко второму компоненту.

«...колечко с изумрудом» (А. Н. Толстой, «Сестры») ...zumrad tosl^v uzuk'...

«...он в накрахмаленное жабо воткнул булавку с камнем» (И. С. Тургенев, «Вешние воды»). U... oxorlangan kajtarma jokasigä... tos k'uzli tüyan^vic kadab olgän.

Отношения совместности могут быть реализованы при помощи послелога bilän: «Полкан с Барбосом» Polkän Barbos bilän; «кануста с мясом» k'äräm gust bilän и т. п.

«Отнесите ему доверенность с запиской» (А. Гайдар, «Дальние страны») Ungä isonc ko^voz bilän xätcäni oborib bering.

III. Отношения объектные

Словосочетания «имя+с+тв», выражающие объектные отношения, обычно имеют оттенок определительного значения. Главное слово определяет состояние, положение или факт, сущность которого связана с предметом или распространяется на предмет, названный зависимым словом, например: *история с охотой, авария со светом, случай с туристами* и т. п.

Подобные словосочетания возникли сравнительно недавно¹⁰ и свойственны деловому стилю русского литературного языка¹¹. Как правило, в роли главного слова выступают существительные с отвлеченным значением: *положение, обстановка, ситуация, дело, вопрос* и пр.

В качестве узбекского эквивалента подобных словосочетаний употребляется притяжательно-определяющая конструкция — изафетное словосочетание или атрибутивно-послеложная конструкция.

¹⁰ Именные словосочетания «сущ+с+тв» развиваются в русском языке в XIX в. См.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний. М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 193.

¹¹ Грамматика русского языка, т. II, ч. I, стр. 278.

Изафетное словосочетание

«Руководителей стройки тревожило и положение с людскими ресурсами» (В. Ажаев, «Далеко от Москвы») Kurulis rähbarlärni isci k'uci tasalasi ham tasvisga solar edi.

«Терентию захотелось узнать, как тут дела с советами...» (Д. Фурманов, «Чапаев») Terentij sovetläl isi kandaj ek'änligini bilmokci büldi.

«В городе ухудшается положение с продовольствием» (Вс. Вишневский, «Дневники военных лет») Saharda ozik-ovkat ahvoli jomonlāsmokda.

Атрибутивно-послеложная конструкция

Если в роли главного слова выступает глагольное имя, именные словосочетания «сущ+с+тв», как и соответствующие им глагольные словосочетания, выражают отношения *объектные, совместности и свойственности* с оттенком *определяющего* значения, например: *борьба с бытом, знакомство с фактами, дежурство с противопогазом* и т. п. В узбекском языке в таких случаях в роли главного слова, как и в русском словосочетании, используется отглагольное имя.

«...была с замужней женщиной связь...» (Л. Н. Толстой, «Воскресение») ...bir erli xotin bilän älokadä edi...

«... вспомнил встречу с Зинаидой и задумался» (И. С. Тургенев, «Первая любовь») ...Zinaida bilän ucräsğänimni esläb, ujläb koldim.

«Они привыкли к дежурствам с противопогазом» (А. А. Фадеев, «Молодая гвардия») Ulär protivogaz bilän navbatcilik' kilisgä urgänib kolisgän edi.

В случаях, когда в рассматриваемых словосочетаниях зависимое слово с предлогом *с* синонимично существительному в родительном падеже с предлогом *против*, в узбекском языке в качестве эквивалента предлога *с* употребляется послелог-имя *kärsi* «против»; зависимый компонент получает аффикс дат.-напр. падежа *gä+kärsi*.

«Так была создана Центральная станция по борьбе с бытом...» (А. Н. Толстой, «Сестры») ...«Turmusgä karsi k'urasuvci markazij stän-sijä» sundäj jusinda task'il etigän edi.

Как видно из анализа приведенных примеров, узбекский язык располагает достаточно гибкими семантико-грамматическими средствами для передачи различных русских словосочетаний типа «сущ+с+тв», позволяющими передавать структурные особенности русского языка, избегая описательного перевода.

А. З. АБДУЛЛАЕВ

ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Процесс образования сложных предложений в тюркских языках обычно воспроизводился путем экстраполирования тенденций, присущих языкам других систем.

Нашей задачей является рассмотрение узловых проблемы развития сложного предложения — формирования сложноподчиненного предложения в тюркских языках на основе изучения и анализа конкретных фактов этих языков¹.

Сложноподчиненные предложения современных тюркских языков можно разделить по их структурным типам на две группы:

1. Бессоюзные сложноподчиненные предложения с союзными словами (относительными местоимениями) и показателем (-sa || -sä).
2. Союзные сложноподчиненные предложения.

Соответственно специфике образования первых типов предложений их в свою очередь можно подразделить на две разновидности: с придаточным предложением, включающим относительное местоимение, и с придаточным предложением без относительного местоимения, оформленным с помощью условной формы глагола. Обе разновидности сложноподчиненных предложений представлены в тюркских языках с древнейших времен.

Исследователи сложноподчиненных предложений тюркских языков обычно в первую очередь рассматривают союзные сложноподчиненные предложения как наиболее характерный тип сложноподчиненного предложения в тюркских языках. Между тем сложноподчиненные предложения с союзными словами являются древнейшими первоначальными структурами, встречающимися и в памятниках древнетюркской письменности. Поэтому первостепенный интерес представляет исследование путей их становления и развития.

Структура сложных предложений, составляющих первую группу, как указывалось выше, включает относительные местоимения. Как известно, последние развились из вопросительных местоимений. Возникает вопрос: чем вызван функциональный переход вопросительных местоимений в относительные? В связи с какой потребностью языка возникают относительные местоимения?

По нашему мнению, причина тут кроется в образовании сложноподчиненных предложений с придаточной частью, связываемой с главной посредством относительных местоимений. Таким образом, возникновение

¹ Автор не включает причастные и деепричастные обороты в число придаточных предложений и на этом основании не рассматривает их в данной статье.

сложноподчиненных предложений и создание относительных местоимений на основе вопросительных представляет собой двуединый результат одного и того же процесса.

Как известно, в этих сложноподчиненных предложениях придаточное предложение предшествует главному, и относительное местоимение находится в придаточной части. Если относительное местоимение в составе придаточного предложения когда-то являлось вопросительным, то можно заключить, что данная разновидность сложноподчиненных предложений возникла путем соединения вопросительного предложения с повествовательным. По-видимому, целью вопросительного предложения, предшествующего повествовательному, было обратить особое внимание слушателя на повествовательную часть. Следовавшее же за ним повествовательное предложение давало конкретный ответ на поставленный вопрос. Первый и второй компоненты противопоставлялись друг другу как общее и конкретное и связывались семантическими взаимоотношениями. Обе части, очевидно, первоначально употреблялись в таком соотношении, пока первая из них под давлением структурной организации сочетания компонентов сложного целого не претерпела изменений качественного порядка и, утратив свой прежний вопросительный характер, стала повествовательной. Изменило свою природу и вопросительное местоимение, став средством конструирования сложного предложения. В результате первая часть оформилась как придаточное, а вторая — как главное предложение.

В указанных сложноподчиненных предложениях параллельно употребляются следующие относительные и указательные местоимения (а иногда и наречия): *k'im* (*k'em*) — о (ol); *nä* (*nemä*) — о (ol); *hansy* (*kajsy*) — о (ol); *nezä* (*nasył, kandaj, nezik', kalaij*) — *elä* (*öjle, andaj, ollaj*); *nesä* (*кас, kanca*) — о *gädär* (*okadar, anca*); *hacan* (*kacan*) — *onda* (*anda*); *hara* (*gajda, pere*) — *ora* (*anda*) и т. п.

В тюркских языках представлены различные типы придаточных предложений: подлежащее, дополнительное, определительное, сказуемое, времени, места, количества, образа действия, причины, в которых употребляются многочисленные варианты относительных и указательных местоимений. После стабилизации этой структуры стало возможным опущение в главном предложении указательного местоимения (или наречия). В придаточной части глагольное сказуемое выражается условной формой, или же к глагольному и именному сказуемому прибавляется частица *-sa* || *-sä*, или после имени (до сказуемого) употребляется частица *ki||kim* (имеются примеры, где отсутствуют частицы, иногда же обе частицы употребляются одновременно). Примеры: Качан Казан евин јағмалатса, һалалынын элин алыб, дышра чыхарды, ондан јағма едәрдиләр «Когда Казан раздавал свое имущество [своим подчиненным], держа свою жену за руку, выходил наружу, после [того] они раздавали». Нәр ким ол чанаварлары басса, јенса, елдүрсә, гызымы она верәрәм² «Кто победит, одолеет, убьет тех ярых [животных], за того выдам свою дочь». Ким күр болса, күвәз болур³ «Кто смел, тот горд». Anadoluda varlı Nemlizäde neyse, burada da Taşbaşoglu o «Каков богатый Немлизаде в Анатолии, таков и Ташбашоглы здесь». Bugünlerde onu kim gormüsse, Adil Efendi o kişinin üstünde bu izlenimi bırakmıştır «В последние дни кто видел Адиль Эфенди, он на того человека произвел такое впечатление»⁴. Kim ki jaxşy

² Китаби Дәдә-Горгуд. Бақы, 1962, стр. 154, 94.

³ М. Kaşğari. Divanü-lûgat-it-Türk, tercümesi. Ankara, 1939, I, стр. 325.

⁴ Yaşar Kemal. Jer demir, gök bakir. İstanbul, 1964, стр. 98, 196.

mäşgul olur, o, imtahanda jaxşy gijmätlär alyr «Кто хорошо занимается, тот получает хорошие оценки на экзамене». Качан аны ајтты, анда катты ура башладылар «Когда он это сказал, тогда они стали еще сильнее бить». Нәчик мән јазык әттим, алај ајтырмән бы танригә⁵ «Как я совершил грех, так и рассказываю это богу». Ни гадар ким биклер ашы татлы болса, еј гонаг, Јарлы јохсулга куру етмек и андан јагшыраг⁶ «Огость, как бы ни было вкусно блюдо богатых, для бедных людей лучше [иметь] свой сухой хлеб».

После упрочения подобной структуры одновременно с семантическим выделением относительных местоимений последние начинают употребляться в составе деепричастного оборота, и в конечном итоге деепричастие заменяется спрягаемым глаголом. Аналогичные факты встречаются, например, в древнеуйгурском памятнике «Алтун јаруг»: Qacaп bu (tört jäklär mini bir) äv qabyууn₁a (iltдүктä), ötrü ol kök bäg attyn qody түsүр, mini oqudy «Когда эти четыре демона привели меня к воротам одного дома, тогда тот начальник [из них] в голубой одежде, сойдя с коня, призвал меня»⁷. Qacaп anta tägdүктä, ärklig gannun₁ qatyr (qadyr) qatyu quyn u аlyтсуylarun₁... «Когда ты туда явишься, истцы [твоей жизни] у Эрклиг хана сурового и тяжелого наказания будут просить...»⁸

В. М. Насилов приводит из того же памятника примеры:

Качан барс үскинтә тэгдүктә, өтрү ол өдүн боз ағыр улуг йағыз йир алты түрлүгүн тэбрәти, кобсаты (Сутра «Золотой блеск») «Когда он подошел вплотную к тигрице, затем (өтрү) в то время эта тяжелая великая бурая земля шесть раз по-разному заколебалась (заколыхалась)»⁹.

В упомянутом источнике имеются также примеры на окончательно сформировавшиеся структуры:

Ол ач барс к₁ачан Бодиствнын өмгәнинтин к₁ан ак₁мышын көрти, өтрү ол к₁анығ йалк₁айу этин барча йип к₁одты (СЗБ) «Когда та голодная тигрица увидела, что потекла кровь из горла Бодисатвы, она тогда, слизывая эту кровь, окончательно съела его тело»¹⁰.

Эта двойственность в одном и том же памятнике свидетельствует о том, что данная конструкция в тот период находилась в переходной стадии развития.

В древних памятниках аналогичным образом употребляются не только качап, но и другие относительные местоимения. В этом отношении весьма интересен пример, приведенный В. М. Насиловым:

Бирөк ким к₁айу киши бу к₁утлуғ дарнығ сөзләйү мини ок₁ыйу тәгинмишдә (вместо тәгинсәр) мән өтрү оларнын₁ ок₁ыйү өтүнмиш өтүгләри эшиду тәгинип, оларк₁а йак₁ын барып көсәмиш көсүшләрин к₁антургаймән... «Если какой-либо человек «возьмется» произносить эту счастливую заклинательную формулу (dhāḡna), призывая меня, то и тогда «вплот-

⁵ W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. СПб., 1887, стр. 83, 81.

⁶ Seyf Sarayinin. «Gülüstan», tercümesi. Türk dili araştırmaları yillığı (belleten). Ankara, 1955, стр. 73—98.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 154, 157.

⁸ Там же, стр. 155, 159.

⁹ В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 107.

¹⁰ Там же, стр. 108.

ную» (*тэгинип*) услышу их зов и произносимую молитву и, идя близко к ним, удовлетворю «выдвигаемое желание».

«По существу это сложное предложение содержит в себе развитой обстоятельством член с предикативным компонентом *тэгинмишдэ*, но союз-частица *бирёк* «если», являясь аналитическим компонентом условной подчинительной связи, показывает насколько она уже осознана, стабилизировалась и дифференцировалась в литературном языке древних уйгуров в сравнении с единообразием ее смысла в орхоно-енисейских памятниках»¹¹.

В. М. Насилов совершенно прав. Только следует добавить, что относительные местоимения *ким*, *кайу* также являются признаком аналитической структуры. Они не могли длительное время употребляться в конструкции вместе со словом *тэгинмишдэ*, принадлежащим синтетической структуре. В силу этого данное слово претерпевает соответствующие изменения, то есть заменяется спрягаемым глаголом, вытесняя переходные явления.

Подгруппу второй разновидности анализируемых сложноподчиненных предложений составляют предложения с придаточной частью, содержащей показатель *-sa* || *-sä*. В древнейший период их сказуемые оформлялись окончаниями *-sar* || *-säg*. Другая подгруппа этой разновидности придаточных предложений имела элементы *sa da* || *sä dä*, а в узбекском еще *sa häm* || *sä häm*, в уйгурском *sa tu* || *sä mi*. Эти разновидности придаточных предложений употребляются в тюркских языках с древнейших времен. В современных тюркских языках, в отличие от древних, сказуемые придаточных предложений изменяются по лицам. Этот вопрос, непосредственно связанный с функциональным статусом условной формы, хорошо освещен в тюркологии. Достаточно изучены в тюркологической литературе также условные и уступительные придаточные предложения¹².

Вторую группу сложноподчиненных предложений в тюркских языках составляют союзные сложноподчиненные предложения, которые относятся к более позднему периоду образования и развития. В зависимости от смысловой нагрузки компонентов (главной и придаточной части) они распадаются на две подгруппы: в одной подгруппе части выражают одну и ту же мысль (их мы называем одноядерными), в другой — каждый компонент имеет свой смысловой центр, то есть они являются двоядерными. Эта особенность представляет собой важное свидетельство различного происхождения рассматриваемых подгрупп союзных сложноподчиненных предложений.

Одноядерные сложноподчиненные предложения возникли на базе распространения простого предложения. Один из членов простого предложения в целях экспликации развивающейся мысли и разгрузки простого предложения выходит за пределы последнего и оформляется как придаточное предложение, сохраняя свою семантико-грамматическую связь с ним.

Подобный путь развития одноядерных сложноподчиненных предложений подтверждается следующим:

1) На месте вышедших за пределы простого предложения членов употребляются местоимения, которые, не имея самостоятельного значе-

¹¹ В. М. Насилов. Указ. раб., стр. 114.

¹² Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении условной формы на *-sa*||*-se* в тюркских языках. — Сб. статей «Акад. В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 35—63; А. Г. Азизова. Узбек тилида шарт ва тусиксиз эргаш гаплар. Тошкент, 1955; К. Саргбаев. Кыргыз тилиндеги шартуу багынынкы сүйлөм жөнүндө.—Уч. зап. Кирг. гос. унив., филол. фак-т, вып. 3 Фрунзе, 1957; М. Рэхимов. Азәрбајчан дилинде фе'л шәкилләринин формалашмасы тарихи. Баку, 1965 и др.

ния, свидетельствуют о наличии придаточных предложений (с окончательным оформлением структуры местоимение может опускаться).

2) Придаточное предложение дублирует связь, которая была свойственна члену, вышедшему за пределы простого предложения. Это подтверждают вопросы, на которые отвечают придаточные предложения.

3) Придаточное предложение само по себе не требует вопроса; он возникает из главного предложения. Если после главного предложения прервать структуру, то для восстановления недостающего члена необходимо задать вопрос. Ответ же на этот вопрос заменяет придаточное предложение.

4) Придаточное предложение можно употребить в качестве члена главного предложения. Иначе говоря, придаточное предложение можно трансформировать в член предложения в составе главного.

Примеры:

Амма орасыны да дејим ки, гыз чоҳ дэрракэли гыз иди¹³ «Однако хочу добавить, что девушка была очень смышленной». Кэлиб ахырда чыхдылар о шәһәрә ки, эмиси Мәһәммәд сүкүнәт еләмишди¹⁴ «Наконец доехали до того города, где поселился дядя его Магомед». Нәрминә дә она көрә сусмушду ки, сөзү һарадан башламагы мүәјјән едә билмирди¹⁵ «И Нармина потому замолчала, что не могла определить, с чего начать».

В первом предложении слово *орасыны* заменяет дополнение, вышедшее за пределы простого предложения, и создает предпосылки для оформления придаточного предложения. Во втором предложении местоимение *о* заменило определение, оформившееся в придаточное предложение. В третьем же предложении местоимение с послелогом *она көрә* заменило обстоятельство причины.

Отдельные факты, имеющие место в письменных памятниках, видимо, отражают ранние этапы этого процесса: Munta-da adin taqi oñi as ickü joq kim bu alaṣurmis ac barsiy turgür gü lüg... «Нет иной пищи, кроме этой, которая оживила бы эту обессилевшую и голодную тигрицу»¹⁶.

В узбекском памятнике XIII в. «Тэфсир» встречается пример: Билдilər ким, ашәб ал кәһф кишиләри өлмүшүнү¹⁷.

С точки зрения синтаксической структуры современных тюркских языков, это предложение нельзя считать правильным. Чем же обусловлена такая структура?

Видимо, причастный оборот, выходя за пределы простого предложения и употребляясь как придаточное предложение, все же сохранил свой прежний вид (форму винительного падежа), и конец оборота не превратился в *verbum finitum*. Стало быть, и данный пример представляет собой образец переходной стадии от причастного оборота к придаточному предложению (ср. Ашәб ал-кәһф кишиләри өлмүшүнү билдilər).

В усложнении предложений определенную роль сыграла прямая и косвенная речь. Поэтому в установлении связей между предложениями значительную функцию выполняет слово *дејә* (и его варианты — деп || тәп || тәјү || тәбән и др.).

В настоящее время для тюркских языков, в которых не получили развития сложноподчиненные предложения, характерны сложные пред-

¹³ Азәрбајчан нағыллары. Бақы, 1960, I, стр. 275.

¹⁴ Там же, стр. 238.

¹⁵ Б. Бајрамов. Јарпаглар. Бақы, 1961, стр. 47.

¹⁶ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 562.

¹⁷ А. К. Боровков. Из материалов для истории узбекского языка. — Тюркологический сборник. М.—Л., 1951, стр. 78.

ложения с союзом *deja* или его вариантами. Можно предположить, что за этим периодом последует формирование союзных сложноподчиненных предложений (например, с *kim*). В ряде случаев имеет место параллельное употребление этих союзов (в одном или же разных предложениях). Впоследствии каждый из союзов *deja* и *kim* закрепляется за соответствующей структурой. В письменных памятниках встречаются примеры, свидетельствующие о становлении подобных структур: Дархал Джабраил кэлип ајтти:ја Муса'асанни дар'јауа урул дэп... (Сирач-эл-кулуб) «Тотчас же явился Джабраил и сказал: «О Муса, брось свой посох в реку...» Фарман кілүај кім сурні чалүіл дэп...» «Он прикажет: «Играй на флейте»¹⁸.

Оба предложения имеют сложную структуру. Если даже в первом предложении нет слова *kim*, то части целого связываются интонационно. Во втором предложении — компоненты объединяет союз *kim*. Наличие в конце обоих предложений слова *дэп* — рудимент предшествующей стадии развития.

Сложными предложениями, образовавшимися путем «выхода за пределы», являются придаточные подлежащее, дополнительное, определительное, сказуемое, времени, цели, причины, образа действия. Этот процесс продолжается в настоящее время, приобретая качественно новые черты. В современном азербайджанском языке не только от главного предложения, но и от придаточного предложения и распространенного оборота отходят дополнения, оформляющиеся как придаточные, и по смыслу зависящие от целого. Например: Экэр десэм ки, өзүмә һәјат јолдашы сечдијим адамы эзэлдән истәмәмишәм, бу, намуслу һәрәкәт олмас¹⁹ «Если скажу, что человека, которого я избрал спутником жизни, с самого начала не любил, это не будет честным поступком». Һәр шејдән чоһ мәнә о тәэччүб кәлир ки, анам, гардашым билә-билә ки, мән Сәадәт-сиз дүнјада бир күн дә өмр еләмәк истәмәздим, онунла белә о тәмәннаја дүшүбләр ки, Сәадәтин адыны чәкмәјим...²⁰ «Больше всего меня удивляет то, что моя мать и брат, зная, что я не пожелал бы прожить в мире ни одного дня без Саадет, в то же время хотят, чтобы я не упоминал имени Саадет». Әввәлләр Јусиф, Шаһмар дејәндә ки, һүммәт натәмиз адамдыр, инанмырдым, шүбһә едирдим²¹ «Прежде, когда Юсиф, Шаһмар говорили, что Гуммет — нечистоплотный человек, я не верил, сомневался».

В первом примере дополнительное придаточное предложение вышло за пределы условного предложения, во втором и третьем — за пределы деепричастного оборота и является зависимым от них.

Таким образом, представление о том, что придаточное предложение во всех случаях зависит от главного, не всегда оправдано. Термин «главное предложение» носит условный характер.

Двухдверные сложноподчиненные предложения возникли иным путем. Они генетически восходят к сложносочиненным предложениям. С утратой равноправности один из компонентов сложноподчиненного целого превращается в придаточное предложение.

Подтверждает этот процесс употребление в структуре ряда сложноподчиненных предложений сочинительных союзов. Таким образом, в процессе развития сложносочиненное предложение, переформируясь в слож-

¹⁸ Примеры взяты из книги А. М. Щербака «Грамматика староузбекского языка». М.—Л., 1962, стр. 220—221.

¹⁹ И. Эфәндијев. Сөјүдлү арх. Баки, 1959, стр. 168.

²⁰ Н. Вәзирев. Мүсәбәти-Фәхрәддин. Баки, 1958, стр. 30.

²¹ Б. Бајрамов. Указ. произв., стр. 226.

ноподчиненное, часто сохраняет в своем составе сочинительный союз: *Һәрчәнд Ситарә өзүнү доландыра биләрди, амма Һәсән она имқан вермирди. «Хотя Ситара и могла содержать себя, однако Гасан не давал ей (этой) возможности». Мәнсур һәрчәнд Ситарәнин ахырынчы сөзләрини ешидирди, лакин данышмага гүдрәти јох иди²² «Хотя Мәнсур и слышал последние слова Ситары, но у него не было сил говорить».*

В приведенных примерах характерно наличие союзов *амма, лакин*. Каждый из элементов сложного целого самостоятельно участвует в оформлении и выражении общей мысли, т. е. повторяется картина, свойственная сложносочиненным предложениям.

В одноядерных предложениях придаточное как бы поясняет главное, тяготеет к нему и благодаря главному предложению участвует в оформлении и выражении мысли. Поэтому в одноядерных предложениях придаточное относится к одному из членов главного предложения, а в двудерных — ко всему главному предложению и потому не может стать его членом.

Двудерными являются придаточные сопоставительное, следствия, присоединения. Кроме них, имеются еще двудерные типы сложноподчиненных предложений с придаточными условия, времени и причины.

В письменных памятниках тюркских языков можно отметить факты, отражающие первоначальную стадию процесса формирования подобного рода сложных предложений:

Асланына, гапланына гарғамагыл, Газылыг дагынын сучу јохдур²³ «Не проклинай львов, барсов его, [потому что] гора Газылыг не виновата».

Этот порядок компонентов и пояснение вторым компонентом первого с точки зрения причинности позднее стали почвой для формирования сложноподчиненных предложений с придаточным причины. В процессе эволюции в языке появляются подчинительные причинные союзы *opa gōrä ki, ondan ötrü ki, onun ücün ki, cünki* (а в диалектах — *nä ücün ki > nösün ki, nädän ki*).

Было бы ошибочным считать, что подчинительные союзы возникли до формирования сложноподчиненных предложений. И те и другие являются результатом единого процесса. Отсюда ошибочность положения о возникновении подчинительных союзов якобы из сочинительных.

После окончательного оформления и закрепления в языке отдельных типов сложноподчиненных предложений иногда возможны опущения союзов. Это в свою очередь подтверждает то, что бессознательные сложные предложения являются продуктом более позднего этапа.

Факты свидетельствуют о том, что тюркские языки развивались неравномерно. Условные предложения и предложения с относительными местоимениями представлены во всех тюркских языках, тогда как союзные придаточные предложения в одних языках (азерб., турец., гагаузск., узб., татарск. и др.) сложились давно, в других отсутствуют, а в третьих — только начинают зарождаться.

²² Ч. Чаббарлы. Мәнсур вэ Ситарә. — Эсәрләри, III ч. Бақы, 1958, стр. 169—184.

²³ Китаби-Дәдә Горгуд, стр. 25.

М. Р. ФЕДОТОВ

О ЧУВАШСКОМ КАРИТИВНОМ АФФИКСЕ -СӐР (-SĀR)
-СĔР (-SĔR) И ЕГО РЕФЛЕКСЕ В НЕКОТОРЫХ
ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Чувашская морфоформа -s̄ar (-s̄er), именуемая в современных чувашских грамматиках аффиксом лишительного падежа, встречается также в составе чувашских заимствований в некоторых финно-угорских языках. Уже сам по себе факт сохранения названной морфоформы в марийском, удмуртском и венгерском языках говорит о многом: он прежде всего уточняет хронологию древнечувашских заимствований в финно-угорских языках. В связи с этим считаем необходимым остановиться на генеалогии этого аффикса.

В последнее время в лингвистической литературе появилась точка зрения, согласно которой чувашский лишительный аффикс -s̄ar (-s̄er) генетически соотносится с древнетюркским -syra (-sirä). Это утверждение связывается с разделением тюркских языков на так называемые z — и г — языки, сущность которого заключается в том, что чув. г внутри и в конце слова соответствуют тюркские звуки d (δ), z, j, например: adaq || адақ || ajaq ~ чув. uga || ога «нога»; qadyp || қадып || qajyp ~ чув. хугап || хоҕап «береза», qaz ~ чув. хуг «гусь» и мн. другие¹.

Относительно происхождения этой фонетической закономерности существует очень много мнений, однако все они сводятся в основном к двум точкам зрения. Первую из них, о приоритете г перед z, выразил Г. И. Рамstedт. Он считал, что «в алтайском праязыке, кроме обычных г и l, внутри и в конце слова встречались и отличные от них, иногда смягченные г' и l', которые преобразовавшись в большинстве тюркских языков в z и s, в остальных сохранились как г и l»². Представители другой точки зрения (В. В. Радлов, З. Гомбоц, Ю. Немет, И. Бенцинг, Б. А. Се-

¹ Надо заметить, что сфера z и сфера p абсолютно не разграничены, первая может вторгаться во вторую, т. е. фонема p в известных случаях допускает наличие фонемы z. Н. К. Дмитриев в статье «Соответствие p || z» пишет, что «вторжение чувашских форм на p в тюркские формы на z можно наблюдать не только в отдельных словах, но и целых грамматических категориях. В этом отношении характерно образование отрицательной формы туркменского будущего времени:

1-е л. ал-ма-р-ын, гел-ме-р-ин
2-е л. ал-ма-р-сын, гел-ме-р-син,
мн. число

1-е л. ал-ма-р-ыс, гел-ме-р-ис
2-е л. ал-ма-р-сын,ыз, гел-ме-р-син,ис».

(Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955, стр. 322—325).
² G. J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwaschischen, JSFO, XXXVIII, 25.

ребренников и др.) говорят об обратной возможности, т. е. чув. г развил-ся из тюркского z. Пока этот вопрос остается спорным.

Словообразовательный аффикс чувашского языка -s̄aḡ (-s̄eḡ), значение которого покрывает значение англ. -less и нем. -los, соответствует: узб., уйг. -siz; каракалп., ног. -syz, -siz; казах. -syz, -süz; тат. -syz, -sez; азерб., кирг., тур., туркм. -syz, -siz, -suz, -süz; кумык. -syz, -siz, -suz, -süz; башк. -һуҫ, -һеҫ, -һоҫ, -һөҫ. В алтайском, тувинском, хакасском, шорском и якутском языках данного аффикса нет, поэтому в них отрицательная форма передается аналитически, при помощи конкретного существительного и слова, означающего «нет». Примеры: якут. biliete suox (ср. чув. p̄ilec̄e suk «безбилетный»; алт. t̄übi d'ok (ср. чув. t̄eb̄e s'uk

«бездонный»; хак. saḡyuzu sok (ср. чув. s̄uxaz̄e s'uk) «безумный».

Ф. Г. Исхаков отмечает, что «в хакасском языке встречаются отдельные отрицательные прилагательные с аффиксом -sis < siz, как, например, kipsis «некрасивый», «неуклюжий», «бесформенный»..., но при помощи sis в хакасском языке новые прилагательные не образуются»³.

С. Е. Малов приводит ряд слов из древнетюркских памятников с аффиксом -сыра (-sirä). В «Большой надписи» памятника в честь Кюль-Тегина (VIII век н. э.) мы читаем: illigur ilc̄irätm̄ic̄ kaḡ, anlyḡyḡ, kaḡ, an-syratmys «он лишил племенного устройства имеющих эти племенные устройства и лишил ханов (народы), имевшие этих ханов»⁴. В Указателе грамматических форм (страницы даны в скобках. — М. Ф.) «Золотого блеска» читаем, что -sirä, -syra соответствует -siz-ä, -syz-a, т. е. С. Е. Малов видит в этом чередование г~z: -sirä || siz-ä, -syra || -syz-a (195). Вот еще некоторые слова: tynsyra (436) «беспокоиться»; ögsirä—tynsyra (436) «выходить из себя, волноваться»; ögsirä—

«лишаться чувств»; ögsirä (195) «лишиться чувств, сознания»; kücsirätm̄is (195) «обессиленный». Однако подобного чередования, на которое указывает С. Е. Малов, в памятниках нет. Не находим мы аффикса -syra (-sizä) и в современных тюркских языках. В отрывках «Золотого блеска», откуда мы почерпнули вышеприведенные слова на -syra (-sirä), в качестве отрицания встречаются исключительно -siz, -syz, -suz, -süz, т. е. те же самые формы, которые представлены в родственных чувашском и тюркских языках. Достаточно сравнить приведенные уже ögsirä «лишиться чувств, сознания» с другим словом, стоящим рядом с ним, Ögsiz (406) кличка коня «Безумец». Последнее снабжено аффиксом -siz, а не -sirä. Ясно, что уже в эпоху написания этого памятника аффикс -siz нес чисто каритивную функцию, т. е. такую же, как, скажем, чув. -saḡ (-s̄eḡ) и его генетическое соответствие -syz (-sez) в остальных тюркских языках.

В. М. Насилов относительно аффикса -syra (-sirä) пишет, что он «образует глаголы, выражающие отсутствие чего-либо, лишение в чем-либо» и «представляет явление ротации (г~z) и эквивалентен аффиксу -syz-a (-siz-e), который в тюркских языках встречается в основах глаголов с отрицательным значением, образованным при помощи аффикса -la, -le, например: atsyzla «лишиться коня», järsizlä «лишиться земли» и т. д.»⁵. В другом своем труде В. М. Насилов также указывает, что «основы, образующие глагольные понятия, оформляются аффиксом

³ Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. II. М., 1956, стр. 152—153.

⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 49.

⁵ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 21.

-syra, -sirä: tynsyra «лишиться покоя» от tyn (автор здесь дает значение «дыхание», тогда как нужно было бы дать значение «успокаиваться, отдохнуть». См. Словарь Радлова, III, 1313. — М. Ф.); күчсирэ «лишиться силы» — от күч «сила»; өгсирэ «лишиться сознания» — от өг «мысль», «сознание»; тытыгысыра «потерять вкус» — от татыг «вкус», «смакование»⁶. Этого вопроса касается и А. М. Щербак: «Очень возможно, что аффикс *-sira* появился в результате слияния двух односложных морфем *-sīr* (~*sīz*, ср. у так называемых привативных форм имени) и *-a*». Укажем на приведенные автором три слова: *инчсирāt* «лишиться покоя», *күчсирä* «лишиться силы», *тамг,сī рајур* «лишиться вкуса», в которых аффикс *-sira*, *-sirä* обозначает «утрату или лишение предметов и состояний, которые выражены именной основой»⁷.

Таким образом, на основании сопоставления нескольких слов (*ögsirä*-, *tynsyra*-, *kücsirä*-, *tatygsyra*-, *incsirät*-, *ilsirät*-, *kağansyrat*-) был сделан вывод о наличии чередования г—z в языке древнетюркских памятников и равнозначности аффиксов *-syra* (*-sirä*) и *-syz*-а, *-siz*-ä, хотя конечному *-a*, *-ä* объяснения дано не было.

Сопоставляя современную енисейскую группу тюркских языков (тувинского, киргизского, хакасского, шорского и алтайского) с языком енисейских памятников древнетюркской письменности, ученые отмечают, что среди живых языков енисейской группы тувинский «является прямым потомком языка чиков, которым принадлежит значительная часть памятников»⁸.

В тувинском языке глаголы с аффиксом *-сыра* (*сире*), *-сура* (*-сүре*), *-зыра* (*-зире*), *-зура* (*-зүре*), образованные от имен существительных, обозначают уменьшенное, ослабленное действие, а также различные психические состояния (желания, настроения), связанные с содержанием их именной основы. Примеры: ханзыра «сочиться», «кровоточить» (хан «кровь»); уйгузура «быть сонным», «хотеть спать» (уйгу «сон»); эътсире «хотеть есть мясо» (эът «мясо»); чүрексире «томиться», «тосковать» (чүрек «сердце»); хүлүмзүрү || хүлүмзүре «посмеиваться», «улыбаться» (хүлүм «смех») и другие.

При помощи аффикса *-сыра* и его шипящей разновидности от имен прилагательных образуются глаголы со значением «приобретать данное качество». Примеры: баксыра «ухудшаться», «портиться» (бак «дурной», «плохой»); сайзыра (ср. монг. сайжира «улучшаться» < монг. сай[н] «хороший»); эргижире (ср. эргжи «стареть», «устареть» < эрги «старый», «старинный»), экижире (ср. экижи «улучшаться» < эки «хороший») ¹⁰.

Аффикс *-сыра*, *-сире* представлен в каракалпакском языке: джетим «сирота», джетим-сире «чувствовать себя сиротливо, чувствовать или считать себя сиротой», джетимсиреген «сиротливый»; или в алтайском: уйку «сон», уйку-зыра «дремать, быть в полусонном состоянии», уйку-

⁶ В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 28.

⁷ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 173—174.

⁸ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 3.

⁹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 267.

¹⁰ Там же, стр. 268.

зырак «соня, сонливый», уйкузырат «нагонять сон», уйкузыраш «дремать вместе», анзыра «озвереть», кан-зыра «обескровиться, истечь кровью»¹¹.

Н. А. Баскаков дает ряд примеров с аффиксом -ым-сы-ра (-им-си-ра, -и-сы-ра); -м-си-ре: кюл «смеяться», кюл-им-си-ре «улыбаться», «делать вид, что смеешься»; джыла «плакать», джыла-м-сы-ра «всхлипывать, делать вид, что плачешь»; ел «умирать», ел-им-си-ре «проявлять слабость воли, быть еле-еле живым, делать вид, что умираешь»; джакь «годиться, нравиться», джагь-ым-сы-ра «угодничать, подлизываться», джагымсырагъан «слащавый, угодливый, подхалимствующий»¹².

Этот весьма непродуктивный аффикс встречается в единичных примерах и в якутском языке. Правда, он, имеющий здесь форму -сыар, -сиэр, -суор, -сүөр, присоединяется к основам прилагательных и придает им уменьшительное значение (выражает неполноту признака): барбах-сыар «плоховатый, неважный», мөлтөхсүөр «слабоватый», мэниксиэр «глуповатый»¹³.

Среди западных тюркских языков аффикс -сыра (-сира) встречается в татарском языке. В. Н. Хангилдин приводит несколько глаголов с ослабленным действием (по-татарски 'азайту төрчәсе'), образующихся путем прибавления к основе глагола аффикса -ымсыра, -смсерэ, -мсыра, -мсерэ, который уменьшает, умаляет значение глагола, выражаемое его основой, например: көл «смеяться» — көлемсерэ «улыбаться, улыбнуться»; йоклаган — йокламсыраган или йокымсыраган «вздremнул, задремал»¹⁴.

Что касается элемента -м- в приведенных выше аффиксах, то он возник в результате переразложения глагольной основы: йокым+сыра > йокы+мсыра. Согласно Ф. Г. Исхакову и А. А. Пальмбаху в «глагольных формах типа *удумзура* — этимологически выделяется производная именная основа *удум* «спанье» и аффикс словообразования «уменьшительных» глаголов — *-зура* (ср. тат. йокым-сыра. — М. Ф.). Однако в современном тувинском языке основа *удум* не употребляется как самостоятельное слово. Этим вызвано морфологическое переразложение глаголов типа *удум-зура* — морфологически в них выделяется лишь первоначальная глагольная основа *уду* «спать» (ср. тат. йокы «сон». — М. Ф.) и «уменьшительный» глагольный аффикс *-мзура* (-м- перешло из основы в аффикс)¹⁵.

Встречающиеся в древнетюркских текстах примеры с аффиксом -суга (-sığä), а также слова, взятые нами из тувинского, алтайского, каракалпакского, якутского, татарского языков, одного и того же порядка и происхождения. Аффикс -суга (-sığä), в противоположность чув. -саг (-ser) ~ тюрк. -сыз (-sez) «без», обозначает уменьшенность, ослабленность, неполноту совершения действия, качества или признака. Следовательно, это не лишительный, не отрицательный аффикс «без-», а совершенно иной по своей природе. Поэтому нельзя говорить о едином происхождении сопоставляемых аффиксов. Нет оснований утверждать наличие чередования г~з в пределах одного и того же слова, в данном

¹¹ Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении условной формы на -са(-се) в тюркских языках. — В сб.: «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому». М., 1953, стр. 42.

¹² Там же.

¹³ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 136—137.

¹⁴ В. Н. Хангилдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959, стр. 168.

¹⁵ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 267—268.

случае наличие форм *-syra* (-sirä) и *-syza* (-sizä) в памятниках древне-уйгурского языка и письма, так как это бездоказательно.

Что же касается происхождения аффикса *-syra* (-sirä), то по этому вопросу совершенно ясно высказался Н. А. Баскаков. Приведа вариант аффикса с узким гласным *-сы* (-си), он пишет, что «к системе форм с аффиксом *-сы* (-си) относятся также формы глагола ослабленного действия, совершающегося не в полной мере, а только в начальной его степени, или в виде подражания данному действию или состоянию... Формально этот вид глагола выражается сложным аффиксом *-ым-сы-ра* (-им-си-ре), *-м-сы-ра* (-м-си-ре), который представляет собой сложное сочетание аффикса *-ым* (-им), образующего имя от глагола, и аффикса *-сы-ра* (-си-ре), образующего новую основу глагола, выражающего только подобие совершения данного действия»¹⁶.

Такого рода сравнения, как, например, древнетюркское *ögsirä* — *typsyga* «выходить из себя, волноваться», сопоставляемое чув. тансар «бессознательный» (тан «сознание» + *-сар* «без») основаны на недоразумении: во-первых, повторяется ошибка С. Е. Малова и чув. тан толкуется в значении «сознание, сообразительность», тогда как речь идет о чув. слове *танаç*, уйг., алт., тел., шор., саг., койб., качин., каз., кирг., тоб., ком. карЛТ тын «успокаиваться, отдохнуть» (Радлов, Словарь, III, 1313) и, во-вторых, в 625-ом абзаце «Золотого блеска» в 12 и 13 предложениях нет слов *ög-сез*, тын-сыз¹⁷, а есть *ögsiräp* и *тансырап*, т. е. опять-таки слова с диминутивным аффиксом *-сирä* || *-сыра*.

Что касается чувашского лишительного аффикса *-sä* (-së), то он, скорее всего, тождествен монгольскому *-sar*, *-ser* «без..., без». «Чувашская форма, как более древняя, — пишет Г. И. Рамstedт, — даст нам право предположить тождество тюркск. *-syz* и монг. *-sar*. В древнемонгольском имелись, например, такие формы, как монгНТ *ölüsümüser* «не умерший с голоду» (<*ölüsü*-м «голод», *kejisümüser* «не развеянный (-унесенный) ветром» (<*kejisü*—«унести прочь, развеять»), *uqamsar* «неожиданный» (<*uqa*—«уметь, понимать»), *sapamsar* «нечаянный, ненамеренный» (<*sapa*—«думать») и т. д.»¹⁸.

Что касается генетической соотносимости чув. *-sä* (-së) и древнетюркск. *-syra* (-sirä), то последняя форма (за исключением одного слова), не получила никакого отражения и в финно-угорских языках, с которыми чувашский имеет по крайней мере тысячелетнюю взаимосвязь. В финно-угорских языках встречается лишь чувашский каритив *-сар* (-сер), представленный в небольшом числе удмуртских заимствований. Укажем на некоторые из них: чув. *ансар* > удм. *ангсыр* «узкий»; тюркские формы: ин₁сиз, ансиз, енсиз «тж»; чув. *верх. сусар* > удм. *сöсыр* «калека, инвалид, изувеченный»; *сöсырмон* «увечье, ранение», *сöсырмыны* «искалечиться, изувечиться, пораниться»; *сöсыртон* «увечье»; *сöсыртыны* «искалечить, изуродовать»; тюркские формы: *сау*, *суу*, *сау*, *сав* «здоровый» + *-сыз*, *-сез*; чув. *кансер* «беспокойный, трудный, тяжелый, неудобный» > удм. *каньсыраны* «разомлеть, обессилеть»; тюркские формы: Радл., II, 106 *кан* «утолять жажду, сделаться вдоволь, утолиться чем, пресыщаться чем, успокоиться, убедиться», чув. *ирексер* > удм. *эриксыр* (а также *эриктэм*) «насиленно»; тюркские формы: *ериксиз*, *ирексез* «тж».

¹⁶ Н. А. Баскаков. Указ. работа.

¹⁷ А. С. Канокова. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965, стр. 34.

¹⁸ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 214—215.

О сфере влияния аффикса -s̄ag (-s̄er) говорят чувашские заимствования в марийском языке, которые выступают в нем в форме -сыр, редко -шыр: чув. ансар (ан «ширина») > мар. аҥышыр, марГ. аҥгысыр «узкий»; верх. сусар (сыва «здоровый») > мар. сусыр «рана»; чув. турсер (туре «прямой, справедливый») > марГ. тӱрсыр «несправедливый»; намассар (<араб. تاموس) > марГ. намыссыр «бесстыдный»; йнхсар (йх «род») > марГ. йыхсыр «без остатка, беспощадно» (напр., «весь род уничтожили»); чатамсар > мар. чытымсыр «торопливый, суетливый» и мн. другие¹⁹.

В словаре современных горномарийского и луговомарийского диалектов нет следов отражения древнетюркского -сыра (-sira), если не считать, как полагаем, единственной реликтовой формы в горномарийском: вуйсара (вуй «голова»), которая, быть может, отражает остаток очень раннего тюркского языкового влияния.

Нам думается, что и венгерское слово kényszer «невольный, принужденный» является древнечувашским заимствованием *кенсер > кансер, сунд. каньсар > мар. каньысыр || удм. каньсырыны (см. выше).

Сказанное подтверждает, что переход z (δ) в г имел место до IX в. н. э. Следовательно, г — звучный тюркский язык, преемником которого является чувашский, еще до IX века, т. е. до переселения предков венгров на их современную родину, начал оказывать влияние на соседние финно-угорские языки. Подобный процесс протекал, разумеется, путем живого общения с теми слоями населения, которые шире были охвачены этно-культурно-экономическими взаимосвязями. Об этом свидетельствует по крайней мере тот факт, что одно и то же слово может быть снабжено тремя каритивными аффиксами: природным финно-угорским (мар. -дымо-дымо; удм. -тэм; коми -том; морд. -томо, -втомо, -тэме, -втеме, -теме), чувашским и татарским, например: чув. турсер > марГ. тӱрсыр, но марВ. тӱрсыз (<тат.) и марЛ. тӱрдым «несправедливый, несправедливо»; чув. ирексер > удм. эриксыр, также эриктэм; мар. элыксыр, но марВ. эрыксыз (<тат.) и т. д.

Что касается татарской морфоформы -syz, -sez, то она сама иногда, а в данном случае в силу литературных традиций тюркского языка, оказалась неспособной стойко противостоять персидскому префиксу بی: би-: бихэбэр (بی خبر) (= хэбэрсез), ср. чув. хыпарсар «без вести», бихисап (= хисапсыз), ср. чув. хисепсер «бессчетно», бивакыт (= вакытсыз), ср. чув. вахатсар «безвременно» и многие другие. В конечном счете борьба между природным тюркским -сыз, -сез и иностранным суффиксом би- закончилась в пользу первого, хотя би-, как дань подражания персидскому, часто встречался у татарских поэтов и писателей, в том числе у Г. Тукая.

В связи с рассмотрением чувашского -s̄ag (-s̄er) надо отметить и тот объективный факт, что в последние годы во все языки народов Поволжья и Перми стал проникать русский суффикс без-. Влияние русской письменности на указанные языки огромно, но в этом случае проникновение

¹⁹ М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965, стр. 37.

русского без- и вытеснение им эквивалентных каритивных аффиксов происходит на почве непосредственных контактов с носителями русского языка. Употребление в разговорной речи таких слов, как безобразно, бестолково, бездельник, бессовестный, обеспечение, обезличка и им подобных становится вполне естественной языковой практикой, а некоторые из них даже включены в русско-национальные словари.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ ТЕРМИНОВ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Русское слово *жилет* заимствовано из французского языка (*gilet*) с тем же значением. Оно вошло в русский язык сравнительно недавно, о чем свидетельствует, в частности, его фонетическая форма: звук *e* под ударением перед твердым согласным сохраняет свое первоначальное звучание и не переходит в *o* (орфографическое *ё*), как это имеет место в старых заимствованиях — *Пётр*, *Фёкла*.

Время заимствования этого слова датируется второй половиной XVIII в.¹ На его иностранное происхождение указывал еще А. С. Пушкин в «Евгении Онегине»:

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами.

Слово *жилет* в русских словарях появилось в начале XIX в. По данным «Словаря современного русского литературного языка», оно впервые было зафиксировано в словаре иностранных слов Н. Яновского², а затем приводилось в «Общем церковно-славяно-русском словаре, или собрании речений» акад. П. Соколова, изданном в 1834 г., и в «Русско-французском словаре, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологическом лексиконе русского языка»³. В Академический словарь слово *жилет* вошло лишь в 1847 г., когда оно было уже полностью освоено русским языком.

А. Г. Преображенский возводил этимологию слова *жилет* к собственному имени *Gille* — человека, носившего подобного рода безрукавки, а по иной версии — к имени портного⁴.

Во французском этимологическом словаре А. Доза́ отмечается, что слово *gilet* известно во французском языке с 1557 г., но до XVIII в. употреблялось редко. По данным этого словаря, оно является переделкой

¹ Согласно данным Ю. С. Сорокина, картотека словаря русского языка XVIII в. содержит примеры употребления слова *жилет* с 80-х, а *жилетка* — с 90-х годов.

² Н. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. I. СПб., 1803.

³ Филипп Рейф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка, т. I. СПб., 1835, стр. 306.

⁴ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914, стр. 232—233.

испанского *jileco* (или *jalesco*), заимствованного из алжирского диалекта арабского языка, где *jalesco* — «женская прямая кофточка» восходит к тюркскому *yelek*. Однако значение этого тюркского слова А. Доза почему-то не приводит⁵.

Слово *jelek* встречается во многих тюркских языках. Л. З. Будагов⁶ указывает, что *jelek* — персидского происхождения, и в джагатайском языке (чагатайском или староузбекском — средневековом литературном языке Средней Азии) означало «род шапки, надеваемой царями», а в турецком — «перо у стрелы». В. В. Радлов⁷ снимает помету о персидском происхождении этого слова и добавляет, что оно имеется в турецком языке, в чагатайском же означает «женское платье». Он приводит также форму, родственную чагатайской и турецкой, — казахское *желек* «покрывало у молодухек»⁸.

Из современных тюркских языков это слово употребляется в казахском и каракалпакском, где *zelek* означает «шелковое покрывало невесты», в узбекском *zelak* — «короткое женское покрывало наподобие паранджи с рукавами и украшениями», а также в турецком.

В чувашском языке этим существительным соответствует слово *селек*, которое имеет, правда, иное значение — «шапка, головной убор»⁹.

Происхождение чувашского *селек* не совсем ясно. Н. И. Золотницкий¹⁰ и Н. И. Ашмарин¹¹ считают, что это слово образовалось от чувашского существительного *си* «верх» с добавлением суффикса *-лех*¹².

Такая этимология довольно убедительно подтверждается существованием в чувашском языке парного слова *селек-си* в значении «шапка». Второй компонент этого парного слова *-си* в современном чувашском языке означает: «верх, поверхность, верхняя часть; одежда, платье; время, пора; настойчивость»¹³.

Известно, что в чувашском языке сложные слова часто состоят из синонимичных частей. Например, в слове *ut-lasa* «лошади» объединены два однозначных слова — *ut* «конь» и *lasa* «лошадь».

Предположение о чувашском происхождении интересующего нас слова подтверждается и тем, что значение слова согласно закону семантических изменений слов при их заимствовании другими языками, как правило, резко сужается, специализируется¹⁴.

Слово это, начальный согласный звук которого менялся в соответствии с законами того или иного тюркского языка *s—z—з—j* в казахском,

⁵ См.: А. Dauzat. Dictionnaire étymologique de la langue française. 11-e tirage. Paris, стр. 362.

⁶ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II. СПб., 1871, стр. 364.

⁷ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III. СПб., 1905, стр. 347—348.

⁸ Там же, т. IV, стр. 77.

⁹ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 210.

¹⁰ Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875, стр. 240.

¹¹ Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, стр. 107.

¹² См.: М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чебоксары, 1905, стр. 119.

¹³ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. XIII. Чебоксары, 1937, стр. 64.

¹⁴ См.: Е. Д. Поливанов. Введение в языковедение для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 53.

каракалпакском и чагатайском языках сохранило в несколько суженном виде свое первоначальное значение «головной убор», в узбекском оно означает нечто среднее между головным убором и платьем, а в чагатайском имеет два различных значения: «род шапки» и «женское платье». По В. В. Радлову, в турецком языке это слово приобрело значение «жилет». По-видимому, от турок оно попало к арабам. В современном арабском литературном языке جَلَاح *jalāḥ* при множественном числе — جَلَاحَات *jalāḥāt* означает «лифчик».

Широкое распространение чувашского слова *selēk* на Востоке и Западе является свидетельством большого развития ремесел и торговли у волжско-камских булгаров — далеких предков современных чувашей. Примечательно, что у многих восточных народов название особо выделанной кожи — юфти тесно связано с названием народа булгаров и звучит как булгари, былгары и т. п., что свидетельствует также о славе древних булгарских кожевников. Правда, слово *selēk* распространилось не вместе с изделием, а переходя от народа к народу и несколько видоизменяясь по форме и значению. Но и в этом случае оно подтверждает тезис Л. Киша о том, что «заимствование какого-либо слова чаще всего производится не только одним единственным языком, а целой группой языков, находящихся в сходных условиях»¹⁵.

В русском разговорном языке слово *жилет*, как и целый ряд слов, оканчивающихся на -ет, приобрело суффикс -к(а) — *жилетка*, что не внесло в значение данного слова никаких семантических оттенков, но способствовало его специфически русскому оформлению и перевело в разряд семантически сниженной лексики. Следует отметить, что сферы его употребления без «русифицирующего суффикса» -к(а) и с этим суффиксом различны. Суффиксальный вариант относится к разговорной речи, а бессуффиксальный носит более книжный характер¹⁶. На этой основе было образовано фразеологическое выражение «от жилетки рукава» (т. е. —ничего), носящее ярко выраженный разговорно-просторечный характер, почему оно, по-видимому, и не попало ни в один словарь.

По данным «Словаря современного русского языка», форма *жилетка* впервые упоминается в словаре В. И. Даля. В действительности же она встречается уже в словаре Филиппа Рейфа¹⁷, который, впрочем, рассматривает его как уменьшительное от слова *жилет*.

Следует отметить, что в русских народных говорах наибольшим преобразованием подвергалась именно форма с суффиксом -к(а): *жалётка*, *желётка*, *жулётка*¹⁸, а со словом *жилет* таких изменений не произошло, что объясняется его принадлежностью литературному языку, где нормированность речи препятствовала искажению первоначального облика слова и сближению его с другими словами.

Являясь одним из важнейших источников обогащения словарного состава языков народов СССР, русский язык передал слово *жилет* во многие из них, в том числе и в те, через которые чувашское слово *selēk* шло в русский язык.

¹⁵ Л. Киш. О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов. Международный симпозиум «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии» (24—31 января 1967 г.). Программа. Тезисы докладов. М., 1966, стр. 33.

¹⁶ См.: Р. Л. Рогожникова. Варианты слов в русском языке. М., 1966, стр. 94—97.

¹⁷ Филипп Рейф. Указ. словарь, стр. 306.

¹⁸ См.: Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, т. II, вып. 2. СПб., 1898, стр. 514.

От русских слово жилет усвоили, например, ногайцы (^vzilet), казахи (^vzeletke из суффиксальной русской разговорной формы), сам чувашский (^vzilet, ^vziletka). Это — случай так называемого обратного заимствования, когда ушедшее из языка слово возвращается видоизмененным и формально и семантически, ничем не напоминая первоисточник, родство с которым обычно утрачивается.

В «Толковом словаре русского языка» (под редакцией Д. Н. Ушакова) приводится другое (хотя и совпадающее по написанию и звучанию с нашим) слово жилет в двух значениях: «безопасная бритва особого устройства» и «вставное лезвие для такой бритвы», получившие это название по имени изобретателя бритвы — американца Gillette. Употреблявшееся в 20—30-х годах нашего века как наименование безопасной бритвы слово жилет в настоящее время окончательно вышло из обихода.

Совершенно неожиданно родственником «бродячей» жилетки оказалось вышедшее из употребления русское слово шлык, означавшее «плохая шапка, плохой колпак», а также особый женский головной убор типа повойника. (Ср. у Некрасова: «Гляди, куда деваются крестьянские шлыки»). Это слово в русский язык вошло непосредственно из чувашского¹⁹.

¹⁹ См.: И. Г. Добродомов. Этимологическая страничка. Шлык. Жилет. — «Русский язык в школе», 1968, № 3.

ОНОМАСТИКА, ТОПОНИМИКА, ЭТНОНИМИКА

В. М. НАСИЛОВ

ОНОМАСТИКА ОХОТНИЧЬЕГО БЫТА ТУВИНЦЕВ, УЙГУРОВ И КАЗАХОВ

С древнейших времен охота была источником существования жителей Тувы, а также одним из основных занятий уйгуров, казахов и других тюркских народов. Природа, изобилующая различными животными, птицами и рыбой, давала этим народам пищу и сырье для их промыслов.

Ономастика, связанная с бытом и охотой этих народов, представляет большой интерес для изучения их языка, так как чрезвычайно богата лексическим и фразеологическим материалом. Несмотря на достигнутые этими народами успехи в развитии культуры и изменении условий жизни, в их сознании, мировоззрении и лексике сохранилось немало пережитков прошлого. По представлениям охотников, все объекты охоты являются даром «хозяев природы».

По-тувински: *ogan-k'ezii* — «благо природы, благо вселенной», *taŋdy k'ezii* — «дар тайги». В понятии *taŋdy* содержится мифологический элемент, отражающий обожествление тайги древним охотником; *teŋgi* — «священная тайга», в отличие от *tajya* — «тайги», «леса».

Охотники поклоняются небу и земле (древн. *uduŋ jir*), их дарам — своей добыче. Существа земли и воды — *seg-suŋ cuvezi* — священны. Перед уходом на охоту совершается ритуал жертвоприношения небу и земле: *süt cazar* или *cazyg cazar* (*cazyg* — «кропило»); он опускает *cazyg* (или *tos kaqak* «девять глаз», т. е. с девятью отверстиями) в молоко и разбрызгивает его и таким образом как бы делится своей пищей с природой.

Во время охоты совершается второй ритуал: чтобы охота была удачной, на привале разжигают костер и бросают в него кусочки мяса или других продуктов: *otka kaag* (*ot* «огонь», *kaag* «класть», «положить»). Когда охотник отправляется на охоту в далекие места, он совершает ритуал очищения; моется водой с можжевельником, окуривается дымом можжевельника, который сжигается перед юртой на камнях. Собираясь на охоту или во время охоты строго придерживаются установленных ритуалом правил, нельзя употреблять бранные слова и непочтительно высказываться о животных, на которых охотятся. Нельзя хвалиться

ружьем и добычей (*olca*) от охоты. На привале костер (*odag*) и шалаш (*cadyr*) необходимо содержать в чистоте, сжигая все остатки на костре. Если употребляют в пищу убитых животных, их копыта и кости связывают и вешают на дерево. Перед убиением зверя произносятся заклинания. Например: *tok dees donga bazynya degzin, palt dees baarynya degzin* — «Пусть попадет в голову, издав звук «ток», пусть попадет в печень, издав звук «палт».

Усыпляют бдительность зверя следующим заклинанием:

kulaan kujlar ber, kagaan xastar ber — «Уши его заткни, глаза его закрой».

Многие заклинания держатся в большой тайне и передаются от старших к младшим.

У уйгуров имеется ряд примет: Оуа ^vzabdunur manḡanda, ociniḡ ^valdigin tujuksiz ajal kasi ^vciкур kalsa, ocī «jolum bolmajdu» dep kōḡlige alydu — «Когда охотник, снарядившись, отправляется на охоту, и внезапно встречает женщину, он решает про себя: «пути мне не будет». Поэтому жена (или другая женщина) старается не попадаться навстречу выходящему на охоту. Встретив женщину с пустым ведром, охотник немедленно возвращается: на охоту идти нельзя. И наоборот, встретив женщину с полным ведром, охотник говорит: jolum boludok'ān и, полный надежд на удачу, отправляется на охоту. Если охотник идет на охоту, а его собака катается по земле, это значит, что путь будет добрым. Если охотнику перед охотой приснится жирное мясо, — это хорошее предзнаменование: охота будет удачной. Если перед охотой сам охотник или кто-либо из членов его семьи прикусит язык, охота будет удачной. Охотник никогда не стреляет в собаку, ибо его ружье будет непригодно для охоты на кейника. Если охотник, выходящий на промыслового зверя, подстрелит мелкую живность и увидит ее кровь, — значит, охота будет удачной. Человек, встреченный им на охоте, произносит: joluklar bolsun, т. е. «да будет удача». Охотник восклицает в ответ: ejitkinin k'elsun «да придет сказанное тобою». Когда едут на охоту с беркутом, собак с собою не берут и заставляют членов семьи крепче их привязывать.

Множество подобных примет имеется и у казахов. Например: если лошадь под охотником в начале пути испражняется, то охота будет удачной. Если лошадь бьет копытами землю, то охота будет трудной, утомительной. Даже незаряженное ружье никогда на человека не обращается. Эта осторожность основана на поверье, что «ружье раз в год стреляет само по себе».

Охотничьи поверья и приметы нашли отражение во многих охотничьих пословицах и поговорках. Приведем некоторые из них.

1. On odun bolsa, tokkusini kariya at birini k'ajik'k'ā — «Если имеется десять пуль (стрел), девять из них стреляй в ворон, а одну в кейника».

2. Wojnini baylyḡan ist oya jarimartu — «Собака с перевязанной шеей для охоты не годится».

3. Ajrilyanni jejik jer, bōlungenni bōri (jer) — «То, что отделяется, съедает медведь, то, что является частью, съедает волк».

4. Bōduniniḡ oji jok, nege barsa — «vitvaldak» — «У перепела нет дома, куда ни пойдет (везде) «витвалдак»».

5. Ata k'ōrgen ok jonujdu, ana k'ōrgen ton picidu. — «Кто равняется на отца, стрелу строгаёт, кто равняется на мать, шубу кроит».

6. Kizim jer, kirya cikti, oylum jer oya (cikti) — «Моя дочка поела — в степь пошла, мой сынок поел — на охоту вышел».

7. Ezeli putken karya bōrk'ūt bilen ojnar — «Ворона, смертный час которой миновал (кончился), с беркутом зангрывает».

8. Kuskac bolsimu — gōs — «И воробей — мясо».

9. Myltyyunnny k'ümisin ajtra tiisin ajt — «Не хвались серебром своего ружья, хвались его меткостью».

10. Batyrdan saуа, mergenpeñ sygalky — «От богатыря. — трофей, от охотника — побасенки».

11. Bürk'it kartajsa, tyskansy bolady — «Если беркут состарится, он станет мышатником».

12. Zamanуа karaj zaңу, toғajуа karaj aңу — «Каково время — таковы и его законы, какова тайга, таковы и ее звери».

13. Böginin ауу zese de kan, zemese de kan — «Волчья пасть кровава и когда ест, и даже когда не ест».

В лингвистическом отношении глагольный термин «охотиться» в тюркских языках имеет два основных варианта: корневая часть восходит к понятию аң «зверь» или к понятию ав—ау—о «охота»; см. аңпууг у тувинцев, аңда у казахов, ola у уйгуров (avla- — турецкое). Термин «охотник» — аңсу в тув.; аңту в казах.; аңсу в кирг.; осі в уйг.; ausy в башк.

У тувинцев термин аңла (аңпууг) не имеет обобщенного значения и дифференцируется в зависимости от конкретного объекта охоты. Аң — «крупный зверь» (марал, джейран, косуля), а аңла означает охоту только на крупного зверя. Для обозначения охоты на птиц употребляется глагол kusta (на гуся—kasta, на пищух — kuzugenne), «охотиться на горноста́я» — asta, «охотиться на лисиц» — dilgile.

В тувинском языке понятие глагола передается причастной формой: сууппа (ар) «охотиться на маралов», elikte (ег) «охотиться на косулей», bögüle (ег) «охотиться на волков», kodanna (ар), kojgunna (ар) «охотиться на зайцев», tarbaganna (ар) «охотиться на тарбаганов», balykta (ар) «ловить рыбу, рыбачить».

Ряд глаголов происходит от названия орудий или приемов охоты. Единственный глагол с общетюркским корнем, выражающий общее значение «стрелять из ружья (или лука)» — это ad (ар) ~ at. Другие глаголы произошли от названий конкретного оружия: boola (ар) «стрелять из ружья», ajala (ар) «убить зверя самострелом», sergijle (ег) «убить зверька самострелом», duzakta (ар) «ловить силком», какpala (ар) «ставить капкан на зверя или зверька», аула (ар) «устраивать облаву (на волка)», segirt (tir) «устраивать облаву на марала, косулю», dajala (ар), dajalad (уг) «убить медведя».

Глаголы, относящиеся к рыболовству: holda (ар) «ловить рыбу руками», karmakta (ар), suurtysta (ар) «ловить рыбу на крючок», tyrtpala (ар) «ловить рыбу багром», sereele (ег) «ловить рыбу острогой», cetk'ile (ег) «ловить рыбу сетью», суруткыла (ар), oduganna (ар) «ловить рыбу ночью с помощью освещения».

Имеются специальные выражения для обозначения приемов облавы, например: segit bazуpa olurlar «занимать место для стрельбы во время облавы», ек'і аңсылар segit bazуpa olurlar «лучшие охотники занимают место для стрельбы». Облава является древнейшим способом охоты, преимущественно на медведя. Izeen aalda (ар) «гостить в берлоге», adug' aaldaar «гостить у медведя».

На медведя обычно охотятся осенью или зимой, во время зимней спячки зверя. Его пробуждают длинным шестом. Когда разъяренный зверь выбегает из берлоги, его убивают.

Сохранился способ охоты на зверя посредством *ysta* (ar) — выкуривания его дымом (*ys* — «дым»). Этот способ применяется при охоте на тарбаганов (вид сусликов). Выбирается нора (*uŋig*). Все выходы из норы закрываются, а перед единственным оставшимся открытым отверстием разжигают огонь. Чтобы было больше дыма, жгут коровий или конский помет. Когда дым попадает в нору, тарбаган теряет способность двигаться. Нору раскапывают (*kazar*) и берут полуживых тарбаганов.

Из наименований других охотничьих приемов назовем следующие: *deste* (er) «загородить засеку» (*des* — «засака»). На маралов и косуль охотятся при помощи самострелов, огораживают места их скопления и у единственного специально оставленного открытым прохода убивают их. *Sogucy taapa* (ar) = *hajug taapa* (ar) «поджидать на солончаке» (*sogug*, *hajug* — «солончак»). В тех местах, куда копытные приходят полакомиться солью, охотники устраивают засады и убивают их.

Охота на птиц у тувинцев не имела промыслового значения, их ловили только при помощи силка (*duzak*). Этим же способом ловили и рыбу [*duzakt* (ar)]. Силок обычно изготовлялся из конских волос.

У казахов, уйгуров и киргизов сохранилась охота с беркутом. *Barkup* «десятилетний беркут» считается лучшим* (*kol bala kus* — «ручная птица»). На охоте с беркутом соблюдаются правила: 1) не разговаривать громко, объясняться, жестикулируя руками или показывая шапкой; 2) окликать беркута имеет право только его владелец; 3) подача знаков производится с какой-либо горы или возвышенности; 4) при встрече с посторонним человеком необходимо сказать: *Vajlansyn ak* «Да будет награжден». А если это прежде скажет встречный, следует ответить:

Majly suzyk ajlansyn-ak «Пусть удовольствуется жирной колбасой»; 5) добыча доставляется охотнику, старшему по возрасту. Существует поговорка: *Saulyk kojduŋ zasy, ūlk'en isek kojduŋ basy ūlk'en* — «У дойной овцы возраст большой, у двухгодовалого барана голова большая».

Название объектов охоты — крупных животных, зверей, птиц и пр.

Тувинские	Казахские	Башкирские	Уйгурские	Русский перевод
<i>syyn, uluyan, mujyak</i> (самка) <i>sagaadak</i> (детеныш)	<i>maral</i>	—	<i>maral, buya,</i> <i>coŋ k'ejik'</i>	«марал»
<i>elik'</i>	<i>jelik'</i>	<i>koralaj,</i> <i>kyg k'ebehe</i>	—	«косуля»
<i>arŋar, koskar</i>	<i>arkar</i>	—	<i>arkar</i>	«архар»
<i>buur</i> (<i>bulan</i>), <i>tos</i>	<i>bulan</i>	<i>mysy</i>	<i>los</i>	«лось»

*. Эпитеты беркута: *akiyk* — «лучший (ловчий) беркут», *kusegen* — «худший», *kyran žbōrkūt* — «зоркий отважный беркут».

Продолжение таблицы

Тувинские	Казахские	Башкирские	Уйгурские	Русский перевод
^v te сиҕта	tau tek'e	—	tay tek'e	«горный козел»
^v ceeren, оопа (самец)	k'ijik'	—	^v zeren, k'ejik'	«джейран»
хаван, азуулуу (клыкастый)	bök'en, kuralaj (детеныш)	—	ahu, bök'en	«антилопа»
ady, кажуракан (божество) irej (старик) ^v кага сүве (черная вещь)	aju	ajyu	ejik	«медведь»
bögü, kokaj (страшило), k'ök' sive (серая вещь), kokaj atak (страшный старик), börzek (детеныш)	kaskyr, böri	büre	böre, ^v kaskyr	«волк»
dilgi, elbeengi (чернобурая)	tülk'i	tilk'i	tülk'e	«лисица»
aldy, üs dyrbakтуу (когтистая), хоj üs (малая рысь)	sileusin	heleuhen	silevsin	«рысь»
^v cekpe	—	—	—	«росомаха»
morzuk, barzuk	borsyk	—	borsuk	«барсук»
kodan (kojgun), ak kodan, bora kodan	kojan	kujan	^v toskan, ^v bozen (детеныш)	«заяц»
irbit	bars	kaplan	ilpiz	«барс»
авуруҕан	tijin	tejen	tijin	«белка»
as, ^v coldak as (короткий), dokran as (корноухий)	as	aб	aymihan	«горностай»
^v k'is, aldy, ^v ^v сарас аҕ (красивый зверь)	^v k'es	^v k'es	sobol	«соболь»

Продолжение таблицы

Тувинские	Казахские	Башкирские	Уйгурские	Русский перевод
k'ūzen	—	—	—	«колонок»
ōrge	sarysunak ^v	jomran	—	«суслик»
kyrza	sasyk k'ūzen	k'ōbōn	sesikci ^v	«хорек»
kundus	kama	kama	kama	«выдра»
—	—	kondož	kunduz	«бобер»
tarbaγan	suγr	bajbak hyuyr	—	«сурок»
xōōrük'	—	elgenjek'	burunduk	«бурундук»
toγduk	duadak	tuγabak	ular	«дрофа»
kurtu	kur	kor	doγdak	«тетерев»
torlaa, coduu, kara bōsk'ek' (самец) saryγ bōsk'ek' (самка) aγanak (белая куропатка)	k'eklik	aγuna	keklik	«куропатка»
kas	kaz	kaz	γaz	«гусь»
ōdūrek'	ujrek'	ōjrek'	ōrdek'	«утка»
bos	—	—	—	«селезень»
duruja	tyrna	torna	turna	«журавль»
k'ūsk'ul ^v	cil ^v	sel	cil ^v	«рябчик»
—	kyrγauyl	kyrγauyl	kyrγavul	«фазан»
—	bōdene	būdene	vitvalak	«перепел»
—	būr'it	bōrk'ōt	bōrk'ūt	«беркут»

Окончание таблицы

Тувинские	Казахские	Башкирские	Уйгурские	Русский перевод
—	^v karsyqa	к..rsyqa	^v kaciyu, kurγuj	«ястреб»
—	k'ez kujryk	töbögen	sar	«коршун»
—	^v lasyn	^v sonkar, etelge (самка)	—	«кречет»
—	suŋkar	ylasyn	^v lasyn	«сокол»
—	bezgelek'	biðgelek'	—	«стрепет»

Хищные птицы используются как ловчие при охоте на птиц.

Среди орудий охоты, наряду с новейшими, сохранились и очень древние. Для охоты на мелких зверей у тувинцев применяется ^vsergij — самострел (казах. ^vsiti, башк. harlyuk), представляющий собой лук, прикрепленный к деревянному ложу с отверстием в нижней части. Отверстие имеет размер норы. Когда тетива натягивается, вместе с нею поднимается и стрела. Отверстие в ложе устанавливается против норы. К средней части стрелы прикрепляется нитка (seen), проходящая через отверстие. Зверек, выходя из норы, задевает нитку. Натянутая тетива соскакивает с петли и увлекает стрелу, которая с силой бьет зверька, часто даже пронзая его. Детали самострела: ^vsergij, са «лук», k'iris «тетива», ^vsogun (ok) «стрела», ип «древко стрелы», ^vmolduruk «свистунка» (букв. «шейный позвонок»), ^vsyjda «наконечник стрелы».

Некоторые термины огнестрельного оружия

У тувинцев боо — «ружье», ^vsaguug, ^vsaktuug боо — «кремневое ружье», ^vbystannug боо — «пистонное ружье», ^vdüürge — «дробовик», ^vkos-düürge — «двустволка», ^vlanсуу — «винтовка», аη-боозу — «карабин», ^vus-adar — «охотничий карабин» (в других тюркских языках: uc-atar), ^vbes-adar — «боевой карабин» (ср. уйг. bes-atar), ^vsugur-oktug — «мелкокалиберное ружье», ип — «ствол», аас — «дуло», ^vsaadak — «ягдташ».

В терминологии других тюркских языков эти понятия передаются описательно: ^vmilytkyn аүзи «дуло», ^volsa selinidiyan халта «ягдташ».

Тувинские термины, обозначающие рыболовную снасть, не всегда имеют соответствия в других тюркских языках. Например: тув. ^vsegee, башк. haldau, уйг. ^vransaxa — «острога»; тув. bara, ^vsugen, башк. jar tur-zahy — «верша», в уйгурском отсутствует; тув. ^vtyrtka, башк. bagog, уйг.

uzun destelik' ^v санҗак — «багор»; тув. suyrtkys' ^v карама, башк. кармак, уйг. ilmek' — «крючок, удочка». У тувинцев русское слово «сеть (сетка)» трансформировалось в setk'i, тогда как свое собственное слово отсутствует, у башкиров — аи, selfere, у казахов, киргизов, уйгуров тог — «сеть», «основа ткани».

В ономастике объектов и орудий охоты терминология тувинцев занимает особое место. Она сохранила очень много слов, отсутствующих в терминологии других тюркоязычных народов. Многовековое экономическое и культурное общение большинства тюркских народов способствовало некоторой идентичности их ономастики. Широкое соприкосновение с русской языковой культурой и совершенствование охотничьих орудий привело к усвоению этими народами многих терминов русского языка.

В настоящее время охота приобрела плановый характер. Ведется борьба с хищническим истреблением животных, браконьерством, создано большое количество заповедников для сохранения редких животных, а также специальные питомники для их разведения. Исчезают примитивные орудия, а с ними и суеверия, тотемы и табу охоты. Развитие национальных культур и языков народов Советского Союза способствует созданию терминологии в национальных языках. Обогащая, совершенствуя лексические средства, терминология в то же время сохраняет их этимологическую сущность, отражением которой является ономастический пласт языка.

Ономастика имеет огромное научное значение для исторической и компаративной лингвистики.

Г. П. СУПРУНЕНКО

ИЗ ДРЕВНЕКЫРГЫЗСКОЙ ОНОМАСТИКИ

В исторических трудах IX в., переведенных русскими и советскими синологами, встречаются собственные имена и титулы кыргызов, но иероглифическая запись затрудняет выяснение их подлинного звучания. Известны следующие собственные имена старейшин, военачальников, посланников енисейских кыргызов: Чжу-у-хэ-су, Та-бу-хэ-цзу, Вэнь-у-хэ, Ду-люй-ши-хэ, Ди-дэ-и-сы-нань-чжу, Сы-ли-фа-ши-бо-цзюй-а-чжань, И-си-бо-шэ-ю-чжэ-би-ши-се-цзинь, Цзюй-ли-пинь-хэ-чжун-се-цзинь, А-бо, А-жэ, Гэ-си-хэ-хай-и.

Попробуем выяснить исходное фонетическое звучание этих имен.

1. Чжу-у-хэ-су.

По Б. Карлгрену, древнее чтение VII в. восстанавливается в форме *tsiu-nguo-yâp-suo*¹. В переведенной Н. Я. Бичуриным «Новой истории династии Тан» дается следующее толкование имени Чжу-у-хэ-су: «Чжу-ву есть прозвание, Хэ — значит отважный, со — левый, т. е. искусный стрелок с левой руки»². Цэнь Чжун-мянь пишет, что компонент «хэ» часто встречается в почетных титулах уйгурских ханов и в оригинале значит «алп» — «богатырь, силач, великан, герой»³. Последний слог «су (со)» передает тюркское «сол» — левый.

Первый слог имени Чжу-у мог звучать «чү» или «чо», второй — «гу» (может быть «ну»), в целом исходная форма представляла собой «Чугу (или Чогу) Алп Сол».

2. Вэнь-у-хэ [VII в. *чэп-нгуо-үәр*]. Кыргызский посланник (843 г.)⁴. Китайское «вэнь» обозначает «ур» или «ул». Возможно, что «вэнь» написано по ошибке вместо «ва» (-ур, ул), которое часто встречается в транскрипциях иностранных слов. Слог «у» обозначает «гу» или «ну». Таким образом, получается «ургу», в целом — «Ургу Алп». Форма «ургу» напоминает печенежское имя «Уркун»⁵.

¹ В. Karlgren. *Grammata Serica. Script and Phonetics in Chinese and Sino-Japanese*, Stockholm, 1940. Автор выражает глубокую признательность С. Е. Яхонтову за ценные советы и замечания.

² Н. Я. Бичурин. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I. М.—Л., 1960, стр. 356.

³ Цэнь Чжун-мянь. *Тунцзянь Суй-Тан цзи биши чжин*. Пекин, 1964, стр. 289.

⁴ Ли Дэ-юй. *Ли Вэй-гун Хойчан ипинь цзи*. (Собрание сочинений Ли Вэйгуна периода правления Хойчан, 841—846 гг.), т. I, изд. 6. Шанхай, 1936, стр. 38—40.

⁵ G. Györfy. *Monuments du lexique Petchénégue*. — «Acta Orientalia», 1965, t. XVIII, fasc. 1—2, стр. 80.

3. Та-бу-хэ-цзу [VII в. t'ar-puo-γ̆ap-tsuo]. Кыргызский посланник (842 г.)⁶. Та-бу отражает исходную форму «Тапу». В статье Дьёрффи о печенежских именах есть имя Таба, которое автор производит от др.-тюрк. «тапаг», «тапыг», «тапуг»⁷. Последние компоненты «хэ-цзу», так же как и в имени Чжу-у-хэ-су, обозначают «алп сол», в целом имя читается «Тапу Алп Сол».

4. Ду-люй-ши-хэ [VII в. tuo-liwo-sié-γ̆ap]. Кыргызский посланник (841 г.)⁸. Имя посланника восстанавливается как Тулуш Алп. В енисейских памятниках встречается личное собственное имя Төлеш, которое сохранилось в тувинском языке в форме Түлүш⁹.

5. Ди-дэ-и-сы-нань-чжу [VII в. tiei-tək--i-sie-nān-tsiu]. Посланник енисейских кыргызов (844 г.)¹⁰. В составе имени имеется титул «ди-дэ», тибетская транскрипция этих иероглифов — «de-tig»¹¹. Это китайский титул «ду-ду», от которого произошло тюркское слово «тутук». Вторая часть имени читается «ыснанчу». Гамильтон упоминает два имени уйгурских посланников X в. — Мэй-юй-нань-чжи и Инь-нань-ди-люе, которые он восстанавливает как Bay Inanc и Inanc Tigäk¹². Что касается формы «юй-нань-чжи», то «юй» имеет тибетскую транскрипцию «уи» или «уи»¹³; следовательно, исходная форма звучит как «йынанчы» или «йунанчы». Полностью имя читается как «Тутук Йынанчы».

6. Сы-ли-фа-ши-бо-цюй-а-чжань [VII в. g'jie-lji-pi^w t-siēt-puāt-k'iuət-â-dz'an]. Старейшина енисейских кыргызов (648 г.). Из компонентов имени можно выделить титул «сы-ли-фа», который в литературе имеет различные толкования¹⁴, и титул «ши-бо» (=шыP—паP=ышпар с метатезой «ш» и «ы»).

В следующем личном собственном имени (7) этот титул передается иначе: «и-си-бо» (ыспар). Конец сложного образования — «цюй-а-чжань» — включает известное в древнетюркской ономастике имя «цюй» (=күл) — Күл, найти соответствие «а-чжань» мы затрудняемся.

7. И-си-бо-шэ-ю-чжэ-би-ши-се-цинь [VII в. -i-siēt-puāt-sia-jjau:-tsia:-piēt-sie-yiet-kiēn]. Кыргызский военачальник (722 г.)¹⁵. В составе имени выделяется титул «и-си-бо» (ыспар), «шэ-ю-чжэ» (?), «би-ши» (=би(л), би(р) — ш) и титул «се-цинь», который обычно реконструируется как «эркин».

⁶ Ли Дэ-юй. Указ. соч., т. I, цз. 6, стр. 37—38; цз. 8, стр. 63.

⁷ G. Győrffy. Указ. статья, стр. 79.

⁸ Сыма Гуан. Цзы чжи тунцзянь, т. 9. Пекин, 1956, стр. 7968.

⁹ И. А. Батманов, Э. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 91—93.

¹⁰ Ли Дэ-юй. Указ. соч., т. I, цз. 6, стр. 40—42.

¹¹ B. Csongor. Some Chinese Texts in Tibetan Script from Tun-Huang. — «Acta Orientalia», 1960, t. X, fasc. 2, № 187, стр. 125, № 729, стр. 136.

¹² J. R. Hamilton. Les Ouïghours à l'époque des Cing dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955, стр. 152.

¹³ B. Csongor. Указ. статья, стр. 134, № 608.

¹⁴ P. Pelliot. Neuf notes sur questions d'Asie Centrale, «T'oung Pao», 1929, vol. 26, стр. 225; J. R. Hamilton. Указ. раб., стр. 97.

¹⁵ «Цэфу юаньгуй», т. 12, цз. 975. Пекин, 1960, стр. 11448.

8. Цзюй-ли-пинь-хэ-чжун-се-цинь [VII в. *kiu-liæk-b'ïen-γâ-tiung-γiet-kiæn*]. Кыргызский военачальник (723 г.)¹⁶. Первый компонент «цзюй-ли» (-ku—lig), возможно, соответствует др.-тюрк. күлүг, далее «пинь-хэ» (-bin-γa), следующий иероглиф «чжун» («верный», «преданный») — не транскрипция, а китайское слово, вставленное в тюркское имя, и в конце титул «се-цинь» — «эркин».

9. А-бо [VII в. *·â-риâ*]. Имя кыргызского военачальника (848 г.)¹⁷ является распространенным личным собственным именем Апа (Отец)¹⁸.

10. А-жэ [VII в. *·â-pziät*]. Так именуется в летописях (VII в.) кыргызский хан¹⁹. В то время титул звучал примерно как «аньат» («аньар», «аньал») или «айат» («айар», «айал»). «Аньал» очень близко к др.-тюрк. «Инал». Рашид-ад-дин, описывая племя киргизов, говорит: «Титул (каждого) их государя, хотя бы он имел другое имя, — инал...»²⁰

11. Гэ-си-хэ-хай-и [VII в. *kât-siet-γuâ-γâi:ngjie*], имя кыргызского тархана (842 г.)²¹. Для первых двух слогов мы затрудняемся найти соответствие, последний иероглиф «и» («справедливый») — китайское слово, в транскрипциях не употребляется. «Хэ» обычно обозначает слог «ва», тибетская транскрипция «hwa»²². «Хэ-хай» (-hwa—xai) звучит не по-тюркски — «Вагай» («Вахай», «Ваай»), возможно у кыргыза было нетюркское имя.

¹⁶ «Цзэфу юаньгуй», т. 12, цз. 975. Пекин, 1960, стр. 11448.

¹⁷ Сыма Гуан. Указ. соч., т. 9, цз. 248, стр. 8032.

¹⁸ И. А. Батманов и др. Указ. раб., стр. 90—91.

¹⁹ Сыма Гуан. Указ. соч., т. 9, цз. 246, стр. 7946.

²⁰ Рашид-ад-дин. Сб. летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 150.

²¹ Ли Дэ-юй. Указ. соч., т. I, цз. 8, стр. 63.

²² В. Csongor. Указ. статья, стр. 122, № 40.

А. ГУСЕЙНЗАДЕ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОПОНИМА БАКУ

Вопрос о происхождении названия города Баку до сих пор еще не решен. Этот топоним упоминается в арабских и персидских источниках с первой половины X в. в формах: *Baku*, *Bakuh*, *Bakuje*, а также *Badkube* [4, 36—39].

Форма *Badkube* возникла примерно в начале XVIII в. [15, 27] в персоязычной среде и состоит из двух персидских слов: *bad* «ветер» и *kube* от глагола *kubiden* «колотить». Возникновение этой формы, по-видимому, объясняется характерными для города частыми и сильными северными ветрами. В литературе XIX в. встречается азербайджанский перевод этого термина — *Jeldögän* [1].

Имеются еще три варианта этого топонима — *Bäki*, *Baki* и *Baku*. Последний из них, принятый в качестве официального названия города, заменил распространенную ранее в азербайджанском литературном языке форму *Baku*.

Относительно происхождения рассматриваемого топонима выдвигалось немало гипотез. Востоковед М. Ж. Сэн-Мартэн (1818), например, отождествлял название *Баку* с упоминаемым армянскими авторами VII в. топонимом — *Bagavan* (*Baguan*, *Bagan*) «место бога, святилище», связывая его происхождение с существованием на территории Апшерона «вечных огней», т. е. с культом огнепоклонничества [4, 42]. Той же гипотезы придерживались К. П. Патканов [4, 42] и Ахмед Кесреви [18, 283—285]. Кавказовед Л. Лопатинский дал другую трактовку этому вопросу. По его мнению, название города происходит от лакского слова *ba*ku «холм», так как древняя часть города расположена на холме [8, 21]. В 20-х годах Флиндерс Петри высказал предположение о соответствии исследуемого топонима орониму *Bakhan* «гора восходящего солнца», который упоминается в памятнике древнеегипетской мифологии — «Книге мертвых» [23, 37]. А в турецком издании «Энциклопедии Ислама» слово *Баку* толкуется как производное от турецких слов *bek*+*köy*, что дословно означает «бек-село» или, по смыслу, «главное село» [16].

В азербайджанской историографии последних лет появилась новая гипотеза, по которой этимология этого географического названия связывается с упоминавшимся выше словом *bagan* из армянских источников. Однако автор этой гипотезы — С. Б. Ашурбейли — в отличие от своих предшественников считает, что слово *bagan* — не топоним, а форма множественного числа названия племени *bag* и что название *Баку* является производным от этого этнонима [3, 255; 4, 43—46].

Прежде чем приступить к критической оценке упомянутых точек зрения на происхождение топонима *Баку*, отметим сразу же, что они не кажутся нам достаточно обоснованными, хотя бы потому, что в их основе лежит неверная методика. Ведь внешнее сходство и этимологическое созвучие сами по себе, без учета конкретных причин, способствовавших появлению того или иного географического названия, еще ни о чем не говорят. Поскольку же эти причины «всегда и только исторические» [25, 27], ясно, что, не учитывая «всей совокупности исторических, археологических и иных данных, относящихся к племенному (языковому) составу древнего населения рассматриваемой территории» [26, 4], невозможно с достаточной достоверностью установить историческую истину многовековой давности.

Предположения М. Ж. Сэн-Мартэна, К. П. Патканова, Ахмеда Кесреви и других, связывающих топоним *Баку* со словом *Bagavan* (*Baguan*, *Bagan*), представляются нам неубедительными. Во-первых, «вечные огни» существовали не только на территории Апшеронского полуострова. Как отмечает Мухаммед ибн Наджиб Бакран (XIII в.), кроме Баку и Ширвана, «вечные огни» имелись также в Хузистане (Южный Иран), Руме (Малая Азия), Индии и многих других районах земного шара [24, 45]. Между тем исследуемый топоним возник только на Апшероне. Во-вторых, нефтяные источники и «вечные огни» Апшерона находились за городской чертой, причем каждый из них обычно имел свое собственное название. И, наконец, как справедливо отметил В. В. Бартольд, предполагаемая важность для персидского огнепоклонничества нефтяных источников Апшерона с его «вечными огнями» исторически не мотивирована [5, 350; 6, 23], ибо «поклонение огню было занесено сюда лишь в XVIII в. персами и индийскими парсами» [6, 23].

Вряд ли можно считать правомерным предположение Флиндерса Петри о связи рассматриваемого топонима с оронимом *Bakhaa* из «Книги мертвых», равно как и предлагаемую «Энциклопедией Ислама» трактовку, основанную на лексике современного турецкого языка, поскольку первое не аргументировано исторически, а вторая противоречит принципам историзма.

Не убедительна, на наш взгляд, и мысль С. Б. Ашурбейли об этническом происхождении интересующего нас топонима, хотя бы потому, что, с одной стороны, реальность существования племени *bag* не подтверждается историко-этнографическими данными, а с другой — закономерность перехода слова *bag* в *Ваку* или *Ваку* не мотивируется лингвистически.

Определенная логика имеется, несомненно, в гипотезе Л. Лопатинского, так как древняя часть города Баку и в самом деле расположена на холме. Но в целом не убеждает и она, ибо пребывание племени *лаков* в зоне Апшерона того времени никакими источниками не подтверждается [4, 42].

Во избежание ложной ориентации в определении этнической (языковой) принадлежности рассматриваемого топонима необходимо точно установить время его появления и определить конкретный этнический состав племенных союзов, активно участвовавших в общественно-политической и культурной жизни Арана и Ширвана соответствующего периода.

Мы уже отмечали, что топоним *Баку* в письменных источниках упоминается с середины X в. Что же касается археологических данных, то и они указывают, что этот населенный пункт возник не ранее VIII в. [20, 88]. В этот период распространение тюркоязычных племен в Азербайджане было значительным. Вторжение тюрков в составе разных пле-

менных объединений — гуннов [10], сабиров [27, 60; 9, 242] и других в данную зону началось уже с начала нашей эры [30, 2]. Но наиболее компактные массы их появляются здесь в V—VII [11; 17, 169] и XI—XII вв. [17, 172]. Если принять во внимание к тому же, что процесс тюркизации Азербайджана начался еще в недрах Сасанидского государства [7, 182], то можно получить довольно ясное представление о степени распространения, а также влиянии этих племен и их языка на Апшероне.

Эти исторические факты дают все основания для поисков происхождения исследуемого топонима на почве древнетюркской лексики.

В этой связи исключительный интерес представляет *Divanü lûgat-it-türk* («Словарь тюркских языков») Махмуда Кашгари, датируемый 1072—1074 гг. [14, XXVIII], в котором слово *Bäku* упоминается трижды и во всех случаях переводится как «бугор, холм» [13, 63; 21, 61]. От исследуемого топонима слово это отличается лишь тем, что фонема заднего ряда *a* в нем заменялась гласным переднего ряда *ä*.

Для наглядности приведем следующее четверостишие из Дивана Махмуда Кашгари:

كجا توروب يرد آردم
قرا فزل يزي كردم
قنخ يانی قرا كردم
قبا كوروب بقو آغدی

^v
K'iza turub jürir ärdim
Kära kyzyl böri k'ördüm.
Kätyy jany kura kördüm
Käja k'örüb bäku äydi.

В переводе это означает:

«Ночью встав (я) шел,
Черного, золотистого волка видел.
(Свой) крепкий лук (я) наладил,
Увидев (меня волк) на бугор поднялся» [19, 165; 12, 219; 22, 238].

По-видимому, слово *bäku* в смысле «бугор, холм» имело весьма широкое распространение как в разговорной, так и в поэтической речи, иначе оно вряд ли было бы зафиксировано в фольклорном материале.

Махмуд Кашгари знакомит нас и с архаичной формой этого слова. Благодаря ему мы узнаем, что подобно древнетюркским словам типа *jäku* (<*ja*ку «дождь»), *soku* (<*sokku* «ступа») интересующее нас *bäku* в своем древнейшем варианте также имело форму, присущую диалектам языков тюркской системы [28, 124], а именно — удвоение коренного согласного, и произносилось как *bäku* [19, 172; 12, 266—7; 22, 246].

Если к уже известным нам вариантам (*Baku*, *Bakuh*, *Bakujä*, *Badku-bä*, *Ваку*, *Вакі*, *Вäкі*) добавить и две последние разновидности *Bäku*, *Bäku* из Словаря Махмуда Кашгари, то фонетическая неустойчивость этого слова станет очевидной. Поскольку наблюдаемая и в данном случае изменчивость является неизбежным результатом развития исторической реальности [29, 23] и соответствует специфике тюркских языков [28, 38—44], мы вправе, как нам кажется, видеть в тюркском слове *bäku* из Словаря Махмуда Кашгари прототип современного топонима *Баку*.

ЛИТЕРАТУРА

1. علی بادکوبی، تجریداللفات، تهران، ۱۴۱۵ هجری قمری.
2. К. Алиев. Топонимика об этногенезе на территории Азербайджана. — «Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа». VII. Баку, 1966.
3. С. Б. Ашурбейли. О датировке и возникновении города Баку. — ДАН Азерб. ССР, т. XVII, 1961, № 3.
4. С. Б. Ашурбейли. Очерк истории средневекового Баку (VIII — начало XIX вв.). Баку, 1964.
5. В. В. Бартольд. Баку. Соч., т. III. М., 1965.
6. В. В. Бартольд. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.
7. З. М. Буниятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965.
8. К. Ф. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. — СМОМПИ вып. 40, Тифлис, 1909.
9. Л. Н. Гумилев. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., 1960.
10. Л. Н. Гумилев. Гунны. — СИЭ, т. 4, М., 1963.
11. Р. А. Гусейнов. О тюрках IV—VII вв. в зоне Кавказской Албании. — Сб. «Вопросы истории Кавказской Албании». Баку, 1962.
12. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, cilt III, ceviren: Besim Atalay. Ankara, 1941.
13. Divanü lûgat-it-türk dizini. Yazan: Besim Atalay. Ankara, 1943.
14. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
15. اسکندر یک ترکمان، عالم آرای عباسی، تهران، ۱۴۱۴ هجری قمری.
16. Islam Ansiklopedisi, cilt 2. Istanbul, 1961.
17. История Азербайджана, т. I. Баку, 1958.
18. گروی احمد، باکو (یحیی ذکا، چهل مقاله کسروی تهران، ۱۳۴۵ هجری شمسی).
19. Kitabü Divanü lûgat-it-türk, cilt 3. Ahmet Rifat nesri. Istanbul, 1335 хиджри.
20. В. Н. Левиатов. Об археологических раскопках 1946 г. в Баку. — «Известия АН Азерб. ССР», 1948, № 8.
21. Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. Индекс—Лугаг. Тошкент, 1967.
22. Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони (Девону луғотит турк), т. 3, С. М. Мугалибов. Тошкент, 1963.
23. И. И. Мещанинов. Египет и Кавказ. — «Известия общества обследования и изучения Азербайджана». Баку, 1927, № 4.
24. Мухаммед ибн Наджиб Бакран. Джахан-наме (Книга о мире). Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Боршевского. М., 1960.
25. В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965.
26. А. И. Попов. Географические названия. (Введение в топонимику). М.—Л., 1965.
27. Şerif Bastav. Sabir türkleri. ТТК. «Belleten», cilt V, sayı 17—18. Ankara, 1941.
28. М. Ш. Ширэлиев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баку, 1962.
29. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1951.
30. З. И. Ямпольский. Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана. — «Ученые записки» АГУ им. С. М. Кирова, серия языка и литературы. Баку, 1966, № 2.

Л. П. ПОТАПОВ

К СЕМАНТИКЕ НАЗВАНИЙ ШАМАНСКИХ БУБНОВ У НАРОДНОСТЕЙ АЛТАЯ

Шаманский бубен у народностей Алтая имеет два названия. Наиболее распространенное из них — тунгур или туур — считается монгольским по происхождению¹. Второй термин — чалу — встречается реже и относится к тюркской лексике. Первым из них бубен называют шорцы, кумандинцы, челканцы, тубалары, алтайцы левобережья Катуня и теленгиты, а вторым — телеуты (кузнецкие или бочатские), алтайцы правобережья Катуня, потомки тау-телеутов, т. е. горных телеутов, и тубалары.

Однако во время шаманского камлания бубен называется уже иначе.

У телеутов имеется два таких названия-термина: ak adan и ak sagal, у шорцев тоже два: egrī adan и ak sagal. У кумандинцев бубен шамана во время камлания носит название ak adan, у челканцев ak adan и ergo-dan, а также er pagus (er pagys), у теленгитов — ak adan². Пока не удалось выяснить имеются ли специальные названия шаманского бубна во время камлания у тубаларов, «собственно алтайцев» (алтай кижы) и у телесов, хотя сомневаться в их существовании нет никаких оснований.

В связи с этим автор настоящей статьи поставил перед собой задачу выяснить, почему у народностей Алтая шаманский бубен при камлании носил особые названия, какова семантика этих названий и какие представления она отражает.

При выяснении первого вопроса мы исходили из уже установленного факта, что шаманский бубен у народов Сибири, помимо обычного религиозного назначения, заключающегося в той или иной ритуально-технической функции (ср., например, медные ударные тарелки или трещотки у ламаистов), имеет еще ряд особых символических значений. В одних случаях шаманский бубен во время камлания — это место, куда собираются духи-покровители и помощники шамана по его призыву. В других — он символизирует лук, из которого шаман стреляет по враждебным духам, в связи с чем поперечная железная перекладина в алтайских буб-

¹ На это мнение В. В. Радлова ссылается С. Е. Малов. См.: А. В. Анохин. Материалы по шаманству алтайцев. Л., 1924, примечание на стр. 49.

² Большинство этих терминов дано в работе автора настоящей статьи: Л. П. Потопов. Shamans Drums of Altaic Ethnic Groups, стр. 230; к сожалению, они приведены с некоторыми ошибками в написании, например: ербатан вместо ер бодан, а гакже пагач вместо пагыч. См.: Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia. Budapest, 1968. Ср.: Die Schamanentrommel bei den altaischen Völkern. Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Völker. Budapest, 1963.

нах называется кирим, что значит «тетива»³. У некоторых народностей Сибири шаманский бубен во время камлания символизирует лодку, а колотушка — весло и т. д. Но самым распространенным у народов Саяно-Алтайского нагорья является символическое отождествление бубна с ездовым верховым животным (а колотушки — с плетью), на котором шаман совершает во время камлания свои воображаемые путешествия к духам. С таким отождествлением связан существовавший у различных племен Алтая, а также у хакасов и тувинцев обряд «оживления» бубна при его изготовлении, описанный нами в специальной работе⁴. Суть этого обряда сводится к следующему. Бубен изготовлялся непременно коллективно сородичами и одноулусниками шамана. После того, как он был готов, шаман «оживлял» его, как бы вновь обращая в то самое животное, шкурой которого бубен был обтянут. Шаман символически собирал по частям все животное (скелет, шкура, рога и т. д.), рассказывая при этом собравшимся, где оно родилось, где и как жило, чем кормилось и т. п., и в заключение заявлял, что животное уже «оживлено» и будет теперь служить ему для поездок к духам. При этом он даже садился верхом на бубен, как бы испытывая его. После совершения описанного обряда бубен считался пригодным для камлания.

У большинства алтайских народностей для обтяжки бубна использовалась, как правило, шкура дикого (промыслового) рогатого животного, непременно самца. У шорцев на эти цели шла шкура дикого оленя, марала или лося; у кумандинцев — марала, оленя или козули; у челканцев — козули или марала, у тубаларов — марала или козули. Лишь у телеутов и некоторых групп южных алтайцев допускалось использование шкуры молодого жеребенка.

Обращает на себя внимание, что все приведенные выше названия бубна не имеют смысловых значений на языках современных алтайцев и никак не связаны с названиями диких животных, шкурой которых обтягивался бубен. Между тем все шаманы подтверждали в беседах с нами, что во время камлания бубен олицетворяет для них животное, шкурой которого он обтянут. Аналогичные представления существовали и у соседей алтайцев, например у сагайцев, которые обтягивали бубен кожей лося, чтобы шаман мог на нем «мчаться по горам», или шкурой дикого козла, чтобы «скакать на нем по скалам»⁵.

Анализ ритуальных обращений шаманов к бубну во время камлания подтверждает, что бубен олицетворяет для них животное. У телеутов шаман говорил:

Altı örköstü ak adanym ^v	«Шестигорбый мой священный адан (бубен)»;
Arka mojun poş salba ^v	«Спина и шея твои пусть не ослабнут»;
у кумандинцев:	
Taska pasap, tajlakro ^v	«На камень наступишь — не спотыкайся»;

³ См.: Л. П. Потанов. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев. — «Советская этнография», 1934, № 3. В статье показано, что лук как орудие культового действия был предшественником бубна.

⁴ Л. П. Потанов. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия, т. I, Л., 1947.

⁵ Образцы народной поэзии тюркских племен (издание В. В. Радлова), т. IX (перевод), в котором представлены тексты, собранные Н. Ф. Катановым у различных групп сагайцев, качанцев, бельтиров, тувинцев и т. д. СПб., 1895, стр. 550—551.

Muska pasan, majrylba	«На лед наступишь — не подгибайся»;
Room serge, purylba	«По обрыву (пойдешь) — не оборачивайся»;
<i>у челканцев:</i>	
Tajka barzyp, janakra	«Если в тайгу пойдешь — не возвращайся»;
Taska pasyn, tajlakpa	«На камень наступишь — не спотыкайся»;
Puske pasan, syrykme	«На лед наступишь — не поскользнься»;
<i>у шорцев:</i>	
Ajaty örkös tig ak sagal	«Шестигорбый священный чагал»;
Taska pasyn, tajlakpa	«На камень наступишь — не споткнись»;
Suga kerzen, jüstykpe	«Если в воду зайдешь — не упади»;
Muska pasyn, mustukpa	«На лед наступишь — не поскользнься».

И тем не менее шаманы не могли объяснить буквальных значений приведенных в начале статьи названий бубна во время камлания, которые со временем, по-видимому, были забыты. Оставалось предположить, что эти названия восходили не к диким животным, шкурой которых обтягивался бубен, а к домашним животным, на которых действительно ездили верхом. Их наименования могли быть использованы как названия бубна ввиду того, что шаманы символически пользовались бубном как средством передвижения для своих воображаемых путешествий к духам. На эту мысль наводил некоторый сравнительный материал, опубликованный в этнографической литературе. Известно, например, что у отдельных народов Саяно-Алтайского нагорья шаманы называли бубен во время камланий по имени того животного, шкурой которого он был обтянут, но при этом отождествляли его с конем. В одной из записей Н. Ф. Катанова тувинский шаман говорит: «Внемли, внемли, мой конь-маралуха»⁶. В этой же записи приводятся слова карагасского шамана: «Я, ездящий на диком марале»⁷ или «Животное, на котором я езжу, — это зверь изюбр»⁸. По данным В. Н. Васильева, бубен у карагасов символизирует оленя, на котором ездит шаман⁹.

У тувинцев-тоджинцев, которые обтягивали бубен кожей лося или марала и тоже оживляли его, шаман называл бубен ездовым (верховым) конем и давал ему, как коню, какое-либо собственное имя¹⁰ подобно богатырям тувинского (и алтайского) героического эпоса. У северо-западных тувинцев (верховья р. Алаша и оз. Кара-холя), как это было установлено нами, бубен обтягивался кожей дикого горного козла (те) и также ожив-

⁶ Образцы народной поэзии тюркских племен..., стр. 47.

⁷ Там же, стр. 649.

⁸ Н. Ф. Катанов. Поездка к карагасам в 1890 г.—«Записки Имп. «Русского географического общества по отделению этнографии», т. XVII, вып. II, стр. 195.

⁹ Краткий очерк быта карагасов. — «Этнографическое обозрение», 1910, № 1—2, стр. 76.

¹⁰ С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, стр. 179—183.

лялся. Но во время камлания шаман называл такой бубен *te-xol'ge*, т. е. «горным козлом-лошадью». При этом следует иметь в виду, что термин *xol'ge* весьма специфичен, так как в старину он служил названием не просто лошади, а именно верховой лошади, которую после смерти хозяина убивали у его могилы и хоронили вместе с ним¹¹.

В одном случае бубен у алтайцев сохранил название дикого животного, шкурой которого он обтягивался. Речь идет о термине *eg raduc*, бытовавшем у челканцев. Слово *raduc* в форме *baduc* сохранилось у современных киргизов и означает «лось». Поскольку же лосей в Киргизии не водится, остается предположить, что слово это далекие предки киргизов принесли с Саяно-Алтайского нагорья, где еще до конца XIX в. лось был традиционным объектом охотничьего промысла. Это слово сохранилось и в названии ряда киргизских родов и племен¹². У современных алтайцев лось называется пулан.

Вместе с тем, как в свое время удалось установить, алтайские шаманы, особенно северные, называли изображения ритуальных ездовых животных на бубнах бура-пура. Это были рисунки животных с рогами, тождественные изображениям оленей на наскальных изображениях Енисея. В значении олень слово «бура» сохранилось у якутов; у тувинцев оно означает «самец оленя» и «лось», а у тубаларов — «лось».

Как видно из сказанного и упомянутые названия шаманского бубна у алтайцев не связаны с названиями диких рогатых промысловых животных, хотя последние изображались на бубнах в качестве тех или иных покровителей и помощников шаманов.

Ввиду этого в поисках источника происхождения названий шаманских бубнов в процессе камлания мы обратились к названиям домашних животных в языках тюркских народов и прежде всего народов Саяно-Алтайского нагорья. В процессе сбора и изучения на местах названий домашних животных по возрасту и полу у различных групп тувинцев автор обнаружил, что у тувинцев *adaп* — это «холощенный», следовательно, «ездовой верблюд». Далее выяснилось, что так называют ездового верблюда и южные алтайцы, киргизы и др.¹³ Таким образом, термин *ак адап*, служивший для обозначения шаманского бубна во время камлания у телеутов, шорцев, кумандинцев, челканцев и теленгитов, очевидно, означает «священный (ездовой) верблюд». Выше отмечалось, что шаманы нередко называли его в своих обращениях *altу örköstig*, т. е. «шестигорбым». Это явно следует рассматривать как обычную шаманскую гиперболу наподобие выражения *altу köstü ala mars* «шестиглазая пестрая марс», как называли вертикальную деревянную рукоятку бубна телеутские и шорские шаманы. К стати говоря, изображение верблюда можно встретить среди рисунков, нанесенных на некоторые бубны у теленгитов. В Музее антропологии и этнографии АН СССР имеется фотография такого бубна.

¹¹ Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, стр. 351. Ср.: монгольское *хойлга* как название погребаемой с умершим лошади; у якутов — *хойлуга* — животное, убиваемое на поминках; у хакасов (качинцы, сагайцы, бальтиры) — лошадь, убиваемая на поминках — *койлага*, а у алтайцев — *койло ат*.

¹² С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии; К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 92.

¹³ В то время еще не была опубликована работа А. М. Щербака «Названия домашних и диких животных в тюркских языках». — Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961.

Что касается термина *eg bodan*, который служит названием бубна у челканцев, то у тувинцев и киргизов он означает буквально «молодой верблюд — самец».

Удалось установить и происхождение термина *egri adan*, употреблявшегося у шорцев. Выяснилось, что так называют одnogорбого верблюда (дромадера). Именно в этом значении указанный термин зафиксирован в древнетюркских рунических надписях¹⁴.

Следовательно, когда-то шаманский бубен у предков современных северных шорцев, челканцев, кумандинцев и телеутов символизировал ездового верблюда, что, по всей вероятности, отражает быт этих народов в старину. В отношении телеутов это подтверждается также тем, что еще в середине XVIII в. у них по течению р. Иртыша было развито верблюдоводство. Достоверно известно, что после разгрома Джунгарского ханства большинство телеутов спаслось, перебравшись в район русского Горного Алтая на лошадях и верблюдах. Из исторических документов того времени известно, что часть принятых в состав Российского государства беглецов-телеутов осела в Горном Алтае, а другая часть их поселилась в Кузнецком округе. В Горном Алтае теленгиты продолжали заниматься верблюдоводством, а в Кузнецком округе оно полностью исчезло в связи с неблагоприятными природными условиями¹⁵. Но память о верблюде в шаманстве сохранилась, хотя название его и превратилось со временем в терминологический реликт, непонятный для последующих поколений шаманов.

Возникает вопрос, почему у шорцев, челканцев и кумандинцев, являющихся типичными пешими охотниками-звероловами, в основу названий шаманского бубна легли различные названия верблюдов. На наш взгляд, это объясняется тем, что в состав северных шорцев вошли сеоки (роды) Челей и Чедибар, происходящие от телеутов. Смешались телеуты и с кумандинцами. Поэтому название шаманского бубна у последних также связано с верблюдом.

Вполне объяснимо появление упомянутого термина и у челканцев. Изучая в свое время челканцев, автор установил, что один из двух существующих челканских родов (сеоков), а именно шакшылыг, произошел от алтайских (чулышманских) телесов. Память об этих родственных связях у шакшылыгов сохранилась настолько прочно, что еще совсем недавно между ними и телесами были запрещены браки (алышпас), т. е. действовал закон экзогамии.

Среди западных тувинцев, смешанных в этническом отношении, бубен у некоторых шаманов также назывался во время камлания верблюдом. Об этом может свидетельствовать, например, следующее обращение шамана западных тувинцев к бубну: тунгүр шилгим аксадым¹⁶, что в переводе означает «бубен мой — шилги, захромал». Кстати говоря, Н. Ф. Катанов перевел это обращение как «О, мой красавец бубен. Ты захромал, о мой красавец»¹⁷, что явно неточно, потому что слово шилги означает не «красавец», а «трех-четырёхлетний верблюд»¹⁸. Ввиду этого

¹⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 64; *его же*. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 83; см. также: Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 166.

¹⁵ См. об этом: Л. П. Потанов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, стр. 129—131 и др.

¹⁶ Образцы народной поэзии тюркских племен..., стр. 195.

¹⁷ Там же, стр. 165.

¹⁸ Л. П. Потанов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, стр. 333.

следует внести поправку и в перевод другого отрывка текста, где обращение к бубну — тунгур шилги — передано как «крашенный бубен»¹⁹.

Тувинцы издавна разводили верблюдов, и поэтому вполне естественно, что бубен у некоторых тувинских шаманов символизировал это животное. Кроме того, ряд шаманов в числе помогавших им духов называли и молодых «священных» верблюдов — ак-тайлак²⁰. Такие же помощники имелись и у телеутских шаманов²¹. Наконец, тот же образ, под этим же названием, но уже в виде верблюжонка использовался и киргизскими шаманами — баксы²².

Наибольшие трудности встретились при выяснении происхождения названия *ak saġal*.

Согласно сообщению Г. Н. Потанина, основанному на данных, сообщенных известным алтайским миссионером, телеутом по происхождению, М. Чевалковым, у телеутов при камлании говорится о бубне: алт ърк шьту ах ягалым, т. е. «шестишисечный мой белый (святой?) бубен»²³. При этом Г. Н. Потанин поясняет, что речь здесь идет о шишках, т. е. бугорках различной величины, которые имеются на обечайке бубна и, по словам М. Чевалкова, называются *õrkõs*, что означает «горбы верблюда».

Вместе с тем даже такой прекрасный знаток телеутского языка, каким был М. Чевалков, не раскрыл значения слова *jaġal*. В значении названия домашнего или дикого животного оно нигде, в том числе и в общеизвестных словарях тюркских языков²⁴, не встречалось и нам. Правда, в словаре якутского языка Э. К. Пекарского был обнаружен, на наш взгляд, его эквивалент в форме цагыл-д јагыл в значении «большие пятна, обыкновенно коричневого цвета, на лопатках или шее у лошади»²⁵. Это пояснение показалось нам обнадеживающим, так как оно связано с лошадью, т. е. верховым животным.

Наконец, это слово было обнаружено в пятиязычном словаре (маньчжуро-тибетско-монгольско-уйгурско-китайском), составленном в XVIII в. и опубликованном в Пекине в 1957 г. под названием «Зерцало маньчжурского языка на пяти языках»²⁶. Из этого словаря, содержащего богатый и порой редкий для нашего времени лексический материал, следует, что *saġal*—*saġal* — уйгурское слово, означающее «лошадь с разноцветными черными и красными полосами на шее и груди». По-монгольски оно звучит *jaġal moġin*, т. е. «лошадь с пятнами на шее и лопатках». Стало

¹⁹ Образцы народной поэзии тюркских племен..., стр. 51.

²⁰ Там же, стр. 191.

²¹ Н. П. Дыренкова. Материалы по шаманству у телеутов. — Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. X, 1949. Автор неверно переводит термин тайлак (тайлык) как «жеребенок».

²² Т. Баялиева. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Автореф. диссерт. Л., 1969, стр. 11.

²³ Очерки Северо-Западной Монголии, г. IV. СПб., 1883, стр. 42. Видимо, поэтому Г. Н. Потанин сообщил, что у алтайцев бубен называется *jaġal*. Очерки Северо-Западной Монголии, т. II, стр. 22.

²⁴ Только в словаре В. Вербицкого это слово дано в форме *jaġal* с переводом «бубен шаманский». — Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884, стр. 65.

²⁵ Словарь якутского языка, т. I, вып. I, СПб., 1907, стр. 770.

²⁶ См. об этом словаре публикацию Е. В. Мальцевой «Пятиязычный маньчжуро-тибетско-монгольско-уйгурско-китайский словарь». — Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР, 1960, стр. 261—264.

быть, предположение, что название ^vсагал означает животное, причем верховое, в соответствии с символической функцией бубна как ездового животного шамана оказалось правильным. Таким образом, оказалось, что шаманы в старину во время камлания бубен называли лошадей. Однако он символизировал не верховую лошадь вообще, а лошадь с пестрой шеей и грудью, т. е. пегой масти или проще «пеганку».

Название символической лошади-бубна по масти не может казаться для кочевников необычным, ибо оно отражает индивидуальные особенности той или иной лошади. Но вот то обстоятельство, что такое название по масти было дано символической лошади шамана, т. е. шаманскому бубну, представляет специальный интерес. Во-первых, потому, что

^vсагал — уйгурское. Следовательно, оно указывает на то, что в шаманстве телеутов сохранились элементы, отражающие связи древних исторических предков телеутов с уйгурами. Ведь известно, что предки теленгутов-теленгитов уже в период древнетюркских каганатов входили под названием доланге (толанко) в конфедерацию племен теле, возглавляемую уйгурами. Таким образом, в названии шаманского бубна сохранились следы ранних уйгуро-теленгитских (теленгутских) исторических и этногенетических связей²⁷. И, во-вторых, этимология термина ^vсагал заставляет вспомнить древнее тюркоязычное племя «пегих лошадей» (ala-at), сведения о котором попали в китайские исторические летописи под названием во-та, что является китайским переводом слов «пегая лошадь»²⁸.

Не вдаваясь в подробности истории «пеголошадников», остановимся на тех ее моментах, которые представляют непосредственный интерес для данной статьи. Ранние сведения об этом племени относятся к IV в., когда оно обитало в южной части Гоби, на северных склонах Иншаня и в Ордо-се. В свое время оно входило в состав сяньтийского, затем жуань-жуаньского племенных объединений и вело свое происхождение от некоторых групп северных хуннов.

В период древнетюркских каганатов «пеголошадники» жили в Саяно-Алтае, входя в соприкосновение с енисейскими кыргызами, с которыми часто враждовали. Известно также, что они находились под властью уйгурского каганата и позднее продвинулись в бассейн Оби севернее Томска. В XVII в. племя это, известное под названием Пегой Орды, жило в районе Нарыма, но говорило уже по-селькупски.

Вместе с тем какая-то часть «пеголошадников» — алатов оказалась в составе кыпчаков-половцев, а позднее при распаде Золотой Орды — в составе Младшей Орды казахов. Их потомки вошли частично и в состав кочевых узбеков и сибирских татар.

Таким образом, теленгуты-телеуты на каком-то этапе своей этнической истории, вероятно, включали в свой состав отдельные группы племени Пегих лошадей, ранняя история которого связана с сяньбийско-телесской (гаогюйской) древностью. Свидетельством этого, по нашему мнению, и служит ныне уже забытое телеутами представление о шаманском бубне, как о пегой верховой лошади шамана. То, что теперь эта лошадь именуется «шестигорбой» (при этом явно имеются в виду горбы

²⁷ Л. П. Потопов. Этнический состав и происхождение алтайцев, гл. «Древние элементы в этническом составе алтайцев». Л., 1969.

²⁸ Ю. А. Зуев. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 15. Алма-Ата, 1962.

верблюда), говорит лишь о контаминации образа шаманского верхового животного и как пегой лошади и как ездового верблюда, представление о которых, как ездовых животных шамана, было характерным для телеутов.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что попытка изучить и проанализировать названия шаманского бубна, употреблявшиеся во время камлания, оказалась бесполезной также и для изучения истории алтайцев и истории их культуры.

Х. Д. БАКАЕВА

О ЗОЛОТОМ ШИТЬЕ БУХАРЫ И СВЯЗАННЫХ С НИМ ТЕРМИНАХ

Средняя Азия издавна славится искусством золотого шитья, которым украшались одежда и предметы домашнего обихода¹. Это искусство было развито на территории Средней Азии еще в глубокой древности, о чем свидетельствуют археологические находки последних лет², в частности фрагменты золотой вышивки, найденные в женском захоронении II—I вв. до н. э.

Как отмечает в своем дневнике испанский посланник в России Рюи Гонзалес де Клавихо³, искусство золотого шитья процветало при дворе Тимура в Самарканде. Он подробно рассказывает о мужской и женской одежде, богато украшенной золотым шитьем.

В одном из документов мавзолея «Ишрат-хана», датированном 1465 г., упоминаются скатерть и занавеска, вышитые золотом⁴. Сохранились письменные свидетельства о существовании золотошвейного дела при дворе Шахруха, сына Тимура, в Герате⁵. Так, Абдураззак-ас-Самарканди, описывая в «Матла-ас-Садайн» подношения, отправленные Шахрухом правителю Калькутты, называет в их числе шитье золотом головные уборы *tilladözi salla* и *k'ulohi pävgözi*⁶. Зайниддин Васифи в своих мемуарах упоминает о профессии зардузов и золотом шитье в Герате во времена Алишера Навои⁷. Несмотря на столь древние исторические корни, это искусство к началу XX в. было, по существу, почти повсеместно утрачено. Единственным центром золотошвейного искусства продолжала оставаться Бухара, которая и по сей день славится мастерами золотого шитья.

До победы Советской власти в Средней Азии искусство золотого шитья обслуживало главным образом нужды имущих классов. В период

¹ См.: П. А. Гончарова. Золотое шитье. Народное декоративно-прикладное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954, стр. 172.

² М. Э. Воронец. Памятники золотого шитья II—I вв. до нашей эры. — Материалы и сообщения Института археологии Академии наук УзССР. Ташкент, 1947.

³ Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия к двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. — Сб. Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. XVIII, № 1, СПб., 1881, стр. 293.

⁴ В. А. Вяткина. Вакуфные документы мавзолея «Ишрат-хана» в Самарканде. — Сб. «Из истории древности Самарканда», т. V, Ташкент, 1940, стр. 8.

⁵ П. А. Гончарова. Указ. раб., стр. 173.

⁶ См.: Н. Низомиддинов. Урта Осённинг чет эл Шарк, билан муносабатлари. (Бухоро—Хиндистон). Тошкент, 1961, стр. 8.

⁷ А. Н. Болдырев. Зайниддин Васифи. Мемуары. Душанбе, 1957, стр. 78.

правления Музаффар-хана в цитадели Бухарских эмиров — Арке — функционировала большая придворная мастерская зардузов. При его преемнике, Абдул-Ахад-хане (1885—1911), таких мастерских было три, а в последние годы, при Алим-хане (1911—1920), все дворцовые заказы выполнялись двумя мастерскими. Заказы в эмирские мастерские поступали только через кушбеги⁸. В мастерской, находившейся в Арке, работали по 15—20 мастеров, из которых трое соответственно назывались: *karavulbegi* — помощник кушбеги, принимающий заказы, *pegasxōg* — распорядитель, *toksaba* — старший мастер, принимающий готовые изделия. Мастерскую возглавлял *ustakaq*, который принимал и увольнял мастеров, составлял узоры и вырезал трафареты, что требовало особого умения. Каждый мастер имел право держать несколько учеников (*sagird*), которые работали не только в мастерской, но и в доме своего наставника в качестве прислуги (*xizmatkar*).

Золотом в то время вышивались мужская и женская одежда, конские попоны и соответствующие предметы домашнего обихода. К мужской одежде, украшавшейся шитьем, относились: остроконечная шапочка, напоминавшая по форме монашескую скуфейку и надевавшаяся под чалму (*k'ulah*), чалма из тонкой кисеи, на которой вышивался лишь бордюры (*sällä*), халат (*top*), сапоги (*zar ettik'*), ичиги (*maxsi*), туфли (*k'avüs*). Из женской одежды золотым шитьем украшались куртка (*k'amzol*), головной убор (*k'ältäcä*), тюбетейка (*dörppi*), повязка на лоб (*pesanäbänd*), платок (*zar gomal*) и паранджа (*pärgänzi*).

Конские попоны были двух видов (*jalpös* и *zinpös*). В числе предметов обихода, украшавшихся вышивкой, можно назвать постельное покрывало (*zöjöpös*), покрывало на изголовье (*balinpös*), молитвенный коврик (*zajpataz*), покрывало для покойника (*zavabpata*), футляр для очков (*k'özajnäq kapı*) и т. д.

Техника выполнения золотого шитья весьма разнообразна⁹. Например, чтобы вышить тюбетейку (*zamindözi*), мастер должен приготовить пальцы (*kögsöb*), имеющие форму прямоугольника и состоящие из двух продолговатых параллельно расположенных планок (*indäk söp*), скрепленных между собой по концам двумя короткими поперечными планками (*sämsiräk*). Длина тех и других меняется в зависимости от размеров ткани, на которой выполняется вышивка. К пальцам прибавляются куски плотной материи (*böz ästär*) и на них натягивается подкладка вышиваемой вещи (*tägvar*). Пальцы ставятся на стойки-козлы (*хагаксöb*). В настоящее время пальцы изготавливаются из металла, а золотошвеи работают, сидя на табуретках (*саграја*). После приготовления пальцев (*kögsöb*) мастер закрепляет кусок ткани нужных размеров, затем вырезает рисунок восьмилепесткового цветка (*säkkiz bärgli gül*), а также небольшой круг (*daıga* или *давга*). Наряду с бархатом (*duxoba*) в качестве фона используется также хлопчатобумажная ткань (*böz*), окрашенная в жел-

⁸ Л. И. Ремпель, В. С. Затворницкая. Золотошвеи. — Сб. «Народное искусство Бухары». Ташкент, 1960, стр. 117.

⁹ См.: Е. М. Пещерева. Бухарские золотошвеи. — Сб. музея Ин-та антропологии и этнографии, т. XVI. М., 1959, стр. 272.

тый цвет. Цветы вышиваются способом гульдузи (güldozi), круг кандагорским (kandahari), а весь фон кабульским (kabuli) швом (золотые нити располагаются в форме «П» и «Δ»). При вышивании контуров используется ширазский шов (tahrigi sirazi). Край тюбетейки (doppi kizāgi) плотно обшивается хлопчатобумажной тесьмой (kavatlangan ip), поверх которой накладывается металлическая нить, прикрепляющаяся различными швами: säskar, karasac, kösmaci, köckarsaxi и т. д.

Применение наиболее распространенного способа золотого шитья — шитья по рисунку — позволяет в полной мере раскрыть красоту и богатство орнамента. Способ этот заключается в следующем: вырезанный из картона рисунок накладывается на ткань, после чего отдельные его части зашиваются золотой нитью. Такие рисунки создаются художниками (tahrkäs), которые, владея обычно и техникой шитья, являются основными создателями золотошвейного орнамента.

Золотое шитье, считавшееся прежде мужским делом, ныне почти полностью перешло в руки женщин. На специальной золотошвейной фабрике вышиваются разнообразные тюбетейки (doppi), безрукавки (nimca), туфли (kävüs), подушки (divan jastik), детские сумочки (balalar xaltasi), футляры для очков (k'özajnak kapi), игольницы (sözändan) и декоративные вышивки — панно (sözani päläk).

Изделия бухарских золотошвей неоднократно экспонировались на выставках народного творчества как в нашей стране, так и за рубежом.

Элементы современного художественного орнамента нередко восходят к орнаментам вышивок, отчасти резьбы по дереву и металлу. В золотошвейных изделиях массового производства орнамент в основном растительный или геометрический; изредка в нем находят отражение сюжеты художественных произведений. В композицию растительного орнамента включаются чаще всего изображения различных цветов и листьев: gupcalar, buttalar, güldanguli bilän, daraxt, saxcälär, atir, savsar güllär и т. д.

В нее часто включаются также плоды и фрукты — badamca, turunz, anar, alma и др. Широкое распространение получило изображение коробочки хлопка (пахта сапайи), которое носит название узора «белого золота» (ak altin). Из геометрических фигур для орнаментальной композиции наиболее типичны круги, многоугольники (köpbürsäkli), прямые и зигзагообразные линии (egri vä toyri ciziklar) и т. д. Очень редко встречается зооморфный орнамент: kuslar, käptär, tavus.

Терминология золотошвейного дела чрезвычайно богата. Обогащалась она как за счет внутренних ресурсов узбекского языка, так и посредством заимствований из других языков: в более ранний период — из таджикского и арабского, а позднее — из русского. Новые термины возникают и формируются путем профессионального переосмысления и терминологизации общепотребительных слов, изменения значения старых терминов, а также с помощью словообразовательных средств. Так, kagkos в обычном употреблении означает «чернобровый», а в узкопрофессиональном — название узора; слово kotyg в обычном употреблении — «корка на заживающей ране», «чесотка», в золотошвейной лексике — тоже название узора.

С течением времени некоторые старые термины утратили свое прежнее значение и приобрели новое. Например, слово *kosmāsu* «сводник, сводница» в золотошвейном производстве имело прежде значение «сводный узор», а в настоящее время — это название шва, соединяющего другие швы; слово *kaḡakaḡun* означало «буковый шов», а теперь — это название особого орнамента.

Новые термины образуются путем использования морфологических и синтаксических средств на основе словообразовательных возможностей общенародного языка¹⁰. Так, некоторые специальные термины образовались при помощи аффиксов тюркского и персидского происхождения.

Аффиксы *-su*, *-doz*, *-buḡ*, соединяясь с именными основами, образуют названия профессии: *busuḡsu* «закройщик», *otkazuvuḡsu* «мастер, делающий тюбетейки», *zarḡoz* «золотошвей», *likakdoz* «мастер, вышивающий различные виды украшений», *gulbuḡ* «вырезальщик», *paḡsbuḡ* «мастер, делающий узоры» и т. д.

Аффикс *-ta* образует на базе глагольных основ названия различных производственных процессов, орудий и приемов, а также названия швов: *baḡta* «печать для нанесения узора», *saḡta* «названия швов» и др.

Аффикс *-talik* в соединении с числительными образует названия узоров: *jettitalik*, *uctalik*, *jüztalik*. Эти названия образуются и при помощи аффикса *-sa*: *bādāmsa*, *buttasā* и т. д.

Аффиксы *-lik*, *-cilik* в соединении с именными основами образуют названия вида ремесла, производства: *zarḡozlik* «золотое шитье», *ḡimdozlik* «шитье с серебром», *zarḡozcilik* «золотошвейное производство».

Аффикс *-dozi*, соединяясь с именной основой, образует обычно названия швов: *gulgozi* «вышивка по рисунку», *ḡaḡakdozi* «шов в виде колючки», *kubbadozi* «шов в виде купола», *tāḡālākdozi* «шов в виде бараньего рога» и т. д.

Новые термины образуются также при помощи слияния и сочетания различных слов. Сложные слова могут состоять из двух или трех простых слов как корневых, так и производных. Например, *k'ōzajnaḡ* «футляр для очков», *ḡülpaḡ* «название орнамента», *ḡültāzibāḡ* «название узора» и т. д.

В зависимости от принадлежности отдельных компонентов к тем или иным частям речи сложные термины можно подразделить на несколько групп:

а) сложные термины, состоящие из двух существительных: *atirḡül*, *kaḡaḡül* — названия орнаментов;

б) сложные термины, состоящие из прилагательного и существительного: *akkuḡ*, *kōktāvus* — названия орнаментов;

в) сложные термины, состоящие из числительного и существительного: *ücburcäk*, *törtbürcäk*, *sadbarg* («столистник»), *jettibarg* («семилистник») и т. д.

¹⁰ См.: В. В. Виноградов. Современный русский язык. М., 1952, стр. 44; А. Г. Гулямов. Ўзбек тилида суз яшаш йуллари.—«Тил ва адабиёт асарлари». Тошкент, 1949, стр. 37—86.

В особую группу мы выделяем парные слова-термины, которые встречаются в двух видах: а) с антонимическим оттенком: ак-кага (duxaba); k'atta-k'icik (kaḡsub) и б) повторяющие одно и то же слово и обозначающие названия узоров: tax-tax, sax-sax, sana-sana и т. д.

Сочетание двух или нескольких слов, связанных между собой семантически и грамматически, выражает или какое-либо понятие, или относительно законченную мысль. Для золотошвейной терминологии характерны сочетания слов, заимствованные в основном из таджикского языка. Иногда встречаются и узбекские словосочетания. Например, bādāmidurun k'āftā, zamaī zardozi, saḡk'eldi, jigirma ājlik palak, kuzpālāk, taḡara palak — названия панно.

Значительная часть золотошвейных терминов, как уже отмечалось, образовалась на базе лексики, заимствованной из других языков. Часть из них была воспринята без изменений или с небольшими фонетическими отклонениями, а другая часть — образована путем прибавления к заимствованному словам узбекских аффиксов, либо же путем сочетания этих слов с узбекскими словами.

В связи с тем, что государственным языком Бухары продолжительное время был таджикский, естественно, что многие термины золотого шитья таджикские по происхождению. К ним относятся, к примеру, названия орудий производства: k'āḡcōb «станок», patila «палочка для золотого шитья», sōzap «иголка», kutusa «шкатулка для хранения золотых ниток»; названия ткани: duxaba «бархат»; названия готовых изделий: zamaī zardozi «халат, расшитый золотом», sōzāni «панно» dāstagūl «букет», sad barg «сто листьев», taz «корона», tāvus «павлин».

Небольшую часть золотошвейных терминов составляют слова арабского происхождения. Например, bajt «стих», baḡja «шов», taḡr «чертеж», haḡija «кайма», taxrk'as «рисовальщик», k'saba «мастерская», kubba «купол, украшение выпуклой, шарообразной формы» и т. д.

Сравнительно новый лексический пласт образуют термины, заимствованные из русского в результате непосредственного общения местных ремесленников с русскими мастерами, или через книги, газеты, журналы. В советское время этот процесс усилился, особенно в связи с объединением ремесленников в промышленные артели и промкомбинаты. Например, master, ucenik, brigadir, inžener, xudoznik, stanok, poznica, igolnica и т. д.

Таким образом, лексика золотого шитья свидетельствует не только о высоком уровне развития золотошвейного производства в Узбекистане, но и о том, что культурно-экономические связи узбеков с другими народами имеют глубокие исторические корни.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. С. ДЖИДАЛАЕВ

О ДИАХРОНИИ ТЮРКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В социолингвистических исследованиях вопрос о диахронической интерпретации языковых контактов остается по сути дела открытым. Разработка этой проблемы до сих пор сводилась, обычно, к характеристике влияния одного языка на другой на основании данных собственно исторической науки или же просто к хронологии заимствований лексических единиц, согласно тому или иному письменному источнику или словарю.

Цель настоящей статьи — установить на основе реальных лингвистических фактов по возможности строгий и объективный критерий диахронической оценки тюрко-дагестанских языковых контактов.

Под диахронией языковых контактов мы понимаем исторический процесс взаимовлияния языков. Взаимоотношения двух языков — какого бы характера они ни были и в чем бы они ни выражались — складываются из факта взаимовлияния этих языков.

В данном случае имеется в виду диахрония тюркского языкового влияния (языка А) на дагестанские языки (язык Б), так как тюркское влияние предшествовало возникновению обратного влияния дагестанских языков на тюркские, явившееся логическим следствием этого первичного процесса¹. В тюрко-дагестанских языковых контактах по объему фактического материала влияние А на Б занимает несравненно большее место. Влияние Б на А выражается, очевидно, только в слое дагестанского субстрата в тюркских языках, скажем в азербайджанском.

Постулирование диахронии влияния языка А на язык Б опирается на априорное допущение *необходимости звукотрансформаций* при заимствовании лексических единиц и *вероятности наличия определенной системы* этих трансформаций².

¹ См.: Н. С. Джидалаев. *Turcica-Dagestanica*, его сущность и особенности. — Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции по тюркским языкам. Баку, 1969, стр. 31—32.

² Объекты языковых контактов имеют определенную лингвистическую протяженность во времени и пространстве. Можно допустить наличие языковых контактов и в «доисторические» времена. Чем глубже по времени языковые контакты, тем точнее, очевидно, воспроизводятся состояния языка на рассматриваемом этапе, которое изучается историко-сравнительным языкознанием. Видимо, существует какая-то критическая точка, после которой уже невозможно четкое разграничение последствий влияния одного языка на другой. Исследуя проблему языковых контактов и обусловленных ими влияний, мы рассматриваем в принципе то, что происходило в промежутке от этой критической точки до сегодняшнего дня. Критическая точка преодолевается, и межъязыковые процессы переходят в другой разряд лишь тогда, когда результаты иноязычного влияния в одном или нескольких родственных языках начинают проявляться в процессах дифференциации или интеграции. Заимствованный материал в этом случае без дальнейшей импульсации со стороны повлиявшего языка преодолевает хотя бы одну стадию генетического развития.

Поскольку процесс тюркского языкового проникновения в дагестанские языки непрерывен, можно считать, что тюркский пласт в дагестанских языках не преодолел указанную критическую точку, и, таким образом, результаты этого влияния, какими бы глубокими они ни были, вполне укладываются в рамки теории и предмета языковых контактов.

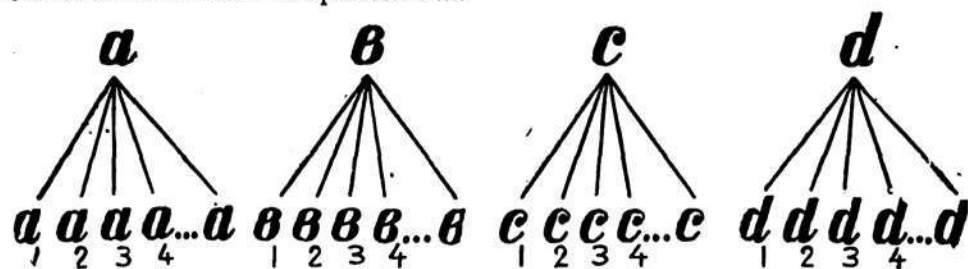
Тюрко-дагестанские языковые контакты начались, как это подтверждается лингвистическими фактами, в тот период, когда эти языки были уже оформившимися единицами. Известно, что тюркские языки в отличие от дагестанских обладают особой структурой и системой. Проникая в дагестанские языки, тюркские лексические элементы подвергались определенным фонетическим изменениям, приспосабливаясь к иноязычному фонетическому строю. Изменения происходили в основном в рамках трансформации звуков тюркской речи в ближайшие их эквиваленты по месту или способу образования. Эти изменения коснулись прежде всего тех звуков тюркского языка, корреспондирующие корреляты которых выражали специфику фонетической системы дагестанских языков³.

И поскольку тюркское проникновение носило, так сказать, всеобъемлющий характер, есть основание полагать, что допускаемые априори звукотрансформации на дагестанской почве должны быть одними и теми же во всех случаях, то есть иметь известную систему в пределах одной и той же оппозиции.

Исследование диахронии тюркского языкового влияния на дагестанские языки в наиболее общем виде призвано установить разные уровни этого влияния, с ориентацией исключительно на выявление тенденций фонетической трансформации лексической единицы языка А в языке Б.

Однозначность тенденции звукотрансформации в пределах одной и той же оппозиции свидетельствует об одном и том же уровне фонетического освоения лексических элементов языка А в языке Б, то есть с одним и тем же диахроническим уровнем влияния языка А на язык Б. Другими словами: звукам а, б, с, d, ... — языка А соответствуют звуки а₁, б₁, с₁, d₁, ... в языке Б.

Если же в пределах одной и той же оппозиции наблюдаются разнонаправленные тенденции звукотрансформации, не объясняемые позиционно или комбинаторно, то налицо различные диахронические уровни фонетического освоения лексических элементов языка А языком Б. В таком случае звукам а, б, с, d, ... языка А соответствуют звуки а₁, а₂, а₃, а₄ ... а; б₁, б₂, б₃, б₄ ... б; с₁, с₂, с₃, с₄ ... с; d₁, d₂, d₃, d₄ ... d в языке Б. Схематически это явление можно изобразить так:

При выделении конкретных диахронических уровней учитывается автономность тенденции звукотрансформаций, которые бывают абсолютно автономными и сосуществующими. Абсолютно автономная тенденция

³ Тот или иной звук может в другом языке трансформироваться в свой коррелят даже в том случае, если такой же звук в нем представлен. Так, например, в дагестанских языках имеются соответствия почти всем согласным любого из тюркских языков. А между тем именно для дагестанских языков звукотрансформации весьма характерны. Это происходит по той причине, что заимствованная лексическая единица произносится новыми носителями языка, исходя из их собственного понимания ее звукового оформления. Даже при наличии одинаковых фонем в двух языках разных систем их фонетические тенденции могут и не совпадать (большая или меньшая активность, либо пассивность той или иной фонемы). Таким образом, суть дела не в наличии или отсутствии отдельных звуков, а в фонетических тенденциях языков, в качественных и количественных сторонах их фонологических систем.

самостоятельно составляет один диахронический уровень. Сосуществующая тенденция выступает только с абсолютно автономной тенденцией и самостоятельно не составляет диахронического уровня. В нашем случае сосуществующая тенденция — то же самое, что и звукотрансформация, обусловленная позиционно (комбинаторно).

Диахрония в Turcica-Dagestanica не обязательно предполагает установление хронологической последовательности в выделяемых уровнях.

В сущности ее цель — установить, что влияние языка А на язык Б протекало не одновременно и завершилось не сразу, то есть оно имело *измеряемую собственными же данными протяженность во времени*. Интервал между разными уровнями равен времени, необходимому для возникновения новой тенденции.

Последовательность уровней устанавливается только в рамках оценки перехода количественных аккумуляций в качественные соотношения. Из выделенных тенденций все звукотрансформационные тенденции объединяются как бы в одну группу и составляют трансформационный этап. Тенденция тождества представляет отдельный, но последующий этап.

Рассмотрим вышензложенное на конкретном примере лакского языка, в котором, на наш взгляд, наиболее характерно выражено тюркское языковое влияние на дагестанские языки. Необходимо при этом учесть следующие предварительные замечания.

I. Лакский язык представляет все остальные дагестанские языки отнюдь не потому, что он является генетически родственным другим дагестанским языкам. Тюркское влияние не было изолированным для каждого дагестанского языка в отдельности. Это целостное в качественном отношении лингвистическое явление. Расхождения касаются лишь частей и количественных характеристик. В дагестанских языках, обладающих рядом одинаковых, отличных от тюркских языков, специфических черт, тюркское языковое влияние преломлялось единообразно в области фонетики. Поэтому процедура анализа, разработанная на основании данных одного какого-либо дагестанского языка, с некоторыми оговорками и поправками может быть применима к любому из дагестанских языков.

II. Объективные диахронические уровни выделяются, исходя только из тех тюркских лексических единиц, которые были заимствованы лакским языком. Но так как заранее невозможно знать, с какими тюркскими языками контактировал лакский язык, то нужные для процедуры единицы обычно определяются, а зачастую и восстанавливаются (как будет видно ниже), исходя из лакских тюркизмов. Поэтому прежде всего нужно установить, что привлекаемые для процедуры лексические единицы («лакские тюркизмы») действительно представляют собой заимствования из тюркских языков.

С другой стороны, для исчерпывающего раскрытия всех процессов, которые происходили в лакском языке при контактировании его с тюркскими языками, необходимо достаточное количество тюркских лексических единиц. Однако ни в одном конкретном тюркском языке нельзя подобрать полного соответствия всем лакским тюркизмам, необходимым для наших построений. Поэтому подбираемые эквиваленты из тюркских языков и лакские тюркизмы нужно сгруппировать по рядам на основе формальных звукосоответствий⁴.

⁴ О звукосоответствиях между контактировавшими языками см.: Н. С. Джидалаев. К вопросу о звукосоответствиях на уровне односторонних лексических заимствований. — «Известия АН Азерб. ССР», серия литературы, языка и искусства, 1969, № 3.

Остановимся на одной группе примеров, которая как нельзя лучше характеризует специфику тюрко-дагестанских языковых контактов и на основании которой можно наиболее наглядно проиллюстрировать принцип установления разных диахронических уровней тюркского языкового влияния на лакский язык в его относительно сложном и полном варианте.

1) j : j

jaby (азерб.) «кляча»	jäbü «кляча»
jad (азерб.) «чужой»	jat- «чужой»
jaуу (азерб.) «враг»	jaуi «несчастье; враг»
jaуla- (азерб.) «смажь жиром»	jaуlau «сковородка»
jaутиг (азерб.) «дождь; пасмурный»	jaутиг- «быть не в настроении»
jalgyz (азерб.) «одинокий»	jalуz «одинокий»
jataп (азерб.) «дурной, скверный»	jataп «то, что не так»
jana (др.-тюркск.) «снова, опять, еще»	jala «потом, затем, еще, снова»
jang (др.-тюркск.) «блеск, свет»	jan-jan «с сильным блеском, пламенем»
jagта (азерб.) «крупа»	jagта «крупа, отруби»
jagaу (др.-тюркск.) «оружие»	jagaу «оружие; инструмент»
Jaгау (др.-тюркск.) «имя собственное»	Jaгауi «имя собственное»
jah (кум.) «мужество, выдержка»	jäh «мужество, выдержка»
jaгук (др.-тюркск.) «блеск, свет»	jaгk- «ярко, чересчур (об огне, о цвете)»
jaka (татар.) «ожерелье»	jаха «ожерелье»
jekä (азерб.) «большой»	jaхa «крупный, громоздкий»
jejin (азерб.) «интенсивно»	jaгin «интенсивно»
joгya (азерб.) «иноходь»	joгya «иноходь»
joх (азерб.) «нет»	joх «нет»
joхsa (азерб.) «или, а то»	joхssa «или, а то»
joхu (азерб.) «сон»	joхu- «спать»
juzbasy (азерб.) «сельский старшина»	juzbasi «сельский старшина»
jük (азерб.) «вьюк, груз»	juк «вьюк, груз; обуза»
jangil (др.-тюркск.) «ошибиться»	janуil «ошибиться»
jak (др.-тюркск.) «сторона, край, берег»	jaх1 «склон, козырек»
jan- (др.-тюркск.) «гореть»	janSou «порох»
jantu (уйг.) «наклон, уклон»	janт «лощина»
jaгuk (др.-тюркск.) «зрачок»	ja «глаз»
joгyк (др.-тюркск.) «поведение, взаимоотношение; хождение»	joгyх1 «взаимоотношение; визит; хождение»
juлуу (др.-тюркск.) «выкуп»	joгyх1 «подарок по случаю свадьбы; свадебный визит или приглашение» и др.
jurд (азерб.) «дом, страна»	juгт «община, страна, семья»

2) j : ʏ

jaj (др.-тюркск.) «распространять, рассеять»	ʏaj- «пахать, молотить»
jaɣan (азерб.) «горный укроп»	«шерсть низкого качества», бран. «о волосах человека, о причёске»
jal (азерб.) «грива»	ʏaɣan «укроп»
jalbars (др.-тюркск.) «лев»	ʏal «козлиная шерсть», перен.
jan (азерб.) «бок, сторона»	ʏalbars «лев, имя собственное»
janɣu (азерб.) «родственник»	ʏan- «близко, рядом»
jar- (др.-тюркск.) «закрывать (о двери)»	ʏanɣu «родственник»
jilik (др.-тюркск.) «теплый»	ʏar- «плотно закрыть»
	ʏili «теплый»

3) j : l

jakа (др.-тюркск.) «плата, аренда, вознаграждение»	lah ₁ avi «плата, возмещение убытка; в отместку»
jak- -jak ₁ (татар.) «зажигать, светать»	lah ₁ - «возместить убыток, расплатиться с долгом»
jakin (др.-тюркск.) «близкий, ближний, свой, родственник»	lah ₁ - «зажигать; светать; разгораться»
jan ₁ (татар.) «край, берег, бок»	lāxin «родня, родственники, род»
jezek (татар.) «способ временной укладки снопов для сушки»	lanttu «край, подол»
jomak (татар.) «загадка»	lizu «способ временной укладки снопов для сушки»
joxus (азерб.) «подъем, возвышенность»	lulāxxū «прибаутка, поговорка»
jar (др.-тюркск.) «гной»	luxcc ₁ «земля, угодие; выгон»
	lal «гной»

4) j : t

juva (азерб.) «гнездо»	tuva «дом, очаг, хозяйство»
joluɣ (др.-тюркск.) «поведение»	tul «поведение, поступок»

5) j : c

jaɣ- (др.-тюркск.) «приставлять, прилипать»	caɣ (caɣ-) «прикрепить, закрепить, крепкий; мощь»
jan- (др.-тюркск.) «возвращать; обратно»	cunil «снова, заново», форма рода падежа с аблаутом в основе (a > u) от *caɣ-
jal (уйг.) «грипп, воспаление, рак»	cal «болезнь, эпидемия» ũcalu «оспа»
juva (азерб.) «гнездо»	civa «дом, очаг, хозяйство»

joxla- (азерб.) «проверять; спрашивать»

jügüx (азерб.) «ловкий»

^v
jus (туркм.) «дикий гумай, тростник»

jar (др.-тюркск.) «лист»

jakrgan (др.-тюркск.) «растение»

{ jakan (узб.) (бот.) «сечь скученная»

{ jut- (уйг.) «исчезать, теряться, пропадать»

juca (татар.) «тонкий, худой, худощавый»

6) j : c

сuxla (сuxla-) «обыск; обыскивать»

сүгххә «ловкий; вертлявый; ловко, вертляво»

^v
сүсі «веник, метла, связка; растение, из которого делают веник»

^v
сарі «лист»

^v
сәх, «дягиль»

^v
сүт- «исчезнуть, ускакать, убежать»

^v
сuxа «худой, нежирный», перен. «тонкий, легкий»

7) j : cc

jaг- (др.-тюркск.) «разбить, рассеять, раскалывать»

jaга (др.-тюркск.) «рана, ссадина, язва»

jaг- (др.-тюркск.) «состязаться»

juх- (азерб.) «падать, сшибаться, обрушиваться, свалиться»

^{vv}
ссаг- «гумно; рассеять, развеять, разбить»

^{vv} ^{vv}
ссигул сsin «гнойная жидкость», досл. «вода раны, язвы». Здесь имеем форму род. с аблаутом в основе (a>u); восстанавливается форма им. пад. *саг-

^{vv}
сса- «состязание, соревнование, спор; состязаться, соревноваться, спорить»

^{vv}
ссix «поскользнуться, обрушиться; кататься; каток»

8) j : v

ju- (азерб.) «помыть»

juge (каз.) «растение»

juv- (др.-тюркск.) «снабжать, обеспечивать, помогать, дарить»

joу (др.-тюркск.) «доверять»

julax (др.-тюркск.) «светильник»

{ jogci (др.-тюркск.) «вождь»

{ joguk (азерб.) «искусный»

{ jugni (др.-тюркск.) «настоящий человек»

joγan (азерб.) «одеяло»

jugak (др.-тюркск.) «сердце»

juβu (др.-тюркск.) «кара, возмездие»

vi- «полоскать»

viñxi «растение»

viv- «обеспечить материально, создать зажиточную жизнь (комму-либо)»

viñ- «доверять, поверить»

vilax «очаг, светильник»

^v
viγicu «новобрачный; герой»

viγan «одеяло»

virđak «сердцевина»

viçux- «кара, возмездие»

Согласно вышеприведенным примерам, диахрония тюркского языкового влияния на лакский характеризуется следующими тенденциями трансформаций тюркских звуков на лакской почве: $j:j, j:\gamma, j:l, j:t, j:c, j:cc, j:v$.

Эти оппозиции отражают реальные звукосоответствия (звукотрансформации), не априори, а апостериори.

Объективные диахронические уровни выделяются в зависимости от звукоформ тех тюркских слов, которые были заимствованы лакским языком. Для этого на базе условно выделенных собственно тюркских лексических единиц, исходя из лакских тюркизмов, устанавливаются (восстанавливаются) именно те тюркские единицы, которые фактически были заимствованы лакским языком.

Априори известно, что тюркские лексические единицы при проникновении в лакский язык подвергаются определенной фонетической трансформации в рамках замены звуков тюркских языков ближайшими их лакскими эквивалентами, вплоть до тождества.

Рассматривая вышеприведенный список лакских тюркизмов и исконно тюркских слов с точки зрения осуществления замены ближайшими эквивалентами вплоть до их адекватности, получим следующие фактические звукотрансформации.

I. В примерах первой группы (см. $j:j$) имеем случай перехода тюркского j в лакский язык без всякой трансформации. Спирант j в анлауте представлен во многих тюркских языках⁵, в частности в азербайджанском и его диалектах⁶. Следовательно, имеем $j>j$ (тенденция тождества).

II. В примерах второй группы (см. $j:\gamma$) тюркский j в лакском трансформировался в γ . Здесь имеет место отодвижение артикуляции назад: среднеязычный спирант j на лакской почве перешел в заднеязычный спирант γ . Правда, в некоторых тюркских языках, как и диалектах азербайджанского языка, имеем заднеязычный спирант γ , соответствующий j в других тюркских языках⁷. Однако такое соответствие наблюдается внутри слова, но не в анлауте. Значит, имеем $j>\gamma$ (тенденция звукотрансформации).

III. Принято считать, что в анлауте сонорный l тюркским языкам не свойствен⁸.

Правда, l , соответствующий спиранту j , в анлауте sporadически представлен в куткашенском говоре азербайджанского языка: $las-las!$ «цып-цып!»⁹. В этом говоре наличие j , т. е. $j>l$, можно считать действующим фонетическим законом, ср. русск. $jasik>lasik$ «ящик»¹⁰.

Таким образом, если следовать нашей же процедуре, лакские тюркизмы с анлаутным l , соответствующим ряду внутритюркских звукосоот-

⁵ См.: Н. К. Дмитриев. Соответствие $p \parallel d \parallel t \parallel dz \parallel z \parallel \dot{d}$. — В сб.: «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков». I, Фонетика. М., 1955, стр. 326; М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 160 и след.

⁶ М. Ш. Ширэлијев. Азербайжан диалектологјасынын асаслары. Баку, 1962, стр. 85.

⁷ Там же, стр. 90.

⁸ М. Ряснен. Указ. раб., стр. 182.

⁹ На возможность анлаутного l в тюркских звукоподражательных словах указывает М. Ряснен. См.: М. Ряснен. Указ. раб., стр. 182.

¹⁰ Примеры из куткашенского говора нам любезно сообщил научный сотрудник Ин-та языкознания АН Азерб. ССР Зираддин Хасиев.

ветствий j и ..., заимствованы лакским языком без трансформации анлаутного звука. Значит, имеем $l > l$ (*тенденция тождества*)¹¹.

IV. Из ряда соответствий j и ... в тюркских языках наиболее близким эквивалентом лакскому абруптиву t (см. $j : t$) является d , представленный, например, в азербайджанском¹², балкарском, казахском и других языках¹³. Можно допустить трансформацию тюркского звонкого d в абруптив t на лакской почве с промежуточным оглушением $d > t$. Оглушение могло быть и в источнике заимствования и на лакской почве. Но если допустить оглушение на лакской почве, то мы не найдем объяснения дальнейшей его абруптивизации. С другой стороны, если бы лакским языком был заимствован звук d , он скорее геминировался бы¹⁴ (ср. др.-тюркск. *udu* «спать», лакск. *uttu* «спать; лечь») или сохранил бы то же качество (ср. др.-тюркск. *day* «тавро, клеймо» в лакск. *day* в том же значении).

Факт оглушения наблюдается в самих тюркских языках, например в карачаевском¹⁵.

Таким образом, остается абруптивизация тюркского $t > t$ (*тенденция звукотрансформации*).

V. Из ряда соответствий j и ... в тюркских языках наиболее близким эквивалентом лакскому s (см. $j : s$) является тюркский свистящий звонкий dz . Однако, если бы лакским языком был заимствован звонкий dz , то он скорее геминировался бы (ss) или остался бы в звонком же качестве, но только с дезаффрикатизацией (в лакском отсутствуют звонкие аффрикаты). Поэтому можно считать, что в лакском языке dz заимствован в

¹¹ Мы не можем не учесть и того, что явления соответствия $j : l$ присущи не только тюркским языкам: они представлены в языках и иных систем, в частности дагестанских. Например, крыз. *lipka* «точильный камень» — *lipka* «плоский камень». (Примеры нам любезно сообщил ст. научн. сотр. Ин-та языкознания АН Азерб. ССР Ш. М. Саадиев).

Можно предположить, что в некоторых случаях анлаутный l в лакском языке является окаменелым классным экспонентом и восходит к $*j$. Вероятно, переход j в l с последующим окаменением в лакском языке увязывается с тюркским языковым влиянием типа хазарского, сопровождающим смешение самих носителей языков. Возможно, переход собственно лакского $*j$ происходил с промежуточным $*j > p$ или одновременно. Любопытно, что в самих тюркских языках также наблюдается $j > p$ (см.: М. Рясянен. Указ. раб., стр. 162 и сл.), что находит отражение опять-таки в лакских тюркизмах (напр., тюркск. *jix* «течь, течение» — лакск. *pix* «река»).

Вместе с тем в лакском языке наблюдаем обратное явление $l > j$. Например: каз. *laksa*, ног. *laksa* и лакск. *jaxsa* «лапша».

По-видимому, в рамках *Turcica-Dagestanica*, а также в тюркских и дагестанских языках, как и в любом другом языке, следует разграничить нетипичное звукосоответствие $j : l$ ($j > l$ и $l > j$), связанное со случайностями, детской речью, с «незнаменательными» словами типа звукоподражательных, и звукосоответствие $j : !$, связанное со спецификой того или иного языка и имеющее систематическое выражение в знаменательных словах. Такое разграничение нужно делать в лакском языке и на уровне тюркизмов и вообще заимствований.

Подробно не останавливаясь на вопросе о возможности прямого заимствования тюркского l или его трансформационном характере на лакской почве (ибо в данном случае это принципиального значения не имеет: суть наших построений не меняется), отметим: переход тюркского $j > l$ на лакской почве не укладывается в общую систему тенденций освоения тюркских звуков на лакской почве. Ср.: отодвижение артикуляции назад, абруптивизация, геминация (об этом см. ниже), а в случае допущения $j > l$ имел бы место единственный случай *латерализации*.

¹² М. Ш. Ширалиев. Указ. раб., стр. 85.

¹³ М. Рясянен. Указ. раб., стр. 162—163.

¹⁴ Тенденция геминации исконного d исторически присуща лакскому языку. См.: Н. С. Джидалаев. Категории грамматического класса и лица в лакском глаголе. Канд. дисс., Баку, 1965.

¹⁵ М. Рясянен. Указ. раб., стр. 141.

глухом варианте, представленном в отдельных тюркских языках¹⁶. Следовательно, имеет место абруптивизация $s > s$ (тенденция звукотрансформации).

VI. Из ряда звукосоответствий j и ... в анлауте наиболее близким эквивалентом лакскому s является dz , который встречается во многих тюркских языках. В данном случае можно предположить в качестве ближайшего источника лакского абруптива s тюркский s . Он представлен как глухой вариант звонкой аффрикаты dz во многих тюркских языках (см. выше). Следовательно, можно говорить об абруптивизации глухой аффрикаты $s > s$ (тенденция звукотрансформации).

VII. Из всех звукосоответствий в тюркских языках j и ... в анлауте наиболее близким эквивалентом лакской геминированной аффрикаты ss является звонкая шипящая аффриката dz , представленная во многих тюркских языках¹⁷, в том числе в хазарском¹⁸, контактировавшем с лакским языком. (Если бы лакским языком был заимствован глухой вариант, он или трансформировался бы в абруптив s или функционировал бы без трансформации как s).

Эта аффриката заимствована лакским языком в качестве *media* *Jepe*. Хазарский dz , как полагают, занимает среднее положение между глухим и звонким¹⁹. Примечательно, что гемината в лакском языке, как и в некоторых других дагестанских языках, полувзвонкая²⁰. Значит, имеем геминацию тюркской звонкой аффрикаты $dz > ss$ (тенденция звукотрансформации).

VIII. Наблюдаются звукосоответствия ($j : v$) между некоторыми тюркскими языками, а также между диалектами азербайджанского языка, причем имеем $j > v$ и $v > j$ ²¹. Однако они встречаются только в инфиксе и ауслауте, но не в анлауте²². Поэтому формальное соответствие $j : v$ в исконно тюркских словах и лакских тюркизмах нужно считать звукотрансформацией тюркского j в лабиальный v на лакской почве.

Данная трансформация обусловлена позиционно: перед лабиальным гласным u (см. примеры группы $j : v$) тюркский j в лакском языке лабиализуется и переходит в v , вследствие чего последующий лабиальный гласный u в свою очередь делабиализуется и переходит в i . Значит, имеем $j > v$ только перед гласным u (тенденция звукотрансформации, обусловленная позиционно).

¹⁶ См.: Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 233, 237, 238; М. Ряснен. Указ. раб., стр. 161.

¹⁷ М. Ряснен. Указ. раб., стр. 161 и след.

¹⁸ М. Ряснен. Указ. раб., стр. 160. На основании косвенных лингвистических данных и экстралингвистического подтверждения возможность наличия в хазарском языке звонкой аффрикаты dz , адекватной ряду звукосоответствий j и ..., подтверждает В. Гукасян (см. его «Тюркизмы в «Истории албан» Монсея Утийского». — Сб. «Структура и история тюркских языков» (в печати).

¹⁹ См.: Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 233.

²⁰ Л. И. Жирков. Лакский язык. М., 1955, стр. 106; Ю. Д. Дешериев. Хиналугский язык. М., 1955, стр. 14.

²¹ М. Ш. Ширалиев. Указ. раб., стр. 90—91.

²² М. Ряснен допускает возможность наличия в анлауте тюркских слов пратюркского периода лабиального v , соответствующего в новых тюркских языках спиранту j .

Звукотрансформация $j > v$ перед лабиальным гласным принимается за особую тенденцию, так как имеет свою бинарную оппозицию, ср. тюркск. $jog\gamma a$ — лакск. $jig\gamma a$ «иноходь» и т. д.

Исходя из вышензложенного, можно установить следующие тенденции звукосоответствий тюркских звуков на лакской почве:

1) $j > j$ — эквиолентное соответствие;

2) $j > \gamma$ — веляризация;

3) $l > l$ — эквиолентное соответствие;

4) $t > t$ — абруптивизация;

5) $s > \dot{s}$ — абруптивизация;

6) $s > \underset{v}{\dot{s}}$ — абруптивизация;

7) $dz > \underset{vv}{ss}$ — геминация;

8) $j > v$ — позиционно обусловленная лабиализация.

Таким образом, в диахронии тюркского языкового влияния на лакский язык трансформационный этап охватывает диахронические уровни веляризации, абруптивизации и геминации; а этап тождества сводится к эквиолентным соответствиям.

ИССЛЕДОВАНИЕ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

С. КАСКАБАСОВ

ГЕРОИ КАЗАХСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Древнейшим героем казахской волшебной сказки, воплощавшим идеалы первобытного охотничьего общества, был, как справедливо отмечалось в свое время академиком М. Ауэзовым, *aṅsi-mergen* «охотник-стрелок». Его образ отличается от сказочных образов охотников более позднего времени¹. Внешний облик и подвиги древнего охотника-мергена, как правило, героичны и фантастичны. Охотник предстает в этих сказках богатырем, чьи достоинства призваны идеализировать древний охотничий уклад². Этот охотник-богатырь то и дело вступает в единоборство со сказочными чудовищами, олицетворяющими силы зла, и неизменно побеждает их³. Таким образом, *aṅsi-mergen* не обычный охотник, он скорее защитник людей, спасающий их от нависшей опасности. Эта особенность наиболее отчетливо проявляется в тех сказках, где герой отправляется на поиски своей возлюбленной, попутно избавляя людей⁴ от угрожающих им фантастических чудовищ.

Таким образом, героем древней волшебной сказки казахов является прежде всего тот, кто мужественно вступает за нуждающихся в помощи людей (например, царевен, похищенных дивами, или даже целых городов, откупающихся от чудовищ, принося в дань им девушек). Тем самым волшебная сказка становится на защиту слабых, тех, кому угрожает смертельная опасность. Однако эта сказка еще лишена социальных мотивов, которые появляются лишь с возникновением классового общества.

В патриархально-феодальную эпоху, характеризовавшуюся длительными междоусобицами и непрестанной борьбой с многочисленными внешними врагами, героем сказок, вместо прежнего богатыря-охотника, становится уже богатырь-воин. Он выступает не только против кровожадных чудовищ, но и против вполне реальных людей — представителей враждебных родов и племен. Враг теперь не только похищает сестру, жену или возлюбленную героя, но и разоряет его родной аул, уводит в плен

¹ М. Ауэзов. Ертегілер. — «Қазақ әдебиетінің тарихы», т. I, I кітап. Алматы, 1960, стр. 226—227.

² В. Е. Гусев. Эстетика фольклора. Л., 1967, стр. 274.

³ «Кара-мерген». — Пантусов, II, стр. 35; «Охотник Истан». — ЭО, 1906, № 1, 2; «Чудесный охотник». — ЭМ, 1805, III; «Кара-мерген». — РФ ЦНБ, 74; «Каримбай мерген». — Там же, 162; «Мамай батыр». — РФ ИЛИ, 116 и др.

⁴ «Ильгезер батыр». — «Астр. В.», 1897, № 2543; «Сказка о золотоволосом Тотамбае». — Бекимов, 1904, № 5; «Желим батыр». — РФ ЦНБ, 69; «Жарти Тостик». — РФ ИЛИ, 119; «Сын Ушар хана». — РФ ЦНБ, п. 69 и др.

его соплеменников, угоняет их стада. И богатырь-воин отважно вступает в борьбу с вероломным врагом как защитник и освободитель⁵. Нередко он вступает и за оказавшийся в беде и нуждающийся в его помощи чужой род.

Таким образом, с изменением исторических условий меняется и общественный идеал. Героем сказок становится защитник рода и племени; обладающий необыкновенными достоинствами. Наделенный еще при рождении богатырской силой, он в последующем в одиночку одерживает победы даже над целым вражеским войском. В отличие от героев прежних волшебных сказок, которым помогали сверхъестественные силы, сказочный богатырь-воин чаще всего обязан своими победами собственной отваге, силе и находчивости.

Одним из главных героев волшебной сказки у казахов, как и у многих других народов, является также младший сын⁶ в семье. О причинах такого общераспространенного восхваления в сказках младшего сына написано немало⁷. Например, в работе Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки», автор отвергает прежние концепции о генезисе сказочного юниората и выдвигает свою гипотезу, согласно которой идеализация младшего сына в сказке возникла на почве борьбы минората и майората. Майорат приводил к тому, что младший сын в семье оказывался обделенным. И сказка становится на его сторону, поскольку основу ее эстетики составляет защита обездоленных. При этом подчеркивается враждебное отношение старших братьев к младшему. Однако казахский материал противоречит концепции Е. М. Мелетинского, показывая, что идеализация младшего сына в сказке была возможна и до возникновения майората.

Как известно, до Великой Октябрьской социалистической революции казахи жили в условиях патриархально-феодалного уклада, при котором сохранились многие старые родовые обычаи, в том числе и минорат. Существование минората у казахов еще в XIX в. подтверждается многими авторами. Один из них в 1846 г. писал: «По смерти отца, живущие в отделе его сыновья, которые при жизни его получили свои инчи (удел. — С. К.), не имеют никакой прикосновенности к оставшемуся от него имению, которое без всякого исключения остается в непосредственном владении сына, который жил при нем не в отделе»⁸. А в сборнике казахских обычных прав, изданном в 1871 г., читаем: «...самый младший сын, называемый по-киргизски (по-казахски. — С. К.) кенжебала, по очереди женитьбы всегда последний, есть, так сказать, *полный и коренной наследник всему отцовскому* (курсив наш. — С. К.), остающемуся от наделения инчами всех других братьев, не имеющих уже никакого права претендовать ни при жизни отца, ни после его смерти на то, что осталось от него, хотя бы это во сто и даже в тысячу раз превышало полученные доли»⁹. Несколько позднее, в 1884 г., В. В. Радлов тоже писал: «Богатый киргиз (казах. — С. К.) старается при жизни сделать самостоятельными старших сыновей: выделяет старшему значительную часть скота и покупает ему зимовье. Если до конца дней отца все живут вместе, происходит рав-

⁵ «Хан-Шентей». — Радлов, III, № 1; «Еркем-Айдар». — Там же, № 2; «Богатырь Ирбусун». — Васильев, I, стр. 37—39; «Сказка о Карашаш Сулу...» — Бекимов, 1904, № 3; «Темир-Гендик». — Потанин, 1917, № 38 и др.; «Мерген-Дарыши». — Потанин, 1917, № 15; «Кендебай на Кергуле».

⁶ Н. С. Смирнова. Казахская народная поэзия. Алма-Ата, 1967, стр. 39.

⁷ Обстоятельный разбор и критику работ, посвященных образу младшего сына в сказках, см. в книге Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки». М., 1958, стр. 64—71.

⁸ Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата, 1948, стр. 97.

⁹ Там же, стр. 189.

ный раздел, но это бывает редко, так как невыгодно младшему сыну. Наследником оставшегося имущества и отцовского жилища является младший сын»¹⁰.

Таким образом, отношение казахов к младшему сыну было особым: он пользовался любовью родителей, большими привилегиями, оставался хозяином *ülk'eñ soñugak* «большого отцовского дома», тогда как старшие сыновья получали свои енши и отау и отделялись от отца. Следовательно, младший сын являлся наследником всего хозяйства, на которое старшие братья не имели никаких прав. Как наследник, он устраивал поминки по умершим родителям, выполнял посмертно их волю, следил за соблюдением всех родовых традиций и т. д. Поэтому он пользовался поддержкой всего патриархального рода. Видимо, в этом и следует искать причину его идеализации в сказке.

Казахские волшебные сказки, героем которых является младший сын, можно условно разделить на две группы. К первой относятся сказки, где младший сын выступает в роли богатыря-охотника, избавителя от чудовищ и спасителя попавших в беду людей¹¹. Ко второй же — сказки, в основе которых лежит конфликт между братьями. В последних старшие братья коварством и любыми другими средствами стараются нанести ущерб младшему¹².

Сказки первой группы, несомненно, древнее. Это подтверждается, в частности, тем, что младший сын в них изображается богатырем-охотником, то есть идеалы исторически более позднего периода здесь воплощаются в образы, характерные для более раннего. Кроме того, в сказках этой группы отсутствует мотив противоборства братьев, характерный для более позднего родового строя.

В сказках первой группы старшие братья героя наделены благородством, силой и знаниями¹³, часто приходят ему на помощь и выручают его из беды. Эта группа сказок отражает характерные для родового строя сильно развитые родственные чувства. И все же сказка отдает предпочтение младшему брату, наделяя его более высокими достоинствами.

Младший сын в сказках первой группы нередко обладает волшебной силой, на помощь ему приходят различные сказочные персонажи. Сказки в различных вариантах повествуют о том, как фантастические чудовища (чаще всего это — *ajdahar*) требуют, чтобы в жертву им был принесен именно младший сын, для спасения которого ставятся невыполнимые, с точки зрения здравого смысла, условия¹⁴. И тем не менее младший сын благополучно проходит через все испытания и доказывает свое превосходство над чудовищем.

¹⁰ W. Radloff. Aus Sibirien. 1884. В. I, стр. 416. Цит. по кн.: Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958, стр. 92.

¹¹ «Жалмауыз-кемпир». — Миропнев, 1888, стр. 32—35; «Итыгиль». — Харузина, 1898, стр. 102; «Карагылыш». — Васильев, I, стр. 53—58; «Сказки об одном мурзе». — Бекимов, 1904, № 1; «Ер-Тостик». — Потанин, 1917, № 13; «Джаналы». — Там же, № 35 и др.

¹² «Каратай». — КСГ, 1896, № 40, 41; «Сказка о Карашаш Сулу». — Бекимов, 1904, № 3; «Три брата». — Мелков, 1925; «Карауйрек». — РФ ИЛИ, 114; «Три сына бедняка». — Там же, 118 и мн. др.

¹³ «Девять братьев». — Васильев, 1898, I, стр. 3—6; «Похищенная царевна». — ЭО, 1909, № 4; «Семеро искусных». — РФ ЦНБ, 10; «Царевна и рабыня». — Там же, 82; «Три сына бедняка». — РФ ЦНБ, 39.

¹⁴ «Кокжан батыр и дракон». — РФ ЦНБ, 204; «Ауез хан и его 40 сыновей». — Там же, 56; «О 30-ти сыновьях». — РФ ИЛИ, 109; «Жалмауыз кемпир». — Миропнев, 1888, стр. 32—35.

Таким образом, волшебная сказка казахов идеализировала младшего сына еще в период существования минората, видя в нем защитника патриархальной родовой общности и охранителя родовых традиций.

С присоединением Казахстана к России процесс распада родовых отношений и большой семейной общины у казахов усиливается. Зарождается малая моногамная семья, вступающая в борьбу за получение большей доли наследства. Старшие братья — главы выделившихся семей — все чаще выражают недовольство неравномерным распределением отцовской собственности. Это недовольство проявляется прежде всего в отношениях старших братьев к младшему — наследнику состояния отца, и приводит к борьбе между ними.

Эту борьбу и отразили волшебные сказки, отнесенные нами ко второй группе. Правда, враждебное отношение старших братьев к младшему мотивируется в сказках не столько их стремлением завладеть наследством, сколько их завистью к достоинствам и удачливости младшего. Особенно яркое выражение это нашло в сказках, где отец дает сыновьям трудновыполнимые поручения, с которыми, как правило, справляется именно младший сын. Строя против него козни, старшие братья стараются избавиться от него, помешать ему вернуться домой, убедить отца, что они более достойны наследовать его богатства или ханский престол. Но младший сын, как правило, чудесным образом спасается, и справедливость в конечном итоге торжествует¹⁵.

В некоторых сказках причина неприязни старших братьев к младшему мотивируется тем, что невеста младшего брата, добывшего, преодолев множество препятствий, невест себе и братьям, оказывается красивее. И братья из зависти стараются погубить его и завладеть его девушкой. Однако и здесь все завершается благополучно для младшего брата¹⁶.

Как видно, сюжет этих сказок со временем претерпел примечательные изменения: если раньше (при расцвете минората) повествование заканчивалось тем, что младший брат добывал жен себе и братьям, то впоследствии (при ослаблении минората) возникла еще и тема коварства старших братьев.

Небезынтересно отметить, что после присоединения Казахстана к России, казахи заимствовали у русских без всяких изменений сказку «Три брата», записанную А. Белослюдовым в Восточном Казахстане (РФ ЦНБ, 1398). Ее тема — обездоленное положение младшего брата, что уже во многом перекликалось с казахской действительностью.

Таким образом, младший сын идеализируется в сказке периода угасания минората не только потому, что он является наследником и хранителем родового очага и культа, но и потому, что притесняется старшими братьями (основа сказочной эстетики — идеализация защитников обездоленных и самих обездоленных).

Следовательно, сказочный юниорат проходил в своем развитии два этапа: а) ранний этап — идеализация младшего сына в эпоху расцвета родового строя, ибо он — хранитель родовых традиций и обычаев; б) поздний этап — идеализация младшего сына в период распада родовых отношений, ибо теперь уже он попадает в положение гонимого и социально обездоленного.

¹⁵ «Три брата». — РФ ЦНБ, 86; «Чудесная птица». — РФ ИЛИ, 125; «Царь Абдрахман». — Там же, 189 и др.

¹⁶ «Каратай». — КСГ, 1896, № 40, 41; «Сказка о Карашаш Сулу...» — Бекимов, 1904, № 3; «Три брата». — Мелков, 1925, стр. 19—23; «Карауйрек». — РФ ИЛИ, 114; «Три сына бедняка». — Там же, 118; «Асан батыр». — Там же, 124.

Сказочная эстетика нашла особенно яркое выражение в образах невинно гонимых женщин, сирот и тазша (плешивый). Наиболее древними из подобных сказок являются те, в которых повествуется о девушках, оставляемых родителями или родственниками в степи или в лесу¹⁷. Мотив преследования детей родителями, по-видимому, связанный с некоторыми обрядами, весьма архаичен. Так, было принято девушек, достигших половой зрелости, держать в изолированном помещении, отводить детей в лес для инициации и т. д. Со временем эти обряды ритуального происхождения переосмыслились, на их основе возникали рассказы о невинно гонимых девушках¹⁸ и т. д.

Но, повествуя о покинутых родителями девушках, сказка обычно избирает объектом идеализации младшую дочь. Например, три сестры становятся женами одного и того же хана или бая. Младшая дарит мужу детей. Завидуя ей, бездетные старшие сестры подменяют новорожденных детей щенятами и добиваются ее изгнания¹⁹. Но сказка берет под защиту несправедливо изгнанную младшую сестру. Она наделяет ее умом и терпением, всячески превозносит над коварными и жестокими старшими сестрами.

По всей видимости, в такой идеализации младшей сестры сохранились отголоски существовавшего при матриархате женского минората, при котором на младшую дочь в семье возлагалось выполнение особых религиозных функций, связанных с родовым культом, в связи с чем она приобретала специальные знания в области магии. Не случайно, например, во многих сказках младшая дочь царя обязательно угадывает в грязном, оборванном тазша батыра-красавца и объявляет его своим женихом. Старшие сестры, выходящие замуж за именитых людей и на первых порах потешающиеся над ее избранником, впоследствии терзаются муками зависти²⁰.

Таким образом, сказки о младшей дочери представляют собой близкую параллель сказкам о младшем сыне²¹.

С разложением классического родового строя утрачивает свое значение и прежний брачный обычай. Теперь уже нельзя жениться на свояченицах, и многоженец выбирает себе невест из разных родов. В связи с этим образ младшей сестры в сказке заменяется новым персонажем — младшей женой. Поскольку в полигамной семье старшая жена занимала главенствующее положение и каждая из жен имела в свою очередь власть над последующими, младшая жена оказывалась наиболее бесправной и становилась объектом постоянного преследования со стороны остальных. Это положение нашло свое отражение и в сказках, в которых обычно бесплодные старшие жены завидуют младшей, дарящей мужу детей, и всеми средствами стремятся опорочить ее. Будучи изгнанной вместе со своими детьми, младшая жена после многих злоключений доказывает свою правоту и добивается торжества справедливости²².

¹⁷ «Старик и старуха». — Васильев, 1898, № I, стр. 26—29; «Жалмауыз-кемпир». — Мироппев, 1888, стр. 35—39; «Глупое наказание». — РФ ИЛИ, 125; «Рябой щенок». — Там же, 189 и др.

¹⁸ Е. М. Мелетинский. Указ. раб., стр. 163.

¹⁹ «Три девушки». — ОР. Лг., 1894, № 39, 40; «Старик и старуха». — Васильев, 1898, I, стр. 26—29; «Рябой щенок». — РФ ИЛИ, 189.

²⁰ «Сказка о золотоволосом Тотамбае». — Бекимов, 1904, № 5; «Таласпай-мерген». — Потанин, 1917, № 11; «Серый жеребенок». — РФ ЦНБ, 217.

²¹ Е. М. Мелетинский. Указ. раб., стр. 164.

²² «Алтын Айдар». — Васильев, 1898, I, стр. 31—37; «Хан Шаншар». — РФ ЦНБ, 170; «Бездетный хан». — Там же, 183; «Заарлык». — Там же, 1398.

В ряде сказок дети младшей жены наделяются сверхъестественными достоинствами, и старшие жены стараются погубить их. Некоторые фольклористы склонны видеть в этом сюжете отражение древнего обычая уничтожения детей, родившихся с какими-либо знаками или отметинами на теле²³. На наш взгляд, такое представление неверно. Беря под защиту оклеветанную и незаслуженно преследуемую молодую женщину, сказка благоволит и к ее детям. Мальчик, родившийся с золотым туловищем, оказывается к тому же необычайно сильным, красивым и храбрым. Он в дальнейшем побеждает чудовище, добывает себе жену, восстанавливает права матери.

Враждебное же отношение старших жен к младшей объясняется, на наш взгляд, не только чувством зависти. Здесь, по-видимому, кроется социально-экономическая подоплека: старшие жены, будучи бездетными, не могут претендовать на значительную долю наследства. А младшая жена вместе со своими детьми имеет все права на него. Потому-то старшие жены и хотят любым путем добиться изгнания младшей и ее детей. Но сказка—верная защитница тех, кто незаслуженно попадает в беду. Она приходит на помощь преследуемой матери и ее детям, приводит все к благополучному завершению.

Одним из наиболее ярких социально обездоленных персонажей казахской волшебной сказки является сирота. Следует сразу же оговориться, что сказок о сироте у казахов немного. Причина этого кроется, на наш взгляд, в некоторых родовых обычаях и институтах казахов, связанных с отношением к сиротам. К ним прежде всего относится обычай аменгерства, согласно которому род покойного женит на вдове кого-нибудь из сородичей мужа (чаще всего младшего брата умершего). После этого дети покойного уже не считались сиротами и пользовались теми же правами, что и родные дети отчима. В казахском обществе широко практиковался в прошлом и обычай усыновления. Новыми родителями сироты становились бездетные люди, которые принимали его в свой род, воспитывали и женили, выделяя ему долю наследства.

Если желающих усыновить сироту не было, в силу вступал институт опеки, что подтверждается свидетельствами многих авторов. По этим данным можно судить, как изменялось положение сирот в связи с изменениями в казахском обществе. Так, в документе, относящемся к первой половине XIX в., читаем: «Детей, оставшихся после отца или матери, несовершеннолетних лет, кои еще именем владеть не в состоянии, поручают ближнему родству под опеку, а ежели родственников нет, то посторонних достойных определяют к ним до возраста настоящего», — писали в 1824 г. члены Омского временного комитета²⁴.

Во второй половине XIX в. положение сирот претерпело значительные изменения. Статистики Семипалатинской области в 1886 г. писали: «Бывают примеры, что опекуны обижают опекаемых, обделяют их при выделе имущества или возвращают не все...»²⁵

В этот период в связи с процессом распада патриархально-феодалных отношений, приведшим к угасанию некоторых прежних родовых обычаев и традиций, сирота оказался в социально обездоленном положении, которое нашло образное выражение в пословице: «sesesi bar zetiminñ

²³ Е. М. Мелетинский. Указ. раб., стр. 169.

²⁴ Материалы по казахскому обычному праву, стр. 68.

²⁵ Там же, стр. 262.

basynnda tarak, kol ojnar, sesesi zok zetimniñ basynnda bit pen sirke ojnar» «на голове сироты при матери играет гребенка и рука; на голове сироты без матери играют вши и гниды».

И сказка «как самый демократический жанр фольклора»²⁶ берет сироту под защиту. Так у казахов появляются сказки о сироте. Но в отличие от европейских эти сказки повествуют в основном о вражде старших жен многоженца к детям младших соперниц²⁷. В подобных сказках вновь проявляется основа сказочной эстетики — защита и идеализация обездоленных.

Одна из самых демократических и колоритных фигур в казахской волшебной сказке — тазша, образ которого характерен для сказок всех тюрко-монгольских народов. Тазша фигурирует не только в волшебных, но и бытовых сказках. Внимание казахских фольклористов этот образ обычно привлекает в бытовых, особенно в так называемых k'üldirgi erte-giler — смешных (анекдотических) сказках²⁸. При этом они вполне справедливо подчеркивают, что тазша в сказках наделяется незаурядным умом и смекалкой.

Однако подобный подход к образу тазша, на наш взгляд, страдает односторонностью, не позволяет проследить его эволюцию. Тазша в волшебных сказках — характерный образ, происхождение которого восходит к древней магии, а в бытовых — это перевоплощающийся хитрец и ловкач. В этой связи Н. С. Смирнова полагает, что появление образа тазша в казахской волшебной сказке имеет связь с древним магическим обрядом очищения²⁹.

Образ тазша в казахской волшебной сказке раскрывается двояко. В одной группе сказок герой лишь носит личину тазша, на какое-то время берет на себя его роль. В этом случае имеет место проявление сказочной эстетики «низкого». Подобного «тазша» можно встретить в сказках, где герой, на время надев на себя эту личину, отправляется в другое ханство, нанимается на службу к хану и в конце концов, после многих приключений, женится на его дочери³⁰.

Почему же герой, занимающий часто довольно высокое положение на социальной лестнице, добровольно принимает облик тазша, поступает в услужение к будущему тестю и лишь спустя какое-то время раскрывает ему, кем является в действительности. На это фольклористы отвечают по-разному. По мнению одних, в этом следует усматривать генетическую связь образа тазша с обрядом инициации³¹. По мнению же других, «безобразная маска... имеет значение магического оберега и вместе с тем генетически связана с ряжением в шкуру животного»³². Однако обе эти точки зрения не исключают, а, напротив, дополняют одна другую.

²⁶ Е. М. Мелетинский. Указ. раб., стр. 256.

²⁷ Наряду со сказками о женах-соперницах у казахов имеются сказки о злой мачехе. Но количество их ничтожно. Ибо понятие «мачеха» возникло у казахов очень поздно, после установления моногамной семьи.

²⁸ М. Әуезов. Ертегілер. — Қаззақ әдебиетінің тарихы, т. I, кн. I, стр. 251—252; М. Әуезов, Е. Ысмайлов. Қаззақ ертегілері. Алматы, 1957, т. I. Кіріспе, стр. XXVI—XXVII; М. Ғабдуллин. Қаззақ халқының ауыз әдебиеті. Алматы, 1958, стр. 134—135; «Двое сирот». — РФ ЦНБ, 65.

²⁹ Н. С. Смирнова. Указ. раб., стр. 39.

³⁰ «Хан-Шентей». — Радлов, III, № 1; «Еркем Айдар». — Там же, № 2; «Сказка о Карашаш Сулу». — Бекимов, 1904, № 3; «Сказка о золотоволосом Тотамбае». — Там же, № 5; «Таласпай мерген». — Потанин, 1917, № 11; «Алеуко батыр». — Там же, № 14; «Аби и Таби». — Там же, № 40; «Серый жеребенок». — РФ ЦНБ, 217 и др.

³¹ В. Я. Пропп. Исторические корни..., стр. 122; Н. С. Смирнова. Указ. раб., стр. 39.

³² Е. М. Мелетинский. Указ. раб., стр. 254; В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше..., стр. 264.

Разница лишь в том, что первая точка зрения указывает на более широкую основу, так как в обрядах инициации имели место и обереги от злых сил, и ряжение в шкуру животного. Таким образом, мы видим, что перевоплощение героя в тазша связано с циклом обрядов инициации.

Обычно герой сказок принимает облик тазша в следующей ситуации: направляясь на поиски невесты, он встречает в пути пастуха-тазша, переодевается в его одежду, натягивает на голову овечий пузырь и, явившись к будущему тестю в таком виде, занимается пасти его стада. В подобном положении герой находится обычно до тех пор, пока не женится на суженой и не займет трон тестя. Но женится он, как правило, по инициативе девушки, чаще всего младшей дочери хана, которая первой догадывается, что он не тот, за кого себя выдает, и выбирает его себе в мужья. Но и после этого герой не раскрывает себя. Над младшей дочерью хана, избравшей себе в мужья человека, у которого *baltyru kotyr, basy 1az* «ноги в болячках, голова — плешивая», все насмеваются. Хан также недоволен выбором дочери и посылает молодых в самой бедной юрте. Герой проходит через многие испытания, совершает различные подвиги, по-прежнему оставаясь тазша, пока хан не узнает, кто он на самом деле.

Все это, как верно отмечает Е. М. Мелетинский, «косвенно отражает брачный порядок и свадебный обряд, характерный для матрилокального брака»³³. Как известно, при этом брачном порядке существовал обычай «отработки» права на невесту, согласно которому жених до свадьбы (иногда и после) должен был в течение некоторого времени работать на дом будущего тестя. В сказке это выражалось в том, что герой под видом пастуха-тазша пас стада будущего тестя. С течением времени эта «отработка» переходит в брачные испытания, которые мнимый тазша выдерживает с честью: побеждает в стрельбе, скачках и борьбе. Теперь герою можно было бы и открыться. Но он все еще этого не делает. Наоборот, каждый раз после совершения подвига он скрывается. В этом фольклористы усматривают пережиточное отражение древнего обычая «убегания жениха»³⁴. Элементы такого обычая наблюдались в прошлом и у казахов: жених до свадьбы мог тайно посещать невесту, но при этом не должен был показываться ее родителям; и после свадьбы до определенного времени зять старался не заходить в юрту, где находился тесть. Наконец, о связи образа мнимого тазша с матриархатом свидетельствует и то, что дочери хана сами выбирают женихов, т. е. тазша женится на суженой по ее инициативе. А отец последней, хотя и недоволен выбором, соглашается на этот брак: он бессилен противиться решению дочери.

Таким образом, мы видим, что присущее матрилокальному браку «низкое» положение жениха в доме тестя (магическое ряжение, служба в низкой должности и убегание)³⁵ соответствует «низкому» состоянию героя сказки, т. е. сказочной эстетике.

Кроме мнимого тазша, в роли главного героя сказок нередко выступает и тазша подлинный, являющийся им по своему социальному положению. Будучи лишенным необходимой пищи, одежды и жилья, он неустанно трудится в холоде и в жару, спит под открытым небом. Его основное занятие — пастьба скота. Поэтому у казахов слова пастух и тазша почти равнозначны.

³³ Е. М. Мелетинский. Указ. раб., стр. 244.

³⁴ Там же, стр. 245.

³⁵ Кстати, пережитки обычая «низкого» положения зятя в доме тестя сохранялись у казахов почти до начала XX в. Зять в доме тестя обязан сидеть у порога (где обычно сидят неуважаемые люди) и не имел права сидеть на *töre* — почетном месте (*küjeudin oғу* — *bosaуа* «место зятя — у порога»).

Тазша — человек, находящийся на самой низкой ступени социальной лестницы. Люди чураются его, считают неразумным и дурным человеком, ибо «голова его в парше, а тело в чесотке». За ним нередко закрепляется прозвище *таша* «плохой». Образ такого тазша в сказке — продукт более позднего времени, а потому он ярче и острее разработан в бытовых сказках. В них тазша — активный герой — хитрец, неизменно обводящий вокруг пальца своих противников. Он прямая противоположность тазша волшебных сказок, несколько глуповатого человека, «не подающего никаких надежд».

Волшебные сказки казахов о подлинном тазша делятся в основном на две группы.

К первой относятся сказки со сходным сюжетом, в которых тазша обычно «покупает» сон и, отправившись на поиски приснившегося, женится на ханской дочери, по ошибке принимающей его за своего возлюбленного. В одной из стран, куда тазша попадает во время своих странствий вместе со своей женой, в нее влюбляется местный хан. Чтобы избавиться от тазша и заполучить его жену, хан дает ему невыполнимые поручения. Но жена тазша волшебница, с ее помощью он все их выполняет, и в конце концов, сместив коварного хана, занимает его место³⁶.

Сюжет сказок второй группы тоже имеет много общего. Разгневавшись по какому-то поводу на свою дочь, хан выдает ее замуж за тазша и изгоняет молодых. Но благодаря уму жены тазша преодолевает все трудности и становится наследником хана³⁷.

Таким образом, в сказках обеих групп тазша в конечном итоге обретает счастье. Но обязан он этим не себе, своей активности, как, например, эпический мнимый «тазша» или же хитроумный тазша бытовых сказок, а счастливому стечению обстоятельств и мудрой жене.

Выставляя тазша столь малопривлекательным, сказка тем самым подчеркивает его «низкое» положение в обществе. Но вместе с тем она полна искреннего сочувствия к тазша и в конечном итоге делает его богатым и счастливым, наделяет умом, благородством, знатностью. В ряде случаев сказка настолько возвышает тазша, что его превосходство вынужден признать и сам хан. Так, народ-сказочник воспеваает выходца из своей среды, возвышая его над представителями знати.

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что главные герои казахской волшебной сказки, являющиеся выразителями эстетических идеалов народа, менялись вместе с изменением характера общества и его идеалов. В первобытном обществе идеалом и героем сказок был богатырь-охотник, помогавший попавшим в беду, в позднеродовом — богатырь-воин, защищавший свой род и племя, а в классовом обществе — защитник обездоленных и сами невинно преследуемые.

В этих образах отразилось народное представление о правде и справедливости, о прекрасном и возвышенном, о благородстве и самоотверженности защитников обездоленных и гонимых.

³⁶ «Проданный сон». — Радлов, III, № 4; «Золотой конь». — РФ ЦНБ, 34; «Как сбился сон?» — РФ ИЛИ, 123; «Плешивец, купивший сон». — Там же, 481.

³⁷ «Дочь хана». — Радлов, III, № 3; «Кульмесен и Акыл-Сара». — АОВ, 1876, № 19; «Гуси и девушка». — Тур. Г., 1895; «Плохого мужчину...» — Тур. Г., 1903, № 11; «Дочь хана и плешивец». — РФ ЦНБ, 66; «Плешивый». — РФ ИЛИ, 125 и др.

Условные сокращения:

1. АОВ — газ. «Акмолинские областные ведомости», 1876—1899.
2. Астр. В. — газ. «Астраханский вестник», 1890—1899.
3. Бекимов, 1904 — М. Бекимов. Материалы к изучению киргизского народного эпоса. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XX, вып. 4—5, Казань, 1904.
4. Васильев, 1898, I — А. Васильев. Образцы киргизской народной словесности, вып. I, Оренбург, 1898.
5. КСГ — газ. «Киргизская степная газета», 1890—1902.
6. Мелков, 1925 — А. Мелков. Материалы по киргизской этнографии и сказке. — «Труды общества по изучению киргизского края». Оренбург, 1925.
7. Миропиев, 1888 — М. Миропиев. Демонологические рассказы киргизов. СПб., 1888.
8. Ор. Лг. — Газ. «Оренбургский листок», 1881—1903.
9. Пантусов, I—II — Н. Пантусов. Материалы к изучению казак-киргизского наречья, вып. I—II, Казань, 1901—1902.
10. Потанин, 1917 — Г. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. СПб., 1917.
11. Радлов, III — В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. III. СПб., 1870.
12. РФ ИЛИ — Рукописный фонд Института литературы и искусства АН КазССР.
13. РФ ЦНБ — Редкий фонд Центральной научной библиотеки АН КазССР.
14. Тур. Г. — «Тургайская газета», 1895—1908.
15. Харузина, 1898 — В. Харузина. Сказки русских инородцев с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями. М., 1898.
16. ЭМ — «Этнографические материалы». — Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, вып. I—XI, Ташкент, 1891—1904.
17. ЭО — Журн. «Этнографическое обозрение», 1890—1915.

РЕЦЕНЗИИ

О КНИГЕ Д-РА НАДИРА ВАЗИН ПУРА «СТРУКТУРА ГЛАГОЛА В ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ (С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ)»¹

استخوان قبل در زبان رکی از دیدگاه زبانشناسی دکتر نادر وزین پور تهران — ۱۳۴۸

Иран — страна с чрезвычайно пестрым народонаселением. Тем не менее как в средних, так и в высших учебных заведениях Ирана преподавание ведется исключительно на персидском языке.

В последнее время при Тегеранском университете создана кафедра общего языкознания, включившая в учебную программу изучение и тюркских языков. Это обстоятельство вызвало необходимость создания учебников и пособий по азербайджанскому языку. К этой работе привлекли специалистов, знающих персидский и азербайджанский языки. В 1964 г. в Тегеране был издан «Самоучитель азербайджанского и персидского языков» д-ра Салямуллага Джавиди. Написанный на языке фарси, он рассчитан на широкий круг читателей и носит сугубо практический характер. В 1965 г. в Тавризе и Тегеране вышла в свет книга М. А. Ферзана «Основы грамматики азербайджанского языка»².

Обе книги, особенно вторая, содержат богатый материал по азербайджанскому языку и могут оказать большую помощь в его изучении. Вместе с тем они не претендуют на научное освещение основных проблем азербайджанского языка.

В 1969 г. в Тегеране вышла книга д-ра Надира Вазин Пура «Структура глагола в тюркском языке (с точки зрения языковедения)». Эта книга одобрена Отделом языкознания литературного факультета Тегеранского университета, чем официально признаны ее научные достоинства.

Сама идея создания такого труда, где сопоставляются глаголы турецкого, азербайджанского языков и тавризского диалекта, весьма многообещающая: ведь глаголу наряду с именем существительным принадлежит центральное место в системе частей речи. Сопоставление и сравнение фактов этих языков, их анализ и обобщение могут привести к научным выводам, интересным и ценным как для общего, так и особенно тюркского языкознания. К этому именно и стремится автор — д-р НаDIR Вазин Пур.

В связи с тем что рецензируемая книга написана на персидском языке и мало доступна широкому кругу советских читателей, позволим себе несколько подробнее остановиться на изложении ее содержания.

Книга Н. Вазин Пура включает «Предисловие» (стр. 1), обзорную главу «Вводная часть и общий взгляд на структуру глаголов тюркского языка» (стр. 3—4) и следующие разделы: «Фонемы азербайджанского языка» (стр. 5—14), «Корень глагола» (стр. 15—19), «Инфинитив» (стр. 19—20), «Глагол, структурные элементы глагола» (стр. 20—34), «Времена глагола» (стр. 35—87), «Основы переходного глагола» (стр. 87—94), «Пассивные глаголы» (стр. 94—96), «Отыменные глаголы» (стр. 97—103), «Отрицательная (форма) глагола» (стр. 103—107), «Вопросительная (форма) глагола» (стр. 108—109); «Список тюркских слов, встречающихся в этой книге, с их персидскими переводами» (стр. 109—111) и «Список некоторых (особенно) употребительных тюркских глаголов» (стр. 112—117).

В предисловии автор подчеркивает, что в его распоряжении не было никаких источников, однако при этом он ссылается на следующие книги:

¹ Тегеран, 1969, 117 стр.

² خرد آموز زبان آذربایجانی و فارسی، تالیف دکتر سلام اله جاوید، تهران، سال ۱۳۴۳

م. ع. فرزانه، مبانی دستور زبان آذربایجانی، تبریز، ۱۳۴۴

I. Общие источники на английском языке: 1. *H. A. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics, Revised Edition.* 2. *Charles F. Hockett. A Course in Modern Linguistics.* 3. *André Martinet. Elements of General Linguistics.* Эти источники широко известны и переведены на русский язык.

II. Источники по стамбульскому турецкому языку: 1. G. L. Lewis. *Teach Yourself Turkish.* 2. Dr. Ragip Özdem. *Türk Dili Semineri Çalışmalarından.*

В предисловии Надир Вазин Пур пишет: «В процессе этого исследования (у нас) не было ни одного источника, который мог бы облегчить работу и оказать помощь в составлении грамматических правил и, к счастью, это обстоятельство явилось причиной того, что сам тюркский язык стал главным источником исследования и все грамматические правила составлены непосредственно на основе языковых данных». Здесь же автор предупреждает, что затронутые в его труде вопросы освещаются в соответствии с методикой описательного языкознания, что может оказаться непонятным для лиц, не знакомых с наукой о языке. Далее он пишет: «Полагая, что эти вопросы впоследствии могут быть легко разъяснены широкому кругу читателей, мы предпочли придать этому исследованию научный характер»; «уже давно я думаю о том, что, изучая строй глагола тюркского языка, можно установить грамматические законы для глаголов этого языка. После долгих поисков и исследований были определены и научно обоснованы факторы глагольного образования и разработаны устойчивые правила грамматики, которые в этой книге предлагаются тем, кто ими интересуется».

Не совсем убедительно утверждение автора, что ему якобы были недоступны источники, посвященные объекту его исследования. По этому вопросу имеется обширная литература на многих языках и в первую очередь на турецком и азербайджанском. Мы не можем допустить мысли о том, что автор не владеет тюркскими языками, ибо его труд посвящен одной из важных проблем именно этих языков. Поэтому непонятно, каким образом остались вне поля зрения автора такие источники, как, например, «Самоучитель азербайджанского и персидского языков» д-ра Салямуллаха Джавиди и «Основы грамматики азербайджанского языка» М. А. Ферзана, которые вышли в свет в Тегеране, где была издана и его собственная книга.

В первой главе д-р Надир Вазин Пур говорит об отличительных особенностях глагола тюркских языков, корень которого всегда остается неизменным, а характер длительности действия и время определяются инфиксами *ميانوند* и суффиксами *پسوند*, доходящих числом иногда до шести в структуре одного глагола. В доказательство им приводятся примеры, поясняющие функции каждой морфемы. Употребляя термин «морфема», автор в сноске делает оговорку, что он не нашел более подходящего и обобщающего слова и потому принял этот термин. Он определяет понятие морфемы как наименьшей значащей единицы и одним из первых вводит этот термин в персидский язык. Одновременно он использует также и ряд собственных терминов.

Вторая глава посвящена фонемному составу азербайджанского языка (имеется в виду литературный язык). Автор насчитывает в азербайджанском языке 30 фонем: 9 гласных и 21 согласную. Фонемой он считает наименьшую смысловозначительную фонетическую единицу языка и называет ее персидским термином *واج* (вадж), по терминологии, введенной в персидское языкознание иранским языковедом Нателом Ханлэри *واک* (вак). Фонемы он передает арабскими буквами и транскрипцией, указывая, что в азербайджанском языке нет фонем, соответствующих арабским буквам: *ظ, ض, ط, ظ, ح*. Автор почему-то не упоминает о том, что и в персидском языке эти фонемы отсутствуют. Кроме того, как в азербайджанском, так и персидском языках нет фонем, соответствующих арабским буквам *ح* и *ع*, о которых также ничего не говорится. Наряду с этим автором не указываются имеющиеся в азербайджанском языке фонемы Г и Ж. Эти фонемы имеются и в других тюркских языках, исследуемых автором.

Мнение многих зарубежных, в том числе иранских и некоторых советских языковедов-иранистов, о том, что все персидские слова, содержащие букву *ق*, по происхождению арабские, — не соответствует действительности. Например, такие слова, как *چوق, اشلاق, الاق, فاشق* и многие другие, вошедшие в персидский язык, являются исконно тюркскими. Следовательно, утверждать, что в азербайджанском языке нет фонемы *ق* или не включать ее в число фонем этого языка (см. стр. 6—7) — является по меньшей мере плодом недоразумения. Фонема, обозначаемая арабской буквой *ق*, столь употребительна в азербайджанском языке, что забыть о ней просто невозможно. Эта фонема встречается и в тавризском диалекте, и в турецком языке, хотя в последнем она непродуктивна и не имеет специальной графемы для выражения *ق*. Эту функцию выполняет буква «g». В таких исконно тюркских словах, как *girtlak, sorgu, saygi, vurgu* и т. д. «g» соответствует именно фонеме «*ق*».

Исключив ее из фонетической системы тюркских языков, д-р Надир Вазин Пур допускает явную оплошность. Между прочим, эта фонема входит в состав согласных

фоном азербайджанского языка в вышеназванных двух книгах по азербайджанскому языку, изданных в Тегеране³.

Далее приводятся фонологические таблицы гласных и согласных в тюркских языках (в азербайджанском и турецком, а также в тавризском диалекте), дается их качественная классификация, однако анализ сопоставлений отсутствует (стр. 7—11). Лишь мимоходом отмечается, что в турецком языке количество гласных на одну меньше, чем в азербайджанском и «кавказском» тюркском языке. Под термином «кавказский тюркский язык» имеется в виду язык Советского Азербайджана, а под термином «азербайджанский тюркский язык» подразумевается язык Южного (Иранского) Азербайджана. Турецкий язык автор именует «стамбульским тюркским языком». Несмотря на неполноту, эти таблицы могут быть полезными читателю.

На стр. 12—19 характеризуется важная фонетическая особенность тюркских языков — сингармонизм.

Определение сингармонизма, как фонетической зависимости между гласными тюркских языков, не вызывает серьезных возражений. Оно излагается на уровне учебных пособий для средней школы: без научного анализа, теоретических и практических обобщений. Но когда автор обращается к примерам, призванным подтвердить высказанные им основные положения, выясняется, что он противоречит себе. Для наглядности приведем данную им итоговую обобщенную таблицу «сингармонизма».

Полная таблица «сингармонизма» гласных

после: â, î	идет â	می‌آید	۱, â	پس‌آز
a, î, e	e	می‌آید	e, î, a	پس‌آز
î, â	î	می‌آید	î, â	پس‌آز
î, e, a	ı	می‌آید	î, e, a	پس‌آز
â, u	o	می‌آید	u, â	پس‌آز
a, ü	ê	می‌آید	a, ü	پس‌آز
u, â	u	می‌آید	u, â	پس‌آز
ü, a	ü	می‌آید	a, ü	پس‌آز
a, e, î	a	می‌آید	a, e, î	پس‌آز

Как видно из таблицы, после a, e, î, ü звук â не закономерен, а в примерах, приведенных на следующих страницах (с другой целью), мы встречаем: gâl-tâx (стр. 15); âlâtâx, ye-tâx (стр. 16), gîlâtâx (стр. 17), çüçüâtâx (стр. 18). Это происходит вследствие игнорирования фонетических различий, существующих между диалектами изучаемых языков.

После краткого фонетического обзора автор приступает к разбору структуры тюркского глагола, начиная с «масдара» — инфинитива.

Не вдаваясь в подробности, автор излагает свою точку зрения на инфинитив, его место среди структурной системы глагола и приступает к анализу глагола по морфемам. Называя морфемы элементами структуры глагола, он устанавливает два вида таковых: میانوند — *пс-нд*, т. е. инфикс и суффикс. В сноске дается оговорка, что из-за отсутствия в персидском языке обобщающего термина в работе условно используется термин *мянвенд*, т. е. инфикс. Автор подчеркивает, что между этим термином и «инфиксами» персидского языка не имеется ничего общего ни в функциональном, ни в семантическом отношении.

Далее приводится термин, который, согласно известным нам источникам, не имеет установившегося значения в персидском языке и потому трудно понять, о чем идет речь: о наклонениях глагола или о его видах. Применительно к азербайджанскому языку вводится новое понятие: «качественные инфиксы» — میانوندهای کیفی. Что подразумевает автор под этим термином, непонятно. Он говорит:

اصطلاح میانوندهای کیفی: ای میاندهائی (میانزندهائی) انتخاب شده است که بلافاصله به ریشه فعلی پیوند و کیفیت انجام گرفتن فعل را نشان میدهند.

این میانزندها وظیفه تعیین زمان را ندارند، بلکه کیفیت انجام گرفتن افعال را بیان میدارند که فعلی: ما تی، استمراری، کامل است یا غیر اینهاست. در صورتی این میانزندها هنگام پیوستن به ریشه فعل طبق قانون هماهنگی صورتها تغییراتی پدید می‌آید که بعداً به آنها اشاره میشود.

(стр. 20)

«Термином *инфикс* обозначаются те средние аффиксы, которые непосредственно присоединяются к корню глагола.

³ خود آموز زبان آذربایجانی و فارسی، تألیف دکتر سلام اله جاوید، تهران—۱۳۴۳، ص ۱۵۶-۱۵۴

مع. فرانسه، مبانی دستور زبان آذربایجان، تهران، ۱۳۴۴، ص ۱۸۱۹ وابع

A. H. Кононов. Грамматика современного турецкого языка. М.—Л., 1956, стр. 14. *Muharrem Ergin*. Turk Dil Bilgisi. Istanbul, 1962, стр. 82—85 и т. д.

Не выполняя функции показателя времени глагола, они указывают на длительность, либо многократность действия, характеризуют его совершенность. Присоединяясь к корню глагола, гласные этих инфиксов, согласно закону гармонии, подвергаются изменениям, о которых будет сказано ниже.

Далее приводятся качественные разряды инфиксов, расположенных в следующей последовательности:

- 1) -ir / -ir / -ür / -ur;
- 2) -är / -ar;
- 3) -mis / -mis / -müs / -mus;
- 4) -mi / -mi / -mü / -mu;
- 5) -ip / -ip / -üp / -up;
- 6) -āgax / -āgāx;
- 7) -sā / -sā;
- 8) -ā / -ā.

Некоторых «инфиксов», таких, например, как -āgax / -agax, с конечной глухой фонемой -x нет ни в турецком, ни в азербайджанском литературном языках. В книге д-ра Надира Вазин Пура элементы азербайджанского литературного языка, турецкого языка и тавризского диалекта настолько смешаны, что иной раз трудно проследить за правильностью выводов автора. Как указывалось выше, функция показателя времени у «инфиксов» им отрицается. В то же время на стр. 21, 22, 23, 24 и др., где речь идет об этих же «инфиксах», подчеркивается, что им также свойственны и временные функции.

В главе «Производные элементы от глагола بودن «быть» автор останавливается на суффиксах (согласно принятой им терминологии : مسندها). По мнению автора, эти глагольные суффиксы характеризуются следующими особенностями: а) указывают на грамматические категории лица и числа; б) имеют две разновидности — для настоящего и прошедшего времени; в) большинство из них, подчиняясь закону сингармонизма, обладает двумя или четырьмя разновидностями. Таким образом, по мнению автора, суффиксам не свойственно выражение грамматической категории времени.

Приводятся следующие примеры с пояснениями: g'äl-ir-ām; g'äl- — корень, ir- — качественный инфикс длительности, -ām — личное окончание I лица ед. числа настоящего времени; jāz-āg-ix (обратим внимание на окончание ix); jāz- — корень, -āg — качественный инфикс длительности и многократности, -ix — глагольный суффикс I л. мн. ч. Как видим, грамматический показатель времени автором не указывается (стр. 26).

Затем следуют таблицы изменения личных окончаний в настоящем и прошедшем времени. После чего автор переходит к повелительному наклонению и его спряжению, к сложным формам глагола со вспомогательным глаголом быть, причем в заглавии — персидский глагол بودن, в тексте — глагольные причастные и именные конструкции тюркского происхождения.

В главе «Времена глагола» автор с самого начала делает категорическое заявление: «в тюркском только два времени: настоящее и прошедшее» (стр. 35). Отказав таким образом тюркскому языку в будущем времени, д-р НаDIR Вазин Пур переходит к объяснению образования настоящего и прошедшего времени.

По его мнению, каждое из этих двух грамматических времен имеет свой собственный показатель, который находит выражение в производных образованиях от глагола быть; во всех остальных случаях, когда формы глагола выходят за пределы этих двух времен (настоящего и прошедшего), функции показателя времени выполняют «качественные инфиксы глагола», т. е. те самые «инфиксы», которые, по утверждению автора (стр. 20), не являются определителями времени.

Грамматическим показателем прошедшего времени в тюркских языках он считает -d или -id, а настоящего — нуль. Структуру тюркского глагола он предлагает схематически изобразить следующим образом: корень—инфикс—показатель настоящего времени—личное окончание настоящего времени.

Иллюстративных примеров для доказательств этих положений не приводится.

В своих дальнейших рассуждениях автор опять-таки исходит из характера протекания действия и на этот раз, смешивая наклонение со временем, говорит:

در ترکی تصیغات زمان حال بر اساس کیفیت انجام گرفتن فعل فرار دارد، زیرا اصل کیفیت انجام گرفتن فعل است که همچنانکه گذشت، این عمل بوسیله میانبردهای کیفی که پیشه فعل میبویزند انجام میگردد.

اقسام زمان حال

۱-زمان حال شرطی

۱-زمان حال عادی

۲-زمان حال التزامی

۲-زمان حال استمراری

۳-زمان حال کامل التزامی

۳-زمان حال کامل

۴-زمان حال فصدی (آینده)

(стр. 36)

«В тюркском (языке) классификация настоящего времени основана на принципе учета качества (характера) протекания действия, ибо главное то, как совершается действие, о котором речь шла раньше; принцип этот осуществляется при помощи качественных инфиксов, присоединяющихся к корню глагола.

Разряды (формы) настоящего времени:

1 —	настоящее время привычности,
2 —	» » длительности,
3 —	» » совершённое,
4 —	» » намерения (будущее),
5 —	» » условное,
6 —	» » долженствования,
7 —	» » долженствования совершённое».

Таким образом, здесь категории времени, вида и наклонения смешаны и преподнесены читателю как одна категория.

Из дальнейших примеров, приведенных автором, следует, что все глагольные инфиксы и суффиксы служат для образования грамматического времени, причем все разряды наклонений, за исключением повелительного, также включаются им в число временных категорий.

После краткого обзора разрядов настоящего времени автор приступает к разбору структуры прошедшего времени. По классификации и терминологии автора, в тюркских языках различают следующие прошедшие времена: прошедшее простое, прошедшее привычное, прошедшее длительное, прошедшее совершённое, прошедшее намерения, прошедшее условное, прошедшее долженствования, прошедшее долженствования совершённое.

Далее приводится таблица спряжения глаголов во всех временах, наклонениях и, по всей видимости, всех видов, поскольку д-р Надир Вазин Пур нигде не упоминает о различии наклонения и вида. Среди «качественных категорий» прошедшего времени только прошедшее простое имеет нулевой инфикс, т. е. не имеет грамматического показателя качества протекания действия. Все остальные времена обладают дополнительными грамматическими признаками, характеризующими качество действия. Автор различает еще одно прошедшее время — прошедшее желательное, как, например, в предложениях: *g'ārāk buy-dâ-lâri evâ geytar-ayd-ix* «Надо было вернуть домой пшеницу» (стр. 80) и т. д.

Затем следует повелительная форма наклонения, причем она спрягается во всех лицах как в единственном, так и во множественном числе.

Все примеры взяты исключительно из тавризского диалекта.

Последующие страницы посвящены вопросу переходности и непереходности глаголов. Как и в предыдущих разделах, автор начинает с морфологического анализа, не вдаваясь в подробности вопроса. Указывается, что в тюркских языках имеются переходные, непереходные, дважды переходные глаголы.

В разделе «Правила образования переходности» отмечается, что фонема «t», присоединяясь к корню непереходных глаголов, делает их переходными, например:

$\bar{a}rimax$ — $\bar{a}ritmax$; $gizarmax$ — $gizartmax$; $gizlänm\bar{a}x$ — $gizlätm\bar{a}x$ и т. д. К сожалению, автор не приводит таких вариантов, как, например, «yatmak»: этот глагол непереходный, и с прибавлением к корню «t» он не становится переходным.

Подобные глаголы имеют варианты: «yatırmak», «yatirtmak» и т. д.

Автор указывает, что морфологическая особенность глагола связана с его фонетическим — слоговым составом и что при образовании переходности в зависимости от количества слогов глаголы принимают разные морфемы.

Последняя глава книги посвящена отыменным производным и сложным глаголам тюркского языка. Наряду с глаголообразующими морфемами рассматриваются и вспомогательные — перифрастические формы глаголов.

В конце основного раздела д-р Надир Вазин Пур дает полные парадигмы глагола тавризского диалекта в положительной и отрицательной формах с переводом на персидский язык. Учитывая почти полное отсутствие фактического материала по тавризскому диалекту, мы приводим эти парадигмы, полагая, что они дадут читателю хотя бы частичное представление о строе глагола тавризского диалекта азербайджанского языка.

نفي الافعال

بعد از ریشه فعل قرار میگيرد

رای نفي کردن فعل، ميانوند

Для образования отрицательной формы глагола после корня глагола прибавляется инфикс -та / -mä

	dār-mis-ām ^v	چیده'ام
	dār-mā-mis-ām ^v	نچیده'ام
دویدم	gac-d-im ^v	دوید
ندویدم	gac-ma-d-im ^v	ندوید

نکته-پیش از میانوند کیلی که با مصوتی آغاز شده باشد مصوت میانوند نفی حذف میشود. (стр. 103)

Примечание: 1) Перед качественным инфиксом, начинающимся с гласной, гласная инфикса отрицания выпадает:

Bāyān-ir-ām ^v	می‌پندم
Bāyān-m-ir-ām ^v	نمی‌پندم
Basar-ar-am ^v	بدم
Basar-m-ār-ām ^v	بلد نیستم

نکته ۲- میانوند نفی در صیغه‌های حال و گذشته فصدی و حال و گذشته التزامی گونه -mi / -mī دارد

2) Формы глаголов в настоящем и прошедшем времени со значением намерения или долженствования содержат в себе частицу -mi / mī:

حال قصدی	g'i-āgay-am ^v	میخواهم بروشم (خراهم برشید)
	g'i-mi-āgay-am ^v	میخواهم بروشم (نخواهم ببرشد)
گذشته قصدی	gi-āgay-id-im ^v	میخواستم بروشم
	gi-mi-āgay-id-im ^v	نمیخواستم بروشم
حال قصدی	atil-agay-ām ^v	میخواهم ببرم (خواهم برید)
	ātīl-mi-agay-am ^v	میخواهم ببرم (نخواهم ببرید)
حال التزامی	g'ārāk baris-a-san ^v	باید آشتی کنی
	g'ārāk baris-mi-a-san ^v	باید آشتی نکنی
گذشته التزامی	g'ārāk baris-ayd-in ^v	باید آشتی میکردی
	g'ārāk bais-mi-a-yd-in ^v	باید آشتی نمیکردی
حال التزامی	gārāk bil-ā-sān ^v	باید بدانی
	gārāk bil-mi-ā-sān ^v	باید ندانی

نکته ۳- میانوند ماد تی در زمان گذشته منفی گونه = az² دارد نه ar²

3) Инфикс привычный в прошедшем времени имеет частицу az², а не ar²:

Bic-ār-d-im ^v	درو میکردم
Bic-m-āz-d-im ^v	درو نمی‌کردم
otur-ār-d-ix ^v	می‌نشستم
otur-m-āz-d-ix ^v	نمی‌نشستم

صرف تمام زمانها بصورت منفی برای اول شخص مفرد از مصدر

4) Спряжение глагола چیدن во всех временах в отрицательной форме в I лице:

Настоящее время —

زمان حال

dār-m-ār-ām^v

نمی‌چینم (عادی)

dār-m-ir-ām^v

نمی‌چینم (استمراری)

dār-mā-mis-ām^v

نچیده'ام (کامل)

dār-mi-agay-am^v

نمی‌خواهم بچینم (قصدی)

āg'ār- dār-mā-sā-m^v

اگر بچینم (شرطی)

g'ārāk dār-mi-am^v

باید بچینم (التزامی)

g'ārāk dār-mā-mis-ol-ām^v

باید نچیده باشم (کامل التزامی)

Прошедшее время:

dar-mā-d-im
 dār-m-āz-d-im
 dār-m-ir-d-im
 dār-mā-mis-d-im
 dār-mi-agay-ıd-im
 āg'ār-dār-mā-sā-yd-im
 g'ārāk-dār-mi-ā-yd-im
 g'ārāk dār-mā-mis
 ol-a-yd-im

زمان گذشته

نچیدم (ساده)
 نمی چیدم (عادت)
 نمی چیدم (استمراری)
 نچیده بودم (کامل)
 نخرخاستم بچینم (فقدی)
 اگر نمی چیدم (شرطی)
 بید نمی چیدم (التزامی)
 باید نچیده باشم (کامل التزامی)

مثال

Biz o ca-j-a yetis-mā-mis-ix
 Sān g'eg g'āl-mā-d-in

ما به آن رودخانه نرسیده ایم
 تو در نیامدی

Повелительное — отрицательное наклонение: نمی صرفه امر (فعل نهی)

mā², mi⁴
 -mi / -mī / -mū / -mu
 -mā / -mā

بی بند سوم شخص مفرد و جمع که در صیغه امر از تغییر چهار گانه پیروی میکرد در نهی تغییر دو گانه دارد:

صیغه امر با دو میانوند

اول شخص مفرد و جمع و دوم شخص جمع با

دوم شخص و سوم شخص مفرد و سزم شخص جمع با

-sin / -sın
 sāp-mi-im
 sāp-mā
 sāp-mā-sin
 sāp-mi-âx
 sāp-mi-in
 sāp-mā-sin-lār
 sāt-mi-im
 sāt-mā
 sāt-ma-sin
 sāt-mi-âx
 sāt-mi-in
 sāt-ma-sin-lar

نپاشم
 نپاشد (مباشد)

نه وشم
 نفرش (مفروش)

g'ör-mü-üm

g'ör-mā

g'ör-mā-sin

g'ör-mi-âx

g'ör-mü-ün-

g'ör-mā-sin-lār

vur-mu-un

vur-mā

vur-mā-sin

vur-mu-âx

vur-mu-un

vur-mā-sin-lar

نپیشم

نپین (مپین)

نزنم
 نزن (مزن)

Как видно из вышеуказанных примеров, д-р Надир Вазин Пур во временную категорию включает категории наклонения и вида, хотя по началу книги создается впечатление, что его интересует именно характер (качество) протекания действия, а не временные категории. И все же в процессе исследования автор был вынужден обратиться к анализу категории времени.

Различные аспекты фонетики, лексики и морфологии тюркских глаголов нашли детальную разработку в трудах многих советских и зарубежных ученых. Тем не менее некоторые морфологические аспекты изучения глагола в тюркских языках до настоящего времени остаются спорными, особенно взаимосвязь категорий вида и времени.

Одни ученые отрицают категорию вида в тюркских языках (например, в азербайджанском), другие, наоборот, настолько преувеличивают ее значение, что даже временную категорию глагола воспринимают как видовую. Именно так поступает д-р Надир Вазин Пур и потому отвергает наличие будущего времени. В этой связи необходимо подробнее остановиться на данном вопросе.

Язык и его единицы многомерны, и любой языковой элемент должен рассматриваться с точки зрения семантики, фонетики и грамматики. Анализ любого языкового факта предполагает обязательное сочетание этих трех элементов. Семантика наряду с объективным содержанием имеет субъективный оттенок, и часто при толковании фонетико-грамматических категорий с точки зрения семантики возникают разногласия. Чтобы устранить разногласия, необходимо исключить субъективные факторы.

Когда говорят о наличии тех или иных языковых категорий, естественно, имеют в виду не только их чисто семантические, но и материально-фонетические и структурно-грамматические проявления в языке. На наш взгляд, это и есть объективный метод определения любого языкового факта, в том числе категории вида.

Имеются ли в тюркских языках семантико-грамматические признаки для определения категории вида глагола? Видовая категория в тюркских языках в спрягаемых формах глагола переплетается с временными категориями. Поэтому для определения видовой категории надо временные категории исключать, т. е. искать ее в неспрягаемой форме глагола — в инфинитиве.

Многие категории глагола определяются по неличной форме, например: переходность, непереходность, нейтральность; действительный, страдательный, средний залог и т. д. Есть некоторые категории, дополнительно возникающие в процессе движения, действия, состояния; например, наклонение, время, лицо, число, модальность и т. д. Следовательно, глагол, обозначающий процесс действия, имеет гораздо больше категорий, нежели глагол, выражающий состояние. Таким образом, видовую категорию следует искать в инфинитиве, а временную — в выражающих процесс действия. Если в инфинитиве нет специального признака вида, то эту функцию будет выполнять признак времени, хотя бы потому, что время само по своей природе может быть коротким, привычным, совершённым, длительным и т. д.

Нам кажется, что в таких тюркских глаголах, как $\dot{a}zm\ddot{a}k' - \dot{a}zisdirm\ddot{a}k'$, $\dot{d}\ddot{o}ym\ddot{a}k' - \dot{d}\ddot{o}y\ddot{a}gl\ddot{a}tm\ddot{a}k'$ морфемы $-is, -ag / -l\ddot{a}$ являются признаками вида, ибо они действительно указывают на характер протекания действия. Возможно, что таких глаголов немного, например: $\dot{t}\ddot{a}pm\ddot{a}k' - \dot{t}\ddot{a}pisdirm\ddot{a}k' - \dot{t}\ddot{a}p\ddot{a}l\ddot{a}sdirm\ddot{a}k'$, $\dot{d}\ddot{u}rtm\ddot{a}k' - \dot{d}\ddot{u}rtusd\ddot{u}rm\ddot{a}k'$, $gapmag - gapisdirmag, x\ddot{ı}rdalamag - x\ddot{ı}rdalasdirmag, didm\ddot{a}k' - didisdirm\ddot{a}k'$ и т. д.

Имеются и семантические параллели совершенных, несовершенных глаголов и морфемы. Например, в глаголах $\dot{a}y\ddot{a}rtmag, g\ddot{o}y\ddot{a}gtm\ddot{a}k'$ морфемы $-\ddot{a}r / -ag$ являются не только основообразующими, но и видовыми. В тюркских языках в инфинитиве видовая категория хорошо выражается в перифрастических формах⁴.

Следует учитывать еще и то, что различные грамматические аффиксы иногда являются оморфемами. Например, только что приведенные видо-основообразующие аффиксы $-\ddot{a}r / -ag$ (в $\dot{k}\ddot{o}z\ddot{a}rtm\ddot{a}k, bozartmag$) с видо-временными аффиксами $-\ddot{a}r / -ag$ ($\dot{b}oz\ddot{a}rt\ddot{a}r, \dot{k}\ddot{o}z\ddot{a}rt\ddot{a}r$), аффиксы переходности $-ir / -ir, -\ddot{u}r / -ur, -dir / -dir, -dur / -d\ddot{u}r$ с соответствующими временными аффиксами и аффиксами сказуемости (например: $\dot{i}tm\ddot{a}k' - \dot{i}t\text{-}ir\text{-}m\ddot{a}k' - \dot{i}t\text{-}ir\text{-}ir\text{-}di, cat\text{-}mag - cat\text{-}dirmag - cat\text{-}dir\text{-}mis\text{-}dir$ и т. д.). Можно допустить, что аффиксы причастия $-mis / -mys / -m\ddot{u}s / -mus$ также являются оморфемами с видо-временными аффиксами $-mis / -mys / -m\ddot{u}s / -mus$, хотя их общее происхождение не вызывает сомнения. Но они функционально отличаются друг от друга; например, причастия в тюркских языках не имеют категории лица и числа, а прошедшее-настоящее время на $-mis$ в функции сказуемого — имеет.

Возможно, эти и подобные оморфемы когда-то произошли от одного корня, но синхронно они выполняют различные функции.

Теперь на вопрос о наличии вида в тюркских языках можно ответить положительно, ибо эта категория явно проявляет себя в неопределенной форме глагола и имеет свои собственные морфемы.

В спрягаемой форме глагола появляются новые временные аффиксы или же существующие видо-залоговые аффиксы дополнительно выполняют временную функцию и

⁴ Об этом см.: М. С. Михайлов. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965.

наоборот. Во всяком случае, временные морфемы $-di^4$, $-mis^4$, $-ir^2$, $-ar^2$, $-asak^4$ не входят в неопределенную форму простого и производного глагола. Три из них — $-mis^4$, $-ar^2$, $-asak^2$ — могут использоваться при образовании перифрастической формы глагола, но тогда они теряют свою хагую глагольную особенность и превращаются в именную часть составного глагола (например, $g\acute{e}tmis\ olmag$. Ср. $agylly\ olmag$, $adam\ olmag$).

Таким образом, эти аффиксы никак нельзя считать только видовыми, как это делает д-р Надир Вазин Пур, тем более нельзя отрицать наличие будущего времени в тюркских языках.

В книге имеется много орфографических ошибок, неточных переводов и неустановившихся терминов, которые затрудняют понимание содержания. Например, в начале книги прошедшее несовершенное время $tuturdux$ передается в персидском языке формой $داشتیم$ $g\acute{a}l-ir-\acute{a}m$ — формой $دارم می آیم$ (стр. 12—21), а к концу $b\acute{a}y\acute{a}p-ir-\acute{a}m$ $نمی چیدم$ $d\acute{a}r-m-ir-d-im$ $می بیندم$ (стр. 103—104), тогда как $tutmagda\ idik'$ $دارم می آیم$ — $g\acute{a}lm\acute{a}kd\acute{a}j\acute{a}m$ и т. д.

Иной раз, чтобы доказать правильность своих выводов, автор умышленно берет такой вариант перевода, который соответствует его цели. Например, для того чтобы показать будущее категорическое, которое, по его мнению, якобы выражает не время, а намерение, автор слово $gi-aga\acute{y}at$ сперва переводит как $میخواهم بوشم$, т. е. «хочу одеваться», а потом в скобках указывает: ($خواهم بوشید$ «буду одеваться»). Здесь

$میخواهم بوشم$ вообще ни при чем, ибо оно обозначает не $giy\acute{a}z\acute{a}j\acute{a}m$, как это предполагает автор, а $ist\acute{a}jir\acute{a}m\ g\acute{e}j\acute{a}m$. Последний перевод и по смыслу и по форме точно соответствует персидскому варианту $میخواهم بوشم$.

Несмотря на все вышеуказанные недостатки, книга д-ра Надира Вазин Пура «Структура глагола в тюркском языке (с точки зрения языковедения)» как первый опыт монографического исследования глагольной системы тавризского диалекта азербайджанского языка заслуживает внимания, поскольку изучение морфологии тюркских глаголов, особенно в неисследованных диалектах, является одной из актуальных проблем современной тюркологии.

Р. Султанов

А. С. АМАНЖОЛОВ. ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ
ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ*

Изучение древнетюркских письменных памятников имеет весьма важное теоретическое и практическое значение в решении спорных или же еще неизученных вопросов тюркских языков. В этом плане монография А. С. Аманжолова «Глагольное управление в языке древнетюркских памятников» представляет значительную научную ценность.

Работа посвящена одному из малоизученных вопросов исторического синтаксиса тюркских языков — глагольному управлению (в ней охватываются древнетюркские письменные памятники V—XI вв.).

Исследование глагольного управления, являющегося одним из узловых вопросов грамматики и лексики тюркских языков, связано с семантикой управляющего глагола, обусловленной им категорией переходности и непереходности, а также с залогообразованием, склонением имен существительных, употреблением падежей и т. д.

Монография состоит из введения (стр. 3—4), четырех глав (стр. 5—97), заключения (стр. 97—99). В конце даются условные обозначения источников (стр. 100—102).

В первой главе — «Назначение глагольного управления в системе синтаксических связей слов» — говорится о подчинительных синтаксических связях (определительные, обстоятельственные и объектные) между компонентами словосочетаний, раскрывается их сущность, выделяются три типа синтаксических связей в тюркских языках: согласование, управление и примыкание, уже достаточно стабилизировавшиеся в языке орхоно-енисейских памятников. Далее автор останавливается на каждой из них.

Согласование, как и в современных тюркских языках, в языке памятников древнетюркской письменности выражается в лице и реже в числе между подлежащим и сказуемым, между подчиняющим и подчиненным компонентом именных словосочетаний. В древнетюркских письменных памятниках выявляются и случаи отсутствия согласо-

вания в лице при выражении предикативной и определительной связей, когда первый компонент именных словосочетаний выражен притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже: *bizin, sü* [*biziŋ sü*]¹ «наше войско», *bəgin, at* [*bəgin at*] «лошадь бека» (стр. 9). Остатки употребления именных словосочетаний типа *bizin, sü* [*biziŋ sü*] сохранились в современных тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, например, *bizim ev* «наш дом», *bizim sähär* «наш город» и т. д.

Встречается несогласованность, с точки зрения современных тюркских языков, в словосочетаниях типа *özüm arzuladı* [*özüm arzuladı*] «я сам пожелал». Автор объясняет это следующим: *özüm* [*özüm*] исторически означал «моя самость, мое естество» — отсюда согласование в третьем лице (стр. 9).

В определительных словосочетаниях типа *bizin, sü* [*biziŋ sü*] «наше войско» между интонационно обособленными или в какой-то степени адвербиализованными падежными формами имен, выступающими в предложении в роли различных обстоятельств (времени, места, причины, образа действия, сравнения и т. д.), и сказуемыми (именными и глагольными) автор вслед за М. Д. Лесликом выделяет падежное примыкание. Вряд ли это в целом можно считать приемлемым относительно древнетюркских письменных памятников. Возьмем из «Памятника в честь Тоньюкука» такой пример: *Ol küntä tägti Türk budun Tämir qaruyqa Tinäsi oyly jatuy-*

ma taŋqa tämis, idi joq ärmis (Топ. 46, 47). «В те дни тюркский народ достиг Железных ворот и достиг горы—местопребывания сына Тинэси, (где) не было предводителя» (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 64, 69). В этом примере в словосочетаниях *Tämir qaruyqa tägti, taŋqa tägmis* подчиненные ком-

¹ В скобках дается транскрипция примеров, принятая редакцией журнала (Ред.).

поненты связаны с подчиняющими по способу управления, то есть первые компоненты по требованию вторых стоят в дательно-направительном падеже.

Примыкание. (по выражению А. С. Аманжолова, «собственно примыкание»), по мнению автора, является способом выражения определительных и обстоятельственных связей в именных и глагольных словосочетаниях.

Интересен вывод о том, что примыкание очень распространено в языке древнетюркских памятников, так как оно выступает как почти универсальный способ выражения любых синтаксических отношений, отражая в какой-то мере картину древнейшего аморфного состояния тюркских языков.

В этой же главе дается анализ различных точек зрения на управление, формулируется понятие управления. Употребление в первую очередь винительного оформленного и неформленного падежа и косвенного объекта, обусловленных семантикой переходного глагола, считается управлением, а употребление косвенных падежей при непереходных глаголах — примыканием. Таким образом, границы управления суживаются.

Задачей изучения глагольного управления автор считает установление для каждого объектного словосочетания строго обязательной падежной формы имени, управляемой переходным глаголом, а также выявление смысловых, структурных и синтаксических особенностей этих словосочетаний.

При анализе глагольного управления автор справедливо исходит из лексико-семантических и структурных особенностей глагольных основ, выступающих господствующим компонентом объектного словосочетания, а затем уточняет управляемые падежные формы имен при структурно различных группах глаголов.

Известно, что способность глагола управлять тем или иным падежом зависит от переходности и непереходности, определяемых его семантикой.

Монография охватывает весь комплекс вопросов, связанных с глагольным управлением. В отличие от ряда работ, в которых наблюдается недифференцированный подход к глаголам различных семантических групп и структурных типов, в данном исследовании каждому структурному типу глагола посвящается отдельная глава.

Автором устанавливаются характерные черты управления каждого структурного типа глагола и тем самым создается четкое представление об этой функции глаголов.

Во второй главе, состоящей из двух разделов, рассматриваются взаимоотношения корневых глаголов с прямыми и косвенными дополнениями.

Прямым дополнением, т. е. дополнением в винительном падеже, управляют глаголы действия, глаголы речи, глаголы мышления, восприятия и ощущения, ряд глаголов движения; а дополнением в дательно-направ-

тельном падеже — глаголы чувственного восприятия, глаголы подчинения, глаголы противодействия, глаголы касания; дополнением в местно-исходном падеже — глаголы со значением «спасаться, избавляться, освобождаться, отделяться, отказываться от кого-нибудь или чего-нибудь», глаголы чувственного восприятия; дополнением в инструментальном падеже управляют в основном глаголы действия².

В языке письменных памятников, как и в современных тюркских языках, имеет место употребление винительного пространственного падежа при ряде глаголов движения. В монографии это объясняется следующим образом: «Глагол движения как бы становится переходным, употребляясь с именем в форме винительного падежа, означающим место, пункт выполнения действия» (стр. 33). Вопрос о том, почему из всех непереходных глаголов лишь немногие глаголы

движения типа аш- [as-] становятся переходными и требуют дополнения в винительном падеже, остается пока открытым.

Третья глава монографии, состоящая из двух разделов, называется «Управление древнетюркского производного глагола синтетического (аффиксального) образования». Первый раздел посвящен производным отменным глаголам, их взаимоотношению с управляемыми компонентами.

В древнетюркской письменности представлены следующие лексико-семантические группы прямо-переходных глаголов, образованных от имен при помощи аффиксов -ла [-la]; -а, -э [-ā]: глаголы действия, глаголы речи, глаголы чувственного восприятия.

Во втором разделе этой главы рассмотрены основы производных глаголов, образованных от корневых глаголов, и их взаимоотношения с управляемыми компонентами.

Здесь речь идет об отношении категории залога к переходности и непереходности глагола и с возникающим в связи с этим изменением в управлении.

Аффиксы понудительного залога придают непереходным глаголам (глаголам движения, процесса, состояния) прямо-переходное значение, а переходным — каузативно-переходное. Каузативно-переходные глаголы приобретают способность управлять еще и дательно-направительным падежом (логический субъект действия). Далее анализируется образование других залогов и в связи с этим изменение переходности и непереходности глаголов.

Четвертая глава работы посвящена исследованию малозученных в тюркологии аналитических глаголов: их типам, переход-

² В последующих главах монографии в эту семантическую классификацию вводятся дополнительные группы глаголов. Данная классификация может быть приемлемой для современных тюркских языков.

ности и непереходности, особенностям управления.

По нашему мнению, в работе имеются и некоторые недочеты:

1. В монографии подчеркивается, что способностью управлять обладают лишь переходные (прямо-переходные и косвенно переходные) глаголы (стр. 17, 38). Известно, что глаголы движения, указывающие на направление движения, управляют дательно-направительным и исходным падежами: Балык-дын [baluk-dyn] (исх. п.) балык-а [baluk-a] (дат.-напр. п.), улушдын улуш-қа, ілдин іл-кэ тынчы савчы болуп йорыдымыз

[ulusdyn ulus-ka, ildin il-kä тыңсу савсу болуп йорыдымыз] «Мы бродили из города в город, из народа в народ, из государства в государство в качестве посредников» (стр. 39). Здесь глагол йоры- [jory-] управляет исходным и дательно-направительным падежами. Употребление косвенных падежей типа приведенного А. С. Аманжолов не считает управлением. В монографии говорится: «...нельзя причислять к управлению сочетания обстоятельств места с так называемыми глаголами движения (verba movendi); бар- [bar-] «идти, отправляться», йоры- [jory-] «ходить, бродить...» (стр. 38). Приведем из монографии пример с глаголом ба- [ba-] «привязывать»: Күзгүн-үг ығачқа бамыш

[küzün-ü üğaska bamys] «Привязали к дереву ворона» (стр. 26). Разница в управлении между глаголами движения типа приведенных и глаголами действия в том, что в первом случае образуются обстоятельственные словосочетания, а во втором объектные, ибо для раскрытия семантики глаголов движения требуются слова с локальным значением, а для раскрытия семантики переходных глаголов в первую очередь—слова с предметным значением.

В таком случае трудно согласиться с тезисом автора монографии о том, что приве-

денные выше глаголы движения «...в распространенном предложении могут быть соотносены с конечной или исходной, начальной точкой движения, для чего употребляются формы косвенных пространственных падежей» (стр. 38). Если согласиться с этим тезисом автора, то можно применить это и в отношении глаголов динамического воздействия на объект близких по семантике к глаголам движения: элт- [elt-] || ілт- [ilt-] «вести, тянуть, уводить», сүр- [sür-] «вести, тянуть», ыд- [yd-] || ыд- [yb-] «послать, оставлять, покидать...» (стр. 28).

Таким образом, по мнению А. С. Аманжолова, управление глаголов связывается лишь с объектным отношением, что не соответствует фактам языка.

2. В подгруппе глаголов касания даются глаголы: тэг- [täg-] «касаться, достигать»,

Түпүт-кэ кічіг тэгмәдім [tüpüt-kä kicig tägmedim] «Я немного не дошел до Тибета»; йэт- [jet-] || йит- [jit-] «достигать, сравниваться, приравниваться», Бүкәгүк-/к/э йәт-дәм [bükegük-/k/e jëtdim] «я достиг местности Бюкегюк» (стр. 43).

Как видно из приведенных примеров, эти глаголы указывают на направленное перемещение субъекта в пространстве и являются глаголами движения.

В заключение следует подчеркнуть, что наши критические замечания к постановке А. С. Аманжоловым вопроса глагольного управления объясняются несколькими ным пониманием его сущности.

В целом рецензируемая нами монография — значительное явление в области изучения исторической грамматики тюркских языков. Она может быть смело использована при составлении как сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, так и исторической грамматики отдельных тюркских языков.

Г. Кулиев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ТЮРКСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» и Институтом языкознания Академии наук СССР были проведены 21—22 ноября 1968 г. в Москве и 25—27 ноября 1969 г. в Минске два симпозиума, посвященных тюркским лексическим элементам в восточных и западных славянских языках. Ниже публикуется информация о работе этих симпозиумов.

Открывая московский симпозиум, Н. А. Баскаков подчеркнул важное значение координации усилий языковедов, работающих над проблемой тюркского вклада в славянские языки. Он отметил, что симпозиум позволит подвести итоги проделанной работы и определить задачи дальнейших исследований в области тюркско-славянских языковых связей.

Доклад Л. И. Ройзензона (Самарканд) «Некоторые мысли об изучении тюркско-славянских языковых связей» был посвящен употреблению тюркских по происхождению слов в лужицких языках. Докладчик говорил о путях проникновения тюркских элементов в эти языки, дал анализ ряда примеров заимствованной лексики. Он отметил, в частности, необходимость отличать непосредственный источник заимствования, который иногда именуют историческим, от первоисточника заимствованного слова, нередко называемого генетическим источником.

Те же теоретические вопросы затронул в докладе «Тюркизмы в лексике славянских языков и диалектов Карпатского ареала и вопросы венгерского посредничества» А. М. Рот (Ужгород). Он говорил о роли венгерского языка в распространении некоторых тюркизмов в славянских языках и, в частности, развил положение Ю. Немета о венгерском диминутивном суффиксе -d в этнониме *baskurd* и отсутствии его в русском отражении этого наименования. А. А. Абдуллаев (Махачкала), остановившись в своем выступлении на этом вопросе, ука-

зал, что русская форма *башкир* появилась сравнительно поздно (XVIII в.) как результат фонетически упрощившихся древних форм *башкирдцы* > *башкирцы*, *башкирдский* > *башкирский*, когда возникла тенденция к созданию бессуффиксных этнонимов. Ключ к подобному объяснению дают русские письменные памятники XV—XVIII вв.

О значении письменных памятников для более точной этимологизации тюркизмов говорил И. С. Козырев (Орел) в докладе «К вопросу об изучении тюркизмов русского языка», в котором сопоставлялись тюркизмы русского и белорусского языков в русской деловой переписке средневековья. Аналогичные вопросы рассматривались в докладах М. Т. Тагиева (Баку) «Наблюдения над употреблением слов тюркского происхождения в русских письменных источниках XVI—XVII вв.» и А. Н. Добромысловой (Москва) «Тюркские корни *кош*, *коч* в русском языке». Выводы, сделанные в этих докладах, основаны на богатом материале памятников средневековой русской письменности.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «О лексико-семантическом обособлении тюркских вариантных заимствований социо-этноимпического происхождения в русском языке» показала, что одновременное усвоение тюркских этнических наименований привело к их фонетической дифференциации, следствием которой явилась и дифференциация семантическая (ср. *торки*, *турки*, *тюрки*; *казак*, *казакх*; *трукмены*, *туркмены* и т. п.).

На симпозиуме впервые был проанализирован тюркский по происхождению лексический материал, встречающийся в памятниках старобелорусской письменности. Этому вопросу были посвящены доклады А. И. Журавского (Минск) «Лексика тюркского происхождения в старобелорусском языке» и А. К. Антоновича (Вильнюс) «Тюркская лексика в белорусских текстах, написанных арабским письмом». В исследованных А. К. Антоновичем письменных памятниках белорусских мусульман представлены элементы языка так называемых литовских татар.

О сложном переплетении проблем славистики и тюркологии говорилось в докладе *А. Е. Супруна* (Минск) «К изучению тюркизмов в белорусской лексике». Докладчик на ряде конкретных примеров продемонстрировал полезность географического критерия при установлении этимологии слова.

Тюркизмам в украинском языке были посвящены доклад *Р. В. Болдырева* (Киев) «О некоторых тюркских лексических элементах словаря украинских народных говоров (историко-этимологические заметки)», в котором докладчиком были продемонстрированы образцы словарных статей, посвященных тюркизмам, для готовящегося этимологического словаря украинского языка, а также сообщение *Р. И. Музафарова* (Джамбул) «К вопросу о крымскотатарско-украинских лексических связях».

В докладе *Э. Н. Кушлиной* (Душанбе) «Тюркские лексические элементы в русской речи жителей Средней Азии» говорилось о широкой употребляемости в русском языке жителей этого района слов тюркского происхождения, связанных с обозначением среднеазиатских реалий, что является важной характерной особенностью среднеазиатской разновидности русского литературного языка.

Ряд выступлений в соответствии с традицией, начало которой было положено еще в 40-е годы *Н. К. Дмитриевым*, был посвящен тюркологическим комментариям к русским словарям. О тюркизмах в составе семнадцатитомного академического «Словаря современного русского литературного языка» говорила *Р. Э. Кыясбаева* (Баку) в сообщении «Тюркизмы в современном русском языке (на материале большого академического словаря)». Сообщение *Е. Н. Шиповой* (Алма-Ата) «Об опыте работы над тюркскими лексическими заимствованиями в русском языке» было посвящено выявлению тюркских по происхождению слов в «Толковом словаре живого великорусского языка» *В. И. Даля*. Более узкие проблемы на материалах этого же словаря были освещены в докладе *И. Т. Сергеева* (Чэбоксары) «Чувашизмы в русской диалектной лексике», содержащем исчерпывающий перечень чувашских по происхождению слов, вошедших в словарь *В. И. Даля*, а также в докладе *Л. А. Кубановой* (Караачаевск) «Диалектизмы тюркского происхождения, являющиеся обозначениями лиц».

В основу доклада *Г. Н. Асланова* (Баку) «Тюркская лексика, связанная с наименованием лиц, в говорах русских поселенцев в Азербайджане» были положены материалы полевых диалектологических записей.

Э. М. Ахунзянов (Казань) посвятил свое выступление татарским лексическим заимствованиям в русских говорах Поволжья.

Диалектный лексический материал тюркского происхождения в русских островных говорах Азербайджана анализировался в сообщении *Ф. Т. Султанзаде* (Баку) «Заимствования из азербайджанского языка в

говоре села Новоивановка Кедабекского района Азербайджанской ССР».

А. А. Селимов (Махачкала) в докладе «К этимологии слов *бишлек, емурка, чалпа, чибачиба, шауш*» исследовал происхождение указанных слов, употребляющихся в русских говорах на территории Дагестана.

Разрешению этимологических проблем были посвящены доклад «К этимологии слова *харалуг* и слова *кольчуга*» *Г. Джафарова* (Москва), доказавшего тюркское происхождение обоих слов, и доклад «Пути проникновения болгарских элементов в славянские языки» *И. Г. Добродомова* (Москва), сделавшего попытку обосновать болгарско-чувашское происхождение русских слов *сапог, чулок, чёбот, ичиг, бырь* и белорусских диалектизмов *чубак, шурка* и проследившего пути движения этих слов по славянской языковой территории. Чувашско-болгарской проблематике было посвящено и сообщение *А. С. Львова* (Москва) «К происхождению старославянского *суде*», в котором автором доказывалось болгарско-чувашское происхождение этого старославянского наречия.

В докладе *Н. А. Баскакова* «Собственные имена полковцев в «Слове о полку Игореве» на обширном историко-культурном материале было дано этимологическое истолкование полковцевских личных имен, встречающихся в этом памятнике, — *Шаруканъ, Гзакъ, Кончакъ, Кобякъ, Бонякъ* и др.

А. Б. Булатов (Казань) в своем сообщении сопоставлял тюркизмы в русском и болгарском языках.

З. С. Шеломенцева (Фрунзе) поделилась опытом своей работы по составлению словаря названий жителей Киргизии и рассказала о действующих особенностях словообразования от тюркской производящей основы.

Г. С. Амиров (Омск) в сообщении «К вопросу изучения тюркских лексических элементов в языке русских писателей (на материале произведений С. Т. Аксакова)» рассказал о работе языковедов Омского педагогического института по установлению тюркизмов в произведениях русских сибирских писателей, а также литераторов, писавших о Сибири. Он сообщил, что в Омской области проводится сбор материала по тюркской топонимии и что тюркизмы в русском языке предполагается анализировать и в географическом аспекте, с учетом их распространения по русской языковой территории.

В сообщении *Т. М. Гарипова* (Уфа) «Turco-slavica в Башкирии» была изложена программа ведущейся в Башкирском университете работы по изучению тюркизмов в произведениях русских писателей и памятниках древней письменности.

Всего на Московском симпозиуме было заслушано 29 докладов и сообщений. В работе симпозиума приняли участие *А. Н. Кононов* (Ленинград), *Ю. Ф. Немет* (Будапешт), *В. Д. Аракин* (Москва), *Б. А. Серебренников* (Москва) и др.

Симпозиум показал, что в нашей стране, особенно в Москве, Ленинграде, Алма-Ате,

Баку, Уфе, Омске и некоторых других городах, развернулась большая работа по изучению тюркизмов в славянских языках (в первую очередь в русском языке), которая проводится под углом зрения исторической лексикологии, чего прежде не было. Симпозиум рекомендовал направить дальнейшую работу на создание словарей тюркских заимствований в русском, белорусском и украинском языках. Для составления таких словарей необходимо выработать и обсудить специальную инструкцию. Работа в этой области потребует сотрудничества с учеными других славянских стран.

На втором, минском симпозиуме, в организации и проведении которого принял участие и Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина, было заслушано и обсуждено 27 докладов по различным вопросам подготовки словарей тюркизмов в восточных и западных славянских языках.

Центральное место в работе симпозиума занял коллективный доклад «Проблематика словарей тюркизмов восточно-западнославянских языков» Н. А. Баскакова (Москва), И. Г. Добродомова (Москва) и А. Е. Супруна (Минск), а также доклад А. И. Журавского (Минск) «Некоторые вопросы подготовки словаря тюркизмов белорусского языка», обсуждению которых было посвящено специальное заседание.

В ходе обсуждения этих докладов подчеркивалась необходимость развернуть работу над составлением словаря тюркизмов в русском языке, а также в других восточно- и западнорусских языках, разработать инструкцию по составлению словарей тюркизмов и приступить к составлению пробных статей.

Изучению тюркской по происхождению лексики в древнерусских письменных памятниках были посвящены доклады М. Г. Булахова (Минск) «Древнерусская письменность как источник изучения лексики тюркского происхождения» и В. И. Филоненко (Пятигорск) «Анализ тюркских лексических элементов в древнерусском литературном языке (духовные грамоты XIV в.)». Если в первом докладе ставились общие проблемы более глубокого изучения тюркизмов, содержащихся в «Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1950), а также в «Московском летописном своде конца XV века» (Полное собрание русских летописей, т. XXV. М.—Л., 1949), то во втором был дан детальный анализ восьми тюркских по происхождению слов в «Духовной грамоте» Ивана Калиты.

А. Н. Качалкин (Москва) в докладе «Тюркизмы в русских памятниках XVII века» на основании анализа употребления тюркизмов в деловой письменности пограничных с тюрками районов внес ряд убедительных коррективов в «Этимологический словарь русского языка» М. Р. Фасмера, в котором сведения о первой или ранней фиксации слова часто весьма приблизительны.

Он же выступил с сообщением об истории слова *каланча*.

В. Д. Аракин (Москва) в докладе «Тюркские лексические элементы в русских былинах» сделал оригинальную попытку на основании использованной в тексте былины тюркской лексики датировать время возникновения некоторых из них. На материалах древнерусской письменности был сделан доклад И. С. Козырева (Орел) «К вопросу изучения тюркизмов в русском и белорусском языках. (Пути проникновения тюркизмов в русский и белорусский языки)», в котором русский лексический материал сопоставлялся с белорусским на основе диалектов и памятников письменности.

Р. З. Киясбейли (Баку) в докладе «Тюркизмы в большом академическом словаре современного русского литературного языка» вернулась к актуальным лексикографическим вопросам подачи тюркизмов. Диалектологические методы лингвогеографического исследования нашли применение в близких по тематике докладах Л. А. Кубановой (Карачаевск) «Словарные тюркизмы и лингвистическая география», Э. Н. Кушлиной (Душанбе) «Некоторые вопросы актуальности тюркизмов в русском языке» и И. Т. Спириной (Уральск) «Фонетическое освоение заимствований из тюркских языков говором уральцев».

В докладе Д. С. Сетарова (Карши) «Тюркизмы в русских названиях птиц» был дан этимологический анализ восемнадцати наименований птиц, восходящих к тюркским языкам. Истории глагола *басить* было посвящено краткое сообщение М. Д. Феллера (Львов) «Тюркизм в лексике печатного дела». Роль русского языка в распространении тюркизмов и семантические изменения при переходе тюркизмов в другие языки рассмотрел Б. Ю. Норман (Минск) в докладе «Русский язык как «передатчик» тюркизмов».

И. Г. Добродомов (Москва) в докладе «Булгаризмы в восточнославянских языках» предпринял попытку обосновать булгарско-чувашское происхождение слов *шапка* и *яндова* (ендова). Р. В. Кравчук (Минск), выступивший с докладом «Тюркологические мифы (мнимые тюркизмы в славянских языках)», предостерегал исследователей против увлечения тюркскими этимологиями славянских слов и привел ряд примеров, когда слову бесспорно тюркского происхождения приписывалось тюркское происхождение.

Поскольку русские тюркизмы часто имеют параллели в других славянских языках, важное значение для их анализа приобретает сопоставительное изучение этих параллелей. Этим вопросам были посвящены доклады и сообщения А. К. Антоновича (Вильнюс) «Восточные слова в так называемых книгах», А. М. Бульки (Минск) «Словообразовательная способность тюркизмов в старобелорусском языке», В. В. Мартынова (Минск) «Об одном гипотетическом белорусском булгаризме», А. Е. Супруна (Минск) «К вопросу о татаризмах в бело-

русском языке», *Г. В. Пальцева* (Минск) «О белорусском названии выпя», *Г. И. Халимоненко* (Москва) «Двухвариантные тюркские лексемы в украинском языке», *К. М. Гюлюмянца* (Минск) «К изучению турецких заимствований в польском языке», *Н. И. Зайцевой* (Минск) «По поводу некоторых тюркизов в чешской и словацкой мифологической лексике».

Специальное заседание симпозиума было посвящено вопросам ономастики. *Н. А. Баскаков* (Москва) в докладе «Русские фамилии тюркского происхождения» рассказал о своих этимологических исследованиях русских фамилий, восходящих к тюркским корням. Аналогичные проблемы, но на белорусском материале, были затронуты в докладе *Н. В. Бирилло* (Минск) «Тюркизмы в современных белорусских фамилиях». *Г. Ф. Благова* (Москва) посвятила свой доклад «Из тюркских элементов в русской этнонимии» анализу исторического развития названий тюркоязычных народов. *Н. П. Бутенко* (Львов) в докладе «Тюркские географические термины в составе топонимов» остановилась на рассмотрении тюркских географических терминов, употребляемых в качестве второго компонента географических названий.

В принятых на симпозиуме рекомендациях подчеркивается целесообразность продолжения работы над разработкой инструкции для составления словарей тюркизов и необходимость приступить к работе над со-

ставлением пробных статей (выпусков) национальных словарей тюркизов с таким расчетом, чтобы на следующем симпозиуме обсудить проекты инструкций и статей, а по возможности и проекты национальных словарей тюркизов.

Принимая во внимание, что создание словарей тюркизов является назревшей задачей, требующей комплексного подхода, участия в ней славистов и тюркологов, участники симпозиума подчеркнули важное значение дальнейшего монографического изучения тюркизов тех или иных групп в восточных и западных славянских языках. В этой связи высказывались пожелания, чтобы лингвистическая периодика опубликовала наиболее актуальные материалы симпозиума, а белорусские научные издательства выпустили сборник материалов о тюркизмах в белорусском языке и сборник текстов на белорусском языке, писанных арабскими буквами (в транслитерации). Отмечалась также необходимость подготовки в союзных научно-библиографических центрах сводной библиографии о тюрко-славянском языковом взаимодействии.

Участники симпозиума рекомендовали создать научную комиссию по языку литовско-белорусских татар и просили Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» утвердить состав такой комиссии.

Очередной симпозиум намечено провести в Киеве зимой 1971 г.

И. Г. Добродомов

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЕМИНАР ПО ВОПРОСАМ СТАТИСТИЧЕСКОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

19—21 мая с. г. в г. Алма-Ате проходил Всесоюзный семинар по вопросам статистического и информационного изучения тюркских языков. В работе семинара наряду с местными языковедами приняли участие ученые из Москвы, Ленинграда, Минска, Ташкента, Баку, Фрунзе, Казани, Горького, Кишинева, Новосибирска, Горно-Алтайска, Перми, Самарканда, Днепропетровска, Кызыл-Орды и Чимкента.

Участники семинара обсудили некоторые предварительные результаты работы группы «Статистико-лингвистических исследований и автоматизации» Института языкознания АН КазССР, обменялись опытом исследовательской работы в области математической и структурной лингвистики.

Работа семинара, помимо пленарных заседаний, проходила также по двум секциям:

1. Частные вопросы статистико-информационного изучения тюркских языков;
2. Автоматическая переработка текстов тюркских языков с помощью ЭВМ и информационные измерения тюркских языков.

В последний день семинара работниками Института языкознания демонстрировалась в ВЦ автоматическая переработка казахских и других тюркских текстов на ЭВМ «Минск-22». Помимо этого были продемонстрированы автоматическое реферирование английского, французского и русского текстов и автоматический перевод с английского на русский язык, выполненный во всесоюзной группе «Статистика речи», возглавляемой проф. Р. Г. Пиотровским.

Семинар открыл краткой вступительной речью вице-президент Академии наук КазССР академик Д. В. Сокольский, подчеркнувший важное значение использования математических методов в лингвистике и других гуманитарных науках на современном этапе их развития.

Директор Института языкознания Академии наук КазССР академик С. К. Кенесбаев отметил в своем выступлении, что

видный советский языковед Е. Д. Поливанов в статье «И математика может быть полезной...», опубликованной еще 40 лет тому назад, обратил внимание лингвистов на необходимость привлечения математики к исследованию языковых проблем. В последние годы, сказал он, в связи с развитием кибернетики математические и инженерные методы стали все шире применяться и в языкознании. Указав на необходимость дальнейшего расширения использования этих методов, оратор подчеркнул вместе с тем, что лингвостатистическое направление в современной науке о языке вовсе не отменяет сравнительно-исторические и сопоставительные методы исследования.

Участниками семинара был заслушан ряд докладов. На пленарном заседании с докладом «О статистическом изучении тюркских языков» выступил руководитель группы «Статистико-лингвистических исследований и автоматизации» Института языкознания АН КазССР К. Б. Бектаев. Его выступление было посвящено обоснованию перспективности применения математических (вероятностно-статистических, теоретико-информационных) и инженерных (электронно-вычислительная техника) методов в тюркологических исследованиях. Докладчик отметил, что статистические данные являются объективными показателями, вскрывающими закономерности функционирования языков и отвечающими всевозрастающим требованиям точности и надежности выводов при исследовании лингвистических явлений.

Велика эффективность применения ЭВМ в лексикографических и лексикологических работах. Опыт получения различного вида словарей слов и словосочетаний по четырем книгам эпоса М. Ауэзова «Путь Абая» и комплекс разработанных для этой цели программ на ЭВМ «Минск-22» могут быть использованы для исследования любых языков с русским и латинским вводами. Особое значение имеет получение на ЭВМ конкордансов как по древнетюркским пись-

менным памятникам, так и по современным текстам. Получение на ЭВМ обратных частотных словарей даст возможность определить с большой точностью функциональные нагрузки грамматических форматов. Частотные списки сочетаний графем и фонем, создаваемые с помощью электронно-вычислительной техники, открывают перспективы квантитативного изучения фонетики и фонологии. Успешное решение этих проблем может быть достигнуто объединением усилий лингвистов, математиков и инженеров. Именно благодаря такому содружеству были достигнуты определенные успехи в работе группы «Статистико-лингвистические исследования и автоматизация», ведущей свои научные поиски в тесном контакте с общесоюзной группой «Статистика речи».

Г. П. Мельников (Москва) в докладе «Проблема языка-эталоны в тюркологии» рассказал о предпринимающихся попытках создания тюркского языка-эталоны на базе системной лингвистики. В процессе этой работы с помощью детерминантного тюркского языка-основы были выявлены особенности фонетического, морфологического и синтаксического строя тюркских языков.

В докладе «Статистическое описание романа М. Ауэзова «Путь Абая» *А. Джубанов* и *С. Мирзабеков* (Алма-Ата) доложили о результатах машинного анализа этого романа. На ЭВМ «Минск-22» ими получены частотные, алфавитно-частотные, обработано-частотные словари по каждой из четырех книг в отдельности и по всему роману в целом. В романе оказалось 466 тысяч словоупотреблений и 61 тысяча разных словоформ (с различением омонимии). На обширном материале романа докладчики наглядно показали, какие возможности при исследовании лексики и морфологии текста таят в себе статистические методы.

А. Ахабаев (Чимкент) в докладе «Статистическое описание современных казахских литературных текстов (на материале газет)» предложил ряд видов частотных словарей слов и словоформ, составленных по текстам, общим объемом в 150 тысяч словоупотреблений. Как показало исследование, 50% текста покрывают 300 наиболее часто встречающихся слов и 800 наиболее употребительных словоформ. В докладе дан также статистический анализ синонимических аффиксов существительных.

А. Г. Байер, Н. С. Пак, Г. Г. Шуберт (Чимкент) в групповом докладе «Статистика и преподавание иностранных языков» рассмотрели вопросы, связанные с оптимизацией преподавания иностранных языков на основе вероятностного принципа. Сделанные в докладе выводы могут найти применение и в процессе преподавания казахского и других тюркских языков в иноязычной аудитории.

На пленарных заседаниях были заслушаны также доклады *М. М. Глушко* (Москва) «Статистические методы в изучении

структуры языка и текста», *М. М. Копыленко* (Алма-Ата) «Описание структур казахского и русского языков в терминах аппликативной модели», *В. С. Храковского, Д. М. Насилова* (Ленинград) «Применение принципа деривации синтаксических структур предложения в тюркских языках».

Выступившие на пленарных заседаниях семинара работники Пермского научно-исследовательского института управляющих машин и систем *А. И. Бобров, С. Н. Батуев, В. А. Галиева, Л. Т. Чичулина* и *Н. Н. Плотникова* поделились опытом работы по статистическому изучению языков.

С большим интересом заслушали собравшиеся сообщение сотрудников Горьковского научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики *В. В. Бородин, С. М. Козина* и *В. В. Кознова* о полученном ими словоуказателе по сочинениям Владимира Ильича Ленина.

На заседании секции «Частные вопросы статистико-информационного изучения тюркских языков» выступили *К. И. Ищанов, А. В. Садчикова* и *С. Мирзабеков* (Чимкент), рассказавшие о сопоставительном изучении русского и казахского языков на речевом уровне, а также *А. Ахабаев, А. Болботаев, К. Молдабеков, Н. Осижитова* (Чимкент), сообщившие о результатах статистического анализа порядка слов в простом предложении казахского языка.

Три доклада, прочитанные на заседании этой секции, были посвящены фонетике и фонологии тюркских языков. В групповом докладе *Ж. А. Аралбаева, К. Б. Бектаева, В. А. Исенгельдиной, Б. Д. Тайлакбаева* и *С. С. Татубаева* (Алма-Ата) были изложены статистические данные о фонетической структуре различных диалектов казахского языка, дана оценка статистического анализа сравнительного изучения казахского, каракалпакского и ногайского языков. На основе транскрипции, разработанной *Н. А. Баскаковым* и *С. К. Кенесбаевым* и дополненной авторами, были затранскрибированы тексты на этих языках. С помощью ЭВМ «Минск-22» докладчики получили сведения о частотности фонем и фонемосочетаний, и на их основе дан первый статистический анализ результатов с вероятностной оценкой. В докладе *С. С. Татубаева* (Алма-Ата) рассматривались вопросы певческой фонетики казахского языка, а в докладе *Е. Фазылова* и *С. Ризаева* (Ташкент) говорилось о результатах работы по статистическому изучению фонологической структуры узбекского языка.

О влиянии тюркских языков на болгарский сообщил в своем докладе на заседании секции *Г. В. Ермоленко* (Алма-Ата). *А. Ергалауов* (Алма-Ата) посвятил свое выступление статистической характеристике форм страдательного залога в английском и казахском языках.

На заседании секции «Автоматическая переработка текстов тюркских языков с по-

мощью ЭВМ и информационные измерения тюркских языков» были заслушаны доклады *Д. А. Байтанаевой* (Алма-Ата) «Энтропия казахского языка» и *М. К. Чалабаева* (Чимкент) «Энтропия узбекского языка». Слоговой структуре слов татарского языка был посвящен доклад *Т. И. Ибрагимова* (Казань). *Г. П. Мельников* зачитал сообщение *К. Вемевой* (Баку) на тему: «Автоматическая расстановка и огласовка морфем азербайджанского языка». Программирование тюркских текстов и его машинная реализация были темой доклада *Х. Валиева* (Алма-Ата). Выявлению вероятностных законов распределения лингвистических явлений посвятил свой доклад *А. Джубанов* (Алма-Ата). (Оба последних доклада сопровождалась демонстрацией на ЭВМ).

А. А. Землянский, В. В. Морозенко, И. Ф. Турук и *В. В. Шураков* (Москва) в коллективном докладе на тему: «Автоматизация лексико-статистического исследования письменной речи» рассмотрели комплекс программ, касающихся автоматизации лингвистических работ и методов корреляционного анализа при исследовании языков. Доклад *Л. И. Белоцерковской, Н. Исабековой* (Чимкент), *М. В. Данейко* и *В. А. Соркиной* (Минск) был посвящен статистическому анализу глагольных и именных трехсловных сочетаний — триад. На основе частотных списков триад ими выявлены конструкции, которые могут быть использованы при автоматическом переводе.

Вопросы автоматизации перевода были рассмотрены также в докладах *Р. М. Муштафина* (Казань) «Статистико-информационное исследование перевода выдов русского глагола на татарский язык», *Ю. Н. Марчукова* (Москва) «О дистрибутивно-статистической характеристике классов слов» и *Р. Г. Пиотровского* «Многозначность и идиоматичность в машинном словаре».

Н. А. Халитова (Казань) поделилась опытом работы в области автоматизации перевода с русского на татарский язык.

В обсуждении докладов и сообщений приняли участие *В. М. Наделяев, И. Е. Алексеев* (Новосибирск), *А. А. Пиотровская* (Ленинград), *М. Ч. Чумакаева* (Горно-Алтайск), *Н. Е. Петров* (Якутия), *К. Диханов* (Фрунзе), *А. И. Попеску* (Кишинев), *М. А. Черкасский* (Алма-Ата), *Б. И. Артюхова* (Днепропетровск), *В. С. Эгамов* (Самарканд), *С. Мусаходжаев* (Ташкент) и др.

На семинаре отмечалось, что хотя в нашей стране статистико-информационное изучение языковых явлений начато сравнительно недавно, уже сейчас можно говорить об определенных достижениях в этой области. До сих пор ЭВМ особенно успешно применялись в лексикографии и при описании языков крупных казахских поэтов и писателей, в первую очередь Абая Кунанбаева и Мухтара Ауэзова. Участники семинара подчеркнули важное значение проводимых работ и отметили ценную помощь, оказываемую казахским языковедам учеными Москвы и Ленинграда.

К. Б. Бектаев, Г. В. Ермоленко

PERSONALIA

КОНСТАНТИН КУЗЬМИЧ ЮДАХИН

(К 80-летию со дня рождения)

Видный советский тюрколог, крупный лексикограф, знаток живых тюркских языков и древнетюркской письменности, участник первого съезда советских тюркологов, Константин Кузьмич Юдахин родился 31 мая 1890 г. в гор. Орске, бывшей Оренбургской губернии. Детство он провел в гор. Аулиэ-Ата (ныне гор. Джамбул Казахской ССР). Тесное общение с казахским, киргизским и узбекским населением дало ему возможность уже в раннем возрасте овладеть языками этих народов, что и предопределило научные интересы будущего ученого.

В 1906 г. по окончании приходского училища К. К. Юдахин поступает в Туркестанскую семинарию в гор. Ташкенте, где продолжает совершенствоваться в узбекском языке и изучает персидский. Находясь на работе с 1915 по 1920 гг. в Синьцзяне, он изучил и уйгурский язык.

В 1925 г. К. К. Юдахин заканчивает восточный факультет Среднеазиатского государственного университета по специальностям турецкой и иранской филологии.

По окончании университета он направляется в Ленинград, где вскоре назначается преподавателем узбекского, казахского и киргизского языков в Ленинградском восточном институте. Одновременно он работает в Академии наук СССР и на восточном факультете Ленинградского государственного университета.

В Ленинграде у К. К. Юдахина пробуждается интерес к лексикографической работе. Составленный им и изданный в 1927 г. краткий «Узбекско-русский словарь» лег в основу всех узбекско-русских словарей, издававшихся до настоящего времени. В эти же годы он приступает к составлению киргизско-русского словаря.

В 1932 г. К. К. Юдахин переезжает в Москву, где назначается заведующим кафедрой уйгурского языка в Московском институте востоковедения и научным сотрудником центрального комитета тюркского алфавита. Его статьи «О сокращении некоторых

В мае с. г. исполнилось 80 лет со дня рождения и 60 лет научно-педагогической деятельности академика Академии наук Киргизской ССР, члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Киргизской ССР, почетного члена Международного общества алтаистов, доктора филологических наук, профессора Константина Кузьмича Юдахина.

букв в тюркско-татарских алфавитах», «О новом киргизском алфавите» имели большое значение для разработки письменности, орфографии и терминологии языков народов Средней Азии. Действующие ныне алфавит и орфография киргизского языка были разработаны под его непосредственным руководством. Он принимал также активное участие в разработке дунганской письменности.

В 1940 г. Высшая аттестационная комиссия присвоила К. К. Юдахину звание профессора.

В 1944 г. К. К. Юдахин переезжает в Киргизию. Здесь он заведует сектором языка Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР (1944—1952), работает профессором Киргизского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (1946—1951), профессором Фрунзенского женского педагогического института им. В. В. Маяковского (1951—1954) и профессором кафедры узбекского языка в Ферганском педагогическом институте (1952—1954).

За плодотворную научную деятельность в 1949 г. К. К. Юдахину была без защиты присвоена ученая степень доктора филологических наук.

К. К. Юдахин поддерживает постоянные связи с научными центрами других среднеазиатских республик, прежде всего Узбекистана. Он подготавливает молодых ученых-тюркологов из числа узбеков, участвует в обсуждении актуальных вопросов узбекского языкознания. Деятельность К. К. Юдахина в области изучения языка и культуры узбекского народа была высоко оценена научной общественностью Узбекистана — в 1952 г. он избирается членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР.

С открытием Академии наук Киргизской ССР в 1955 г. К. К. Юдахин избирается ее действительным членом С 1955 по 1957 гг. К. К. Юдахин — старший научный сотрудник сектора словарей и терминологии Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР. С 1955 г. он — профессор кафедры киргизского языка Киргизского государственного университета.

Исследовательская и практическая работа проф. К. К. Юдахина охватывает как современные, так и древние тюркские языки, их диалекты и историю. Он автор таких работ, как «Фонетическая запись Манкентского диалекта (1923)», «Узбекско-русский словарь» (1927), «Некоторые особенности карабулакского говора» (1927), «К вопросу о звуковом составе чагатайского языка» (1929), «Из льялякских материалов» (1948), «Уйгурская хрестоматия» (1948), «Уйгурско-узбекские языковые связи» (1950), «Итоги и задачи изучения киргизских диалектов», «Классификация киргизских диалектов» (1956), «Водит лахжаси хакида бир печа суз» (1957) и многих других.

К. К. Юдахин является первым собирателем и исследователем лексики киргизского

языка. Он накопил богатейший материал, который впервые был систематизирован и обработан в его «Киргизско-русском словаре» (М., 1940), содержащем более 25 тыс. слов. Эта работа легла в основу киргизской лексикографии и лексикологии.

Особого внимания заслуживает «Русско-киргизский словарь» (более 40 тыс. слов), составленный Х. К. Карасаевым, Дж. Шукуровым и К. К. Юдахиним, который был издан в 1944 г. в Москве под редакцией К. К. Юдахина. Под его руководством этот словарь со значительными дополнениями был в 1957 г. переиздан в Москве (51 тыс. слов).

Значительное практическое и научное значение имеют труды проф. К. К. Юдахина, посвященные различным вопросам грамматики (грамматические очерки, приложения к словарям, труды по изучению грамматического строя уйгурского, письменного чагатайского и узбекского языков), а также теоретические работы по диалектологии узбекского, киргизского и уйгурского языков.

К. К. Юдахин участвует в изучении и разработке вопросов киргизского литературоведения. При его активном участии создан четырехтомный сводный вариант эпоса «Манас», составлены научные комментарии ко всем его 4-м томам. В настоящее время К. К. Юдахин редактирует подстрочный перевод эпоса «Манас», который намечается издать в Москве в серии «Эпосы народов СССР» в объеме 300 тыс. стихотворных строк.

Наиболее фундаментальным трудом К. К. Юдахина является «Киргизско-русский словарь», изданный в 1965 г. издательством «Советская энциклопедия» в Москве, включающий около 40 тыс. слов. Эта работа, являющаяся плодом сорокалетнего труда К. К. Юдахина, раскрывает все лексическое и семантическое богатство киргизского языка и представляет собой своеобразную энциклопедию, содержащую богатейший словесный материал для изучения истории, нравов, обычаев и психологии киргизского народа. Этот словарь получил высокую оценку научной общественности, а его автор, проф. К. К. Юдахин, был в 1967 г. удостоен Государственной премии СССР.

Труды К. К. Юдахина известны далеко за пределами нашей страны. Его первый киргизско-русский словарь переведен на турецкий язык и издан в Стамбуле в 1945—1947 гг. В 1961 г. Международное научное урало-алтайское общество избрало К. К. Юдахина своим почетным членом.

К. К. Юдахин в течение многих лет был членом коллегии Министерства просвещения Киргизской ССР и председателем комиссии по родному языку в киргизской школе Учебно-методического Совета Министерства просвещения Киргизской ССР. Он принимает активное участие в подготовке высококвалифицированных научных кадров из представителей местных национальностей. Под его руководством защищено более 20 докторских и кандидатских диссертаций.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность К. К. Юдахина отмечена высокими наградами — орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак почета», медалями СССР, а также Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Киргизской ССР. Ему присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Киргизской ССР.

За большие заслуги в развитии советской филологии, подготовке научных кадров и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения Президиум Верховного Совета СССР наградила Константина Кузьмича Юдахина вторым орденом Трудового Красного Знамени.

К. К. Сартбаев, А. Т. Турсунов

САЛИХ МУТАЛЛИБОВ

(К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения видного узбекского ученого доктор» филологических наук Салиха Муталлибова.

С. Муталлибов родился в 1900 г. В 12-летнем возрасте он поступил в медресе, где изучал арабский и персидский языки. После победы Великого Октября С. Муталлибов в числе первых узбеков окончил советскую школу.

В 1920—1927 гг. С. Муталлибов преподает в средних учебных заведениях Ташкента, Самарканда, Ферганы, Коканда. В 1927 г. он поступает в открывшуюся в Самарканде педагогическую академию, которую заканчивает в 1931 г. В 1936 г. будущий ученый поступил в аспирантуру. Учебу в аспирантуре С. Муталлибов завершает в Ленинграде, где знакомится с выдающимися советскими учеными Л. В. Щербой, И. И. Мещаниновым, С. Е. Маловым.

С 1946 г. С. Муталлибов заведует отделом Института востоковедения, а с 1950 г. по сей день является сотрудником Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР.

В 1944 г. С. Муталлибов защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Критический текст «Хайрат аль-абрар» («Смятение праведных»), а в 1964 г. за совокупность работ по «Дивану лугат-ит тюрк» Махмуда Кашгарни ему присуждается ученая степень доктора филологических наук.

В научной деятельности С. Муталлибова можно выделить следующие основные направления: это — издание памятников, лингвистические и текстологические исследования, а также педагогическая работа.

Главным из этих направлений для С. Муталлибова является издание памятников. 17 лет напряженного труда ученый посвятил переводу на узбекский язык и научному комментированию выдающегося памятника XI в. «Дивану лугат-ит тюрк» Махмуда Кашгарни. Им же был подготовлен к изданию другой ценный памятник XIII в. «Ат-тухфат-уз-закыйя фил-лугат-ит-туркийя».

Перу С. Муталлибова принадлежит ряд работ лингвистического характера. В 1956 г. на материалах «Кутадгу билиг» и «Дивану лугат-ит тюрк» он издал моно-

графию «Глагол в памятниках XI в.». Его книга «Краткий очерк морфологии и лексики» (1959) по настоящее время широко используется студентами филологических факультетов вузов Узбекистана.

Особое место в научной деятельности С. Муталлибова занимают сбор и издание произведений великого узбекского поэта Алишера Навои. В 1944 г. он завершил работу над составлением научно-критических текстов «Хайрат аль-абрар» («Смятение праведных») и «Вакфия» («Вакуфная запись»), сопроводив их краткими, но весьма содержательными комментариями. В текущем году выйдет из печати на узбекском языке подготовленный им сборник афоризмов Алишера Навои.

Под редакцией С. Муталлибова издана книга «Вопросы и ответы в беседе Бируни с Авиценной» и индекс «Дивану лугат-ит тюрк». Он перевел с арабского на узбекский язык 1, 2 и 8 тома сказок «Тысячи и одной ночи».

С. Муталлибов имеет значительные заслуги и в области подготовки кадров тюркологов.

Э. А. Умаров

АХНЕФ АХМЕТОВИЧ ЮЛДАШЕВ

(К 50-летию со дня рождения)

Исполнилось 50 лет со дня рождения и 30 лет научно-педагогической деятельности старшего научного сотрудника сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР доктора филологических наук Ахнефа Ахметовича Юлдашева.

А. А. Юлдашев родился 30 июля 1920 г. в селе Кальшали Туймазинского района Башкирской АССР в татарской крестьянской семье. После окончания сельской средней школы и отделения иностранных языков педучилища он с 1938 по 1942 г. работал преподавателем немецкого языка. В 1942—1945 гг. А. А. Юлдашев находился в рядах действующей армии и получил семь боевых наград.

В 1947 г. А. А. Юлдашев окончил факультет иностранных языков заочного от-

деления Куйбышевского пединститута. В том же году он поступил в аспирантуру филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, где получил тюркологическую подготовку под руководством Н. К. Дмитриева. С 1950 г., после защиты кандидатской диссертации, он работает в секторе тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР.

Кандидатская диссертация А. А. Юлдашева была посвящена малозученному до сих пор языку тептярей («Язык тептярей», рукопись, М., 1950). Его перу принадлежат исследования о Туймазинском говоре башкирского языка, а также его северо-западном диалекте в целом.

А. А. Юлдашев — автор специального руководства по технике собирания диалектного материала и работ о диалектах башкирского языка, о башкирском литературном языке, а также по современному башкирскому правописанию.

Особое внимание уделяется А. А. Юлдашевым теоретическому изучению глагола в башкирском и других тюркских языках. В монографии «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» (1958) детально анализируются структура и семантика словообразовательных и словоизменительных категорий — вида, залога, модальности, наклонений и времени. Категории глагола исследуются также в его работах: «Категория глагольного вида в башкирском языке», «Принцип выделения и трактовки категории залога в башкирском языке», «Об аналитических формах настоящего времени в тюркских языках», «К проблеме аналитизма в тюркских языках».

А. А. Юлдашев посвятил аналитическим формам глагола свою вторую монографию «Аналитические формы глагола в тюркских языках» (1965). В этом труде выделены аналитические формы вида, модальности и наклонений глагола в современных тюркских языках, дается углубленный их анализ в связи с другими глагольными формами, с которыми аналитические формы взаимодействуют. За это исследование

А. А. Юлдашеву была присвоена ученая степень доктора филологических наук (1966).

Ряд работ А. А. Юлдашева посвящен башкирскому синтаксису, вопросам лексикологии и ономастики. Недавно А. А. Юлдашевым закончена работа над монографией, посвященной теоретическим проблемам составления тюркско-русских переводных словарей.

А. А. Юлдашев много времени и внима-

ния уделяет рецензированию и редактированию тюркологических работ, переводу научной литературы с немецкого языка. участвует в подготовке кадров тюркологов для тюркоязычных республик.

Автор семидесяти пяти научных работ, среди которых четыре монографии, А. А. Юлдашев находится в расцвете творческих сил. Можно не сомневаться, что он обогатит советскую тюркологию еще не одним ценным исследованием.

Э. Р. Тенишев

ХРОНИКА

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Произведения азербайджанских писателей, созданные в период Великой Отечественной войны, составили целый этап в истории развития азербайджанской литературы, обогатив ее яркими героическими образами советских людей — воинов, самоотверженно ставших грудью на защиту своего социалистического отечества. Глубокая связь с жизнью народа, чувство большой ответственности перед ним в сложнейший период борьбы за свободу и независимость Родины определили передовые идейные позиции писателей, вдохновили их на поиски новых художественных форм и средств выражения.

Теме «Великая Отечественная война и азербайджанская советская литература» посвящена докторская диссертация Б. А. Набиева, защищенная им 5 мая с. г. на заседании филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР.

В диссертации дается оценка вкладу азербайджанских писателей в тему Великой Отечественной войны — общую для многонациональной советской литературы, анализи-

руется развитие этой темы в послевоенный период, прослеживается переход от первого этапа в разработке военной тематики к более углубленному художественному осмыслению значения минувшей войны в жизни и судьбах советских народов в послевоенное время.

Диссертант впервые в азербайджанском литературоведении проследил отмеченный своеобразием и художественными поисками путь, пройденный азербайджанской литературой в военные годы, научно проанализировал достижения азербайджанских писателей в разработке военной тематики.

В работе получили освещение такие вопросы, как тематическая новизна, жанровые особенности произведений того периода, успехи писателей в создании полнокровных художественных образов тружеников фронта и тыла. Подвергнув тщательному анализу творчество ряда поэтов и писателей, автор характеризовал художественную манеру и индивидуальный стиль каждого из них, раскрыв вместе с тем идейно-художественное единство и целостность советской литературы военного времени.

Автор указывает, что влияние Великой Отечественной войны на народную жизнь и судьбы мира было столь большим и глубоким, что тема войны до сих пор продолжает сохранять свою актуальность для художественной литературы, питая творческое воображение советских писателей, в том числе и азербайджанских.

Официальные оппоненты диссертанта — доктора филологических наук, профессора М. Д. Пашаев, К. А. Талыбаде и Г. Г. Халилов дали положительную оценку диссертации. Они отметили, что к ее несомненным достоинствам относятся широта охвата проблемы, глубоко проникновение в сущность литературного процесса, объективность оценок, раскрытие своеобразия и богатства палитры азербайджанских писателей, посвятивших свои произведения теме Великой Отечественной войны.

Члены Ученого совета единогласно высказались за присвоение Б. А. Набиеву ученой степени доктора филологических наук.

РЕЗУЛЬТАТ МНОГОЛЕТНЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

На заседании объединенного Ученого совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР, состоявшемся 31 марта с. г., была обсуждена докторская диссертация доцента Кабардино-Балкарского государственного университета Аппаева Аскера Макаровича на тему: «Карачаево-балкарский язык и его диалекты».

Совокупностью многочисленных работ, представленных в качестве докторской диссертации, А. М. Аппаев как бы подводит итог своей многолетней работе в области изучения диалектов и народных говоров на территории Балкарии и Карачая в их отношении к сложившемуся карачаево-балкарскому литературному языку.

Карачаево-балкарский язык, представляющий в своей исторической основе язык двух национальностей — карачаевцев и балкарцев, — входит в состав кыпчакско-половецкой подгруппы тюркских языков и по своим фонетико-морфологическим особенностям очень близок к казахскому, кумыкскому и ногайскому языкам. В нем относительно четко сохранились древние черты половецкого языка.

В представленной к защите диссертационной работе получили отражение такие важные научно-практические вопросы, как классификация и внутреннее членение диалектов, их фонетическая и лексико-грамматическая характеристика, определение основы литературного языка.

С точки зрения как карачаево-балкароведения, так и общей тюркологии определенный научный и практический интерес представляет систематическая характеристика черекского, хуламо-безенгийского, чегемского, баксанского диалектов общенародного языка балкар и карачаевцев. Дифференциальными признаками классификации, по мнению исследователя, выступают главным образом фонетические, лексические и, реже, грамматические особенности этих диалектных единиц.

Исследование диалектов родного языка не является для А. М. Аппаева самоцелью. На основании изучения диалектных явлений на разных уровнях он пытается определить закономерности и процессы становления единого карачаево-балкарского литературного языка и дать оценку роли внешнесоциальных факторов в этом процессе. Не ограничиваясь рассмотрением всевозможных диалектных явлений с точ-

ки зрения норм литературного языка и сравнением конкретных расхождений и сходжений между ними, он подвергает систематическому описанию фонетический и лексико-грамматический строй литературного языка, в котором все еще происходит процесс стабилизации и нормализации. Именно в этом живом процессе становления литературного языка автор усматривает его неразрывную связь с общенародной основой живого языка.

Среди трудов А. М. Аппаева по карачаево-балкарской филологии существенное место занимают также записки и публикации по устному народному творчеству балкар и карачаевцев.

Диссертационная работа А. М. Аппаева получила высокую оценку официальных оппонентов — чл.-корр. АН КазССР Г. Г. Мусабаева, д-ра филол. наук, проф. В. А. Исенгалиевой и акад. АН КазССР С. К. Кенесбаева.

Объединенный Ученый совет единодушно решил ходатайствовать перед ВАК о присвоении диссертанту ученой степени доктора филологических наук.

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ

В июне с. г. на заседании секции филологических наук Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации доцентом кафедры азербайджанского педагогического института языков им. М. Ф. Ахундова Г. А. Байрамовым на тему: «Основы фразеологии азербайджанского языка».

Исследование фразеологии тюркских языков в нашей стране началось в основном в 1950-х гг. За минувшие двадцать лет на материале ряда тюркских языков написаны статьи, несколько кандидатских и одна докторская диссертация. В большинстве своем эти работы посвящены фразеологии языка художественных произведений отдельных писателей и лишь немногие — специальным вопросам фразеологии того или иного тюркского языка. Что же касается теоретических основ фразеологии тюркских языков, то они до сих пор еще не разработаны.

В процессе работы над диссертацией Г. А. Байрамов собрал по материалам периодической печати, художественных произведений и фольклора до 30 тысяч фразеологических единиц. Он осветил в общих чертах историю развития фразеологической системы азербайджанского языка, провел сравнительное исследование ряда вопросов фразеологии на материале нескольких тюркских языков.

В диссертации рассматриваются общие теоретические вопросы фразеологии азербайджанского языка. На основе собранного языкового материала диссертант освещает источники возникновения фразеологизмов, их отношение к слову и к свободно-словосочетанию, к фольклорным материалам, определяет место фразеологизмов в ряду устойчивых словосочетаний и идиоматических выражений, затрагивает вопрос о дословном переводе фразеологических единиц азербайджанского языка на другие языки и т. д.

В диссертации исследуется также вопрос об употреблении фразеологизмов в памятниках древнетюркской письменности. Фразеологический материал орхоно-енисейских эпиграфий и словаря Махмуда Кашгари сопоставляется автором с материалами некоторых современных тюркских языков, в том числе азербайджанского. В результате диссертант приходит к выводу, что

истоки фразеологии современных тюркских языков уходят в глубокую древность.

Исследовав фразеологический материал «Китаби Деде-Коркуд», произведений Насими, Физули, Вагифа, Ахундова и сопоставив его с соответствующим материалом современного азербайджанского языка, диссертант заключает, что фразеологическая система последнего развивалась в основном за счет количественного накопления.

В диссертации подробно анализируется также семантическая и грамматическая структура фразеологизмов современного азербайджанского языка.

Научную ценность диссертационной работы отметили научный консультант Г. А. Байрамова, д-р филол. наук, проф. Э. В. Севортян и официальные оппоненты: академик АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиев, чл.-корр. АН Азерб. ССР А. М. Демирчизаде, д-р филол. наук, проф. М. Ш. Рагимов.

Члены Ученого совета единогласно высказались за присвоение Г. А. Байрамову ученой степени доктора филологических наук.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ НАСИЛОВ

20 мая с. г. скоропостижно скончался старейший советский ученый-тюрколог профессор Владимир Михайлович Насилов.

В. М. Насилов родился в 1893 г. в г. Зарайске нынешней Рязанской области. Разностороннюю востоковедную подготовку он получил в Московском Лазаревском институте восточных языков, который окончил в канун Великой Октябрьской социалистической революции.

Круг научных интересов В. М. Насилова определился сразу же: основным направлением его научных исследований стало тюркское языкознание. В 1930 г. Владимиру Михайловичу поручается руководство вновь организованной кафедрой уйгурского языка в Московском институте востоковедения. Последующее десятилетие его деятельности непосредственно связано с постановкой преподавания уйгурского языка в этом вузе, а также с теоретической разработкой проблем уйгурского языкознания.

В 1935 г. выходит его «Учебник уйгурского языка», дважды переиздававшийся впоследствии (1940, 1948). В 1939 г. вышел в свет «Уйгурско-русский словарь»,

составленный В. М. Насиловым совместно с Н. А. Баскаковым, а в 1940 г. — его «Грамматика уйгурского языка», получившая признание советских и зарубежных тюркологов. В эти же годы появляется ряд научных статей В. М. Насилова по теории уйгурского и других тюркских языков.

В 1940 г. В. М. Насилову присваивается ученое звание профессора. С 1943 г. он — профессор кафедры тюркской филологии филологического факультета МГУ. Параллельно он в разное время преподает в Академии внешней торговли, Институте внешней торговли и других учебных заведениях.

В 1954 г. В. М. Насилов возглавил кафедру турецкого, монгольского и венгерского языков Московского государственного института международных отношений, а с 1955 г. стал одновременно заведовать кафедрой тюркской филологии филологического факультета МГУ и в течение многих лет вел теоретические курсы сравнительной грамматики тюркских языков, грамматики древнетюркских языков и др. В эти годы В. М. Насилов проделал большую работу по подготовке квалифицированных научных кадров, в том числе и для национальных республик нашей страны.

Наряду с активной педагогической работой В. М. Насилов продолжает углубленную теоретическую работу, в частности по древним тюркским языкам. В 60-е годы выходят в свет его монографии «Язык орхон-енисейских памятников» (1960) и «Древнеуйгурский язык» (1963), а также ряд научных статей по различным вопросам тюркологии.

В. М. Насилов представлял советскую тюркологическую науку на ряде международных конгрессов и конференций.

Научно-педагогическая деятельность профессора В. М. Насилова получила высокую оценку. Он был награжден рядом орденов и медалей СССР. В связи с 70-летием со дня рождения ему было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки РСФСР.

В. М. Насилов всегда щедро делился своими разносторонними знаниями с учениками и коллегами. Его простота и душевность, бескорыстная преданность науке снискали ему признание и глубокое уважение ученых разных поколений. Все, кто знал Владимира Михайловича, учился у него и работал рядом с ним, навсегда сохранят о нем благодарную память.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ
НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ
РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

ГЛАСНЫЕ

A a — а
 Ā ā — ә
 U u — у
 I i — и
 O o — о
 Ö ö — ө
 U u — у
 Ü ü — ү
 E e — е

СОГЛАСНЫЕ

B b — б	N n — н
z z — ч, дж (ج)	P p — п
C c — ц	ng — Нг (ڭ)
^v C c — ч (چ)	ŋ — н ₁
D d — д	R r — р
F f — ф	S s — с
G g — г	^v S s — ш
G' g' — к (گ)	T t — т
γ γ — ғ (غ)	V v — в
H h — h, х ₁ (ح ₁)	Z z — з
J j — j	^v Z z — ж
K k — ка (ق)	θ θ — ç (ث)
K' k' — ке (ك)	Δ δ — з (ذ)
L l — л	X x — х (خ)
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАД БУКВАМИ

- долгота
- ◌ краткость
- ◌ носовой
- ◌ мягкость

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Э. В. Севортян (Москва). Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике	3
А. Н. Баскаков (Москва). Сложносочиненные союзные предложения в современном турецком языке	17
М. И. Трофимов (Самарканд). О влиянии длительных согласных на слоговоеделение в уйгурском языке	33
Х. Г. Нигматов (Ленинград). О глагольных корнях типа СГС и СГ по материалам Словаря Махмуда Кашгарского	39
М. Б. Финкельштейн (Ташкент). Структурные особенности некоторых узбекских синтаксических конструкций	45
А. З. Абдуллаев (Баку). Пути возникновения сложноподчиненных предложений в тюркских языках	53
М. Р. Федотов (Чебоксары). О чувашском каритивном аффиксе -СĀР (-SĀR), -СĔР (-SĔR) и его рефлекс в некоторых финно-угорских языках	60
И. Г. Добродомов (Москва). К истории культурных терминов тюркского происхождения	67

ОНОМАСТИКА, ТОПОНИМИКА, ЭТНОНИМИКА

В. М. Насилов (Москва). Ономастика охотничьего быта тувинцев, уйгуров и казахов	71
Г. П. Супруненко (Фрунзе). Из древнекыргызской ономастики	79
А. Гусейнзаде (Баку). О происхождении топонима <i>Баку</i>	82
Л. П. Потапов (Москва). К семантике названий шаманских бубнов у народов Алтая	86
Х. Д. Бакаева (Ленинград). О золотом шитье Бухары и связанных с ним терминах	94

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. С. Джидалаев (Баку). О диахронии тюрко-дагестанских языковых контактов	99
---	----

ИССЛЕДОВАНИЕ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

С. Каскабасов (Алма-Ата). Герои казахской волшебной сказки	109
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Р. Султанов (Баку). О книге д-ра Надира Вазин Пура «Структура глагола в тюркском языке (с точки зрения языковедения)»	119
---	-----

<i>Г. Кулиев (Баку). А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников</i>	128
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. Г. Добродомов (Москва). Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках</i>	131
<i>К. Б. Бектаев, Г. В. Ермоленко (Алма-Ата). Всесоюзный семинар по вопросам статистического и информационного изучения тюркских языков</i>	135

PERSONALIA

<i>К. К. Сартбаев, А. Т. Турсунов (Фрунзе). К. К. Юдахин</i>	138
<i>Э. А. Умаров (Ташкент). С. Муталлибов</i>	141
<i>Э. Р. Тенишев (Москва). А. А. Юлдашев</i>	142

ХРОНИКА

<i>Великая Отечественная война и азербайджанская литература</i>	144
<i>Результат многолетнего исследования карачаево-балкарского языка</i>	145
<i>Ценное исследование в области фразеологии</i>	146

* * *

В. М. Насилов	147
----------------------	-----

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF THE LANGUAGE

<i>E. V. Sevortyan (Moscow). Some Remarks to Turkological Studies on Grammar</i>	3
<i>A. N. Baskakov (Moscow). Compound Syntactic Sentences in the Modern Turkic Language</i>	17
<i>M. I. Trofimov (Samarkand). On the Influence of Prolonged Constants on Syllable Division in the Uigur Language</i>	33
<i>Kh. G. Nigmatov (Leningrad). On the Verb Roots of the CVC CV Type on the Materials of Mahmud Kashgari's Glossary</i>	39
<i>M. B. Finkelshtein (Tashkent). The Structural Peculiarities of Some Uzbek Syntactic Constructions</i>	45
<i>A. Z. Abdullayev (Baku). The Ways of Origin of the Complex Sentences in the Turkic Languages</i>	53
<i>M. R. Fedotov (Cheboksari). On Chuvash Caritive Affix SĀR (sar), ŠĒR (ser) and Its Reflex in Some Finno-Ugric Languages</i>	60
<i>I. G. Dobrodomov (Moscow). To the History of Cultural Terms of Turkic Origin</i>	67

ONOMASTICS, TOPONIMICS, ETHNONIMICS

В. М. Насилов (Moscow). Onomastics of the Hunting Life of Touvinians, Uigurs, Kazakhs	71
<i>G. P. Suprunenko (Frunze). From the Ancient Kirghiz Onomastics</i>	79
<i>A. Guseinzade (Baku). To the Origin of the Toponym of Baku</i>	82
<i>L. P. Potapov (Moscow). To the Semantics of Names of Tambourines Among the Peoples of the Altai</i>	86
<i>Kh. D. Bakaeva (Leningrad). On the Gold Embroidery of Bokhara and Its Related Terms</i>	94

LANGUAGE RELATIONS

<i>N. S. Jidalayev (Baku). The Criterion of Diachronic Estimation of Turkic and Daghestan Linguistic Contacts</i>	99
---	----

STUDY OF PEOPLE'S ART

- S. Kaskabasov* (Alma-Ata). The Heroes of the Kazakh Magic Fairy Tales 109

REVIEWS

- R. Sultanov* (Baku). On the Book «The Verb Structure in the Turkic Language (From the Linguistic Point of View)» by Dr. Nadir Vazin Pur 119
- G. Kuliev* (Baku). The Verbal Government in the Language of Old Turkic Monuments 128

SCIENTIFIC LIFE

- I. G. Dobrodomov* (Moscow). The Turkic Lexical Elements in the Eastern and Western Slav Languages 131
- K. B. Bektayev, G. V. Ermolenko* (Alma-Ata). The All-Union Seminar on Problems of Statistic and Informational Study of the Turkic Languages 135

PERSONALIA

- K. K. Sartbayev, A. T. Tursunov* (Frunze). *K. K. Yudakhin* 138
- E. A. Umarov* (Tashkent). *S. Mutallibov* 141
- E. R. Tenishev* (Moscow). *A. A. Yuldashev* 142

CHRONICLE

- The Great Patriotic War II and the Azerbaijanian Literature 144
- The Results of Longyear Studies of the Karachaevo-Balkar Language 145
- The Comprehensive Study in Phraseology 146

* * *

- V. M. Nasilov 147

Рукописи не возвращаются

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректор *А. Е. Сорокина*

Сдано в набор 3.VIII.1970 г. Подписано к печати 4.XI.1970 г. ФГ 20545. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,75. Физ. печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,91. Заказ № 3962.
Тираж 3200. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.

1 руб.

Индекс
70927